

Сергей
Котов

Раненные звезды

Сергей Котов

Раненые звёзды

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69811396

SelfPub; 2023

Аннотация

Нужно было попасть в отчаянное положение, чтобы открыть свой редкий талант. Каким-то образом я чувствую артефакты прошлого, которые не может обнаружить ни один археолог. Это открытие дорого мне стоило – государства и преступные группировки устроили за мной охоту. А еще прошлое Земли оказалось совсем не таким, как рассказывают в школе. В своих поисках я зашел так далеко, что мне пришлось отправиться в космос, чтобы найти ответы на главный вопрос: кто я на самом деле?

Сергей Котов

Раненые звёзды

Сергей Котов
Раненые Звезды
Роман

Часть I
Черный копатель

1

Боец лежал в неловкой позе. То ли похоронная команда не заметила, то ли неглубокую могилу разворотило близким взрывом авиабомбы. Теперь на месте того взрыва небольшое озеро с камышом. Летом тут лягушки орали, а сейчас тихо, как на кладбище. Впрочем, кладбище оно и есть, только неофициальное.

Я наклонился, вздохнул и начал аккуратно, щеткой убирать с погибшего оставшийся грунт. Конечно же, первым делом обратил внимание на обмундирование, которое было в удивительно хорошем сохране. Боец, как и следовало ожидать, был наш, красноармеец. На отвороте шинели красный ромб с одной полосой. Ефрейтор, не рядовой. Надо же. Ткань под руками не расползалась, как это обычно бывает.

«Должно быть, из-за песка, – решил я, – влаги было мало, и почва не такая кислая».

Чуть ниже пояса была кобура, а из нее торчала рукоятка оружия. Я улыбнулся. Значит, все было не зря. Не подвело меня чутье. «Ты извини, брат, – обращался я к покойнику, осторожно отстегивая увесистую кобуру, – я обязательно добуду белый лист, и приведу сюда официалов. Похороним тебя как следует. Потерпи еще маленько».

Кобура легко поддалась, словно бы и не лежала в земле без малого восемьдесят лет. Я потянул ее на себя, и тут с тихим влажным треском часть шинели оторвалась, и повисла на остатках ржавого кольца крепления. Под шинелью был пушистый белый слой то ли плесени, то ли грибницы. Галифе в этом месте, где было влажно, истлело почти полностью, обнажив тазовые кости.

Я, тихо ругая себя последними словами, отложил кобуру в сторону, и попытался аккуратно приложить кусок шинели на место. Но материал, только что казавшийся достаточно крепким, все-таки начал расползаться. Удвоив осторожность, я наклонился совсем низко, придерживая куски старой материи. И тут заметил одну странность. Надо сказать, за годы волонтерства в легальном поисковом отряде я успел повидать достаточно скелетированных трупов. И даже изучить анатомию. Такие знания были очень нужны, когда приходилось собирать останки из поврежденных захоронений или с поля боя.

В общем, у этого бойца был такой тазобедренный сустав, которого даже в питерской Кунсткамере среди коллекций разных аномалий развития было не найти. Тазовой кости как таковой не было. Вместо нее – крепкий полый «шарнир», как в автомобильной подвеске. Этот «шарнир» упирался в еще один суставный мешок у основания позвоночника. Чего, разумеется, быть никак не могло. Дрожащими руками я приподнял уцелевшую полу шинели. Та же самая картина: двойной сустав в тазу, одна перемычка упирается в позвоночник. Чувствуя, как начинают шевелиться волосы на затылке, я посмотрел на силуэт ребер под остатками гимнастерки. Чертовщина продолжалась: мощная грудная пластина упиралась нижним острым концом туда, где должна была быть диафрагма. У людей таких пластин не бывает; скорее, это было похоже на птичий киль. Я взглянул на череп, и на секунду забыл, как дышать.

Глазницы, провал носа и лоб были покрыты остатками какой-то пленки, бледно-розового цвета. На одной из них виднелось что-то, подозрительно похожее на бровь. «Сложный грим!» – догадался я; и то – только потому, что подруга когда-то работала в ночном шоу, и я видел, как она гримируется.

Сам череп был похож на человеческий. По крайней мере, отличия были не так очевидны, как в строении грудной клетки, или костей таза. Такие же глазницы, такой же провал носа. Даже челюсть – вполне человеческая на вид. Вот толь-

ко на месте, где должны быть уши, виднеются две огромные выемки.

Странно: я был почти в панике, но продолжал фиксировать все эти детали. Удивительно все-таки работает человеческое сознание. Нет, в целом, конечно, у меня с нервами все в порядке. И поисковиком был, и в десантуре служил – но любая выдержка имеет предел. Вот я и не стал разбираться дальше, что к чему; не стал осматривать бойца детально. Вместо этого вылез из раскопа, погасил фонарь, быстро, как мог, закидал могилу свежей землей, сверху аккуратно присыпал все это дело дерном, ветками и опавшими листьями, и дал деру. Не забыв, впрочем, прихватить выкопанную кобуру со стволом.

Я слышал, что многие неудачливые автомобильные контрабандисты делают закладки в отсеке для запаски, или в самой запаске. Большая ошибка, конечно: такие места проверяют в первую очередь. А во вторую – пороги и пространство в салоне, под сиденьями. Поэтому перед вылазкой я устроил в багажнике более грамотный секрет: убрал часть шумоизоляции, и сделал небольшую нишу под обшивкой на боковине багажника, за колесной аркой. После чего посадил часть покрытия на широкую липучку. Со стороны казалось, что обшивка совершенно монолитна, заведена в заводских условиях под резиновый уплотнитель, и закреплена намертво.

Вроде бы бояться было нечего: машина стоит у въезда на короткую грунтовку – там, где я ее и оставил. Но почему-то

меня все равно чуть потряхивало от напряжения. За каждым кустом виделся соглядатай, в каждой тени мерещилась за-сада. Я даже прошептал себе тихо: «Спокуха, Гришка, прорвемся!» просто чтобы услышать свой голос. Почему-то это всегда действовало на меня успокаивающе.

Осматривать кобуру, и доставать оружие я не стал. Сунул, как есть, одним грязным комком в секрет, тщательно закрыл, почистил багажник пылесосом. Потом сел за руль, и дал газу.

Домой, в город, ехать совершенно не хотелось. На въезде в Москву – посты ДПС. Не было никаких оснований думать, что меня остановят, и тем более начнут шмонать по серьезному. Но почему-то в груди все сжималось только от одной мысли, чтобы проехать мимо поста. Говорят, еще десяток лет назад все было куда проще, но в наше время с черным копательством совсем напряженка. В коммунах пишут, ребят реально сажали за солдатские пряжки от ремня, да за личные жетоны.

Однако, что же делать? Податься в область, снять комнату в какой-нибудь гостишке на пару дней? В принципе, можно было бы, если бы не два больших «но»: во-первых, я на мели. Иначе бы не сунулся за стволом. Но тут расклад такой: или тачку продавать надо, да тянуть еще несколько месяцев в ожидании, что ковидная зараза все-таки попустит, и снова можно будет зарабатывать. Фигово в наше время быть фитнес-инструктором, совсем фигово. Даже трижды сертифицированным, даже с прокачанным инстаграмом и

онлайн-программами. Если раньше на квартиру даже удавалось откладывать, то с весны уже все запасы проел. Еще пытался онлайн-курсы качать, слил кучу бюджета на бестолковую рекламу. Эх... И второе большое «но». Ствол я собирался сбывать через собственный налаженный со времен поисковых вахт контакт. И этот самый контакт точно в область не поедет, даже за хорошим хабаром. Потому что параноидально осторожен. Наверно, поэтому до сих пор остается на свободе, и даже процветает. Хотя, поговаривают, у него крыша есть, и делится он с тем, с кем надо.

Еще есть вариант отъехать на десяток километров, и заночевать где-нибудь на стоянке на трассе. Но ночи уже холодные, придется горючку палить. Да и утром в субботу возвращаться – это все равно что в открытую нарываться на то, чтобы тебя тормознули. По субботам менты почти поголовно всех проверяют, ловят тех, кто вчера не смог устоять перед соблазном перехватить пару рюмок, а сегодня вынужден ехать по каким-то делам.

Я крутанулся на ближайшей развязке. Поехал из области в Москву. Пожалуй, придется все-таки дома ночевать, делать нечего. Тормознут, значит, тормознут. Судьба такая. Если не веришь в свою удачу – нечего лезть в такие дела, куда залез я.

Меня действительно тормознули. Стараясь унять сердцебиение, я протянул вежливому гаишнику документы. Тот наклонился к открытому окну и, не особо скрываясь, обнюхал меня. Выглядело это довольно забавно: он был в маске (по-

ложено ведь!) но кончик его длинного носа торчал поверх нее, превращая в фарс благое, в общем-то, противоэпидемическое начинание.

Когда, видимо, не удовлетворившись результатами обнюхивания, гаишник попросил меня выйти из салона, и открыть багажник, со мной что-то произошло. Я вдруг перестал нервничать. Такое бывает, когда самое худшее уже случается, и все, что остается тебе делать – это пытаться минимизировать последствия, с холодной головой. Это было очень похоже на первый прыжок с парашютом. Дикий ужас – ровно до того момента, как раскрывается купол над головой. Зато потом – отстраненное спокойствие, и кайф от тихого полета.

Гаишник сунул свой длинный нос в багажное отделение. Надо сказать, там все было красиво, я вообще люблю порядок: полный комплект автомобилиста, хороший домкрат, аптечка, все аккуратно разложено по специальным кармашкам. Никакого следа секрета гаишник не заметил. Поэтому только удовлетворенно хмыкнул, и протянул мне документы, что-то пробурчав про объявленный план-перехват. Я вежливо улыбнулся и спокойно, без суеты, вернулся за руль.

Во дворе поставил машину так, чтобы не попасть под многочисленные камеры. Сделать это было непросто: городское правительство, видимо, твердо решило поставить как частную, так и общественную жизнь под четкий контроль. У меня к этому отношение было двойственное: с одной стороны,

гопота действительно исчезла; несмотря на ковидный кризис, случаи отмороженных нападений по вечерам – единичны. Но с другой – надо привыкать жить в новом прозрачном мире.

Я расстегнул куртку и, широко распахнув полы, склонился над багажником. Быстро достал находку, и спрятал за пазухой. Кобура все еще была неприятно влажной – но выбирать не приходилось. Только тщательно застегнувшись, я опустил крышку багажника, и пошел домой. Разумеется, в подъезде доставать находку я не стал – камеры на каждом этаже. Так что я вообще старался идти так, чтобы нельзя было заподозрить, будто я что-то несу.

Только добравшись до дома, тщательно заперев дверь на все замки и закрывшись в ванной, я достал кобуру с оружием.

Сохран для кожаной вещи был удивительно хорошим. И только приглядевшись, я понял, что кобура была вовсе не из кожи. Скорее, это был какой-то дорогой пластик, или кожзам, текстурой имитирующий натуральный материал. «Пластик? – удивленно подумал я, – в сороковых? Хотя кто его знает – может, экспериментальная модель». К сожалению, я не был большим экспертом в оружии. Нет, конечно, основные и наиболее часто встречающиеся на раскопках стволы я бы опознал без труда – но вот с экзотикой, особенно заграничной, у меня было туговато. Вечно недоставало времени, чтобы шерстить каталоги, и зарубежные порталы. А и боль-

шим фанатом оружия как такового я не был. В раскопках меня привлекало то, что они помогали ощутить бескомпромиссную атмосферу того времени. Тогда все было просто: ясно, где враг, ясно, куда стрелять. Надо было думать только о победе, а не о карьере, или поиске клиентов... Да и благородное это дело: мы же не просто так копали. А все, как положено – с белым листом; находили бойцов, помогали опознать, организовывали перезахоронение.

Вот только на тот участок, где я нашел ствол, белый лист получить было невозможно. Слишком близко рублевские дачи, слишком лакомый кусок. Думаю, еще год-два, и его бы спокойно отдали под застройку. А найденные в процессе бойцы... нет, наверно, ничего плохого бы не было. Бизнесу тоже лишние скандалы ни к чему. Вызвали бы следаков, все оформили бы как полагается. При нужной сноровке одним днем бы управились. Не то, что мы – копались бы пару месяцев минимум.

Эх, да не мне теперь судить! Надо думать, как ствол сбыть, за плюнуть на это дело поскорее. Больше по могилам я точно не полезу. Теперь, дома, в тепле и безопасности, мне все больше начинало казаться, что несуразности в строении скелета бойца мне просто привиделись. Бывает же такое – от стресса. А сложный грим на лице – так просто следы от листов, прошлогодней, или позапрошлогодней.

Думая так, я аккуратно и методично очищал кобуру мягкой щеткой под теплой водой. Никаких следов ржавчины на

ней, кстати, не было. Необычно. Однако же всякое бывает. Крышка кобуры была совершенно гладкой, без каких-либо следов замка, или другого запорного устройства. Однако же, она совершенно очевидно была закрыта: ствол из такого положения извлечь было никак невозможно. Провозившись в поисках секретки минут пятнадцать, я, наконец, сообразил, что крышка крепилась на чем-то вроде необычно сильного магнитного замка. Надавив на нее под нужным углом, мне удалось высвободить оружие.

Внешний вид рукоятки должен был меня насторожить. Идеально гладкий, черный металл, без признаков рифления, технических отверстий и стыков. Почему-то теплый на ощупь. Впрочем, это как раз можно было легко объяснить: я слишком долго держал его под горячей водой. Как бы то ни было, я беспечно вытащил незнакомое оружие из кобуры. И сразу стало понятно: со сбытом этого ствола будут серьезные проблемы.

Пистолет представлял собой единый монолит обтекаемой формы, вроде как цельнолитой. Спусковой крючок без защитной скобы. Его основание настолько плотно подогнано к корпусу оружия, что, казалось, он тоже часть монолита. Рукоятка в задней части, чуть выше основания, была полупрозрачной. Внутри виднелись мелкие цилиндрики, похожие на обычные патроны. Вот только они светились изнутри синим переливающимся перламутром. В ствол из суеверных соображений я заглядывать не стал. Но на ощупь передняя часть

оканчивалась вполне привычным круглым отверстием.

Я растерянно повертел оружие в руке, потом насухо вытер кобуру, и убрал его на место. Пластиковая кобура, конечно, тоже выглядела очень необычно – но, по крайней мере, так не было видно странных светящихся патронов. Немного подумав, я снял экран, закрывающий ванну, и спрятал кобуру в закуток, который совершенно не просматривался снаружи.

Поставив экран на место, я разделся, и принял душ. Обычно мне хорошо думается под теплыми упругими струями воды, но в этот раз совершенно никаких мыслей не было. Кроме осознания того очевидного факта, что я очень близок к тому, чтобы вляпаться в какую-то крупную историю.

По-хорошему надо бы «забыть» этот ствол где-нибудь подальше от дома. Но это тоже не гарантировало безопасность. Когда его найдут, приложат все усилия, чтобы вычислить меня. Не так-то просто в нашем мире незаметно избавиться от оружия. Да и просто слить такую находку было как-то обидно. Денег-то у меня от этого точно не прибавится. А одного бензина за эту ночь я сколько сжег!

Есть и другой вариант. Как-нибудь осторожно пораспрашивать наших про необычные находки. А ну вдруг кто наткнулся уже на подобное? Было бы неплохо выяснить, чем закончилось тогда. Может, найдется спрос и на такой ствол, если осторожно и грамотно подход искать?

После душа, решив, что утро вечера мудренее, я отправился спать. И, как это не удивительно – отрубился почти

сразу. Никаких снов в ту ночь мне не снилось. Или, по крайней мере, я о них утром не вспомнил.

2

Будильник в телефоне трезвонил противно и настойчиво. Я специально положил аппарат подальше – чтобы нельзя было дотянуться, не встав с постели. Ругая последними словами собственную предусмотрительность, я выбрался из-под теплого одеяла и, шлепая босыми ногами по линолеуму, направился к подоконнику.

Уже потянувшись, чтобы вырубить телефон напрочь, через кнопку питания, я зацепился взглядом за уведомление на экране. И хорошо, что зацепился! Ёлки, у меня через пятнадцать минут назначена индивидуалка в зуме! По нашим временам подводить клиентов нельзя было никак. Такие удаленные тренировки давали хоть какие-то деньги, чтобы можно было платить за квартиру, и не протянуть ноги с голодухи. Конечно, откладывая на будущее и помогать родителям уже не получалось. Да что там: даже нормально подготовиться к соревнованиям не выходило. Надо было тачку продавать, и покупать чего попроще. Вот, перспектива такого даунгрейда и сподвигла меня на ночные подвиги.

Вспомнив про кобуру, я поморщился, и постарался выкинуть ее из головы. Никакого решения за ночь, понятное дело, у меня не родилось. Нужно было думать о тренировке.

Как бы то ни было, всего через пятнадцать минут я стоял перед камерой, в спортивной форме, свежий, подтянутый, излучающий уверенность в себе и дружелюбие. По крайней мере, мне искренне хотелось так думать. Леночка – одна из самых любимых и верных моих клиенток. Рублевская жена, третья по счету у известного олигарха. Тот имел привычку раз в три-четыре года менять официальных жен – ровно в тот момент, когда подрастал первый совместный ребенок. Впрочем, бывшие на него за такое коварство были вовсе не в обиде, у него было достаточно денег, чтобы содержать в роскоши все свои семьи. Как-то раз, еще на очной тренировке, Леночка призналась, что ждет – не дождется, когда же, наконец, закончится и ее «вахта». Она говорила: «Вот на свободе хоть заживу по-настоящему! НП ревнивый, невозможно просто. А будущим рисковать не хочется. Пускай уж сам бросает поскорее, да денег на жизнь дает!»

В назначенный час Леночка появилась на экране – как обычно, она предпочитала тренироваться возле бассейна, у себя дома, поэтому камера на ее стороне иногда некстати запотевала. Но сейчас изображение было как никогда четким, поэтому от меня не укрылся легкий намек на синяки под ее глазами.

Не подав виду, я включил музыкальную колонку, кивнул клиентке, и сказал:

– Привет! Выглядишь сегодня супер! Сразу видно, готова как следует попотеть!

– Привет, Гриш, – кивнула в ответ Леночка, – ой, да го- нишь же – я как чувырла невыспатая. Но все равно приятно!

– Не, реально. Круто выглядишь, – настаивал я, – ну что? Музыку включила? Не слышу что-то на твоей сторо- не. Давай, с разминки, – мне хотелось поскорее приступить к упражнениям. Чем активнее проходила тренировка – тем меньше сплетней мне приходилось слушать. Нет, конечно, сплетни, и разговоры за жизнь – это тоже часть тренерской работы, куда же без этого. И я тоже старался этот скил ка- чать. Но именно сегодня мне было не до этого. И именно се- годня Леночке обязательно было нужно выговориться.

– А знаешь, че я такая невыспатая? – продолжила она, – вчера до трех ночи домой попасть не могла, прикинь? Весь поселок перекрыли! Фэсэбэ, фэсэо, и все прочие. Лес, гряд, прочесывали. И меня тоже опрашивали, ты прикинь! Подхо- дит, значит, такой мент – спортивный такой, на тебя похож. Шмот форменный крутой какой-то, новье. И грит, значит: вы не видели никого по дороге в походной или рабочей одеж- де? Или внедорожник в грязи? А я ему такая: блиин, чувак! Да тут в каждом дворе по круизеру! Какой внедорожник! Да на квадраках никто не против прошвырнуться с мелкими. А что за терки то? Но тот, короче слился.

После ее слов у меня неприятно похолодело в животе. Я лихорадочно вспоминал, где именно находится поселок, в котором жила Леночка. И по всему выходило – совсем рядом с местом моего ночного раскопа.

– Ну нифига себе! – картинно удивился я.

– А вот прикинь же! – подбодрилась Леночка, – я сначала подумала – мало ли, маньяка или педофила какого ловят. Или киллера. Может, кто-то узнал, что его заказали – ну, и меры принял. И что ты думаешь? – она заговорщицки подмигнула.

– Что?

– Катька – ну, ты знаешь, я грила про нее, муж – силовик – вот, она через фэсэо пробила. Оказывается, какой-то копатель что-то вырыл сильно не то, что надо было. Только это между нами, ясно? А то ее благоверный на стрингах распнет. Короче, кто-то настолько прифигел, что рыться начал на Седовском участке. Ну, тот, который щас под застройкой готовят. И, короче, что-то там срыл защитное, из-за чего оно фонить начало. И это, короче, рублевские датчики засекали. Вот и закрутилось все. Я, короче, только после трех домой попала. Не, ну, они, конечно, извинялись, и все такое – но ты все равно прикинь, че у нас под боком твориться? Нетфликс этот ваш отдыхает!

– Да, странные дела, – сказал я, севшим голосом, – и что? Поймали его?

– Кого? – Леночка недоуменно захлопала глазами.

– Ну, нарушителя этого!

– А-а-а, – кивнула она, – я знаешь, что думаю? Что не было никакого нарушителя. А шухер устроили, чтобы Седова попугать. Типо, делился чтоб.

– Скорее всего, так и есть, – кивнул я, после чего, воспользовавшись паузой, предложил: – ну что, пора жирок растопить?

Леночка кивнула, и радостно запрыгнула на коврик.

Мне нужно было собрать всю свою волю и выдержку, чтобы спокойно провести тренировку. После рассказа Леночки мне казалось, что спецназ уже стоит возле дверей моей квартиры, и только и ждет, чтобы я прервал связь, для того, чтобы выполнить захват. Вероятность такого развития событий была совсем не нулевой. Поэтому я внутренне сжался, готовясь ко всему, когда нажал кнопку отбоя. В том, что ночью на Рублевке искали именно меня, я почему-то совершенно не сомневался.

К счастью, ничего не произошло. В доме по-прежнему было тихо. Я осторожно подошел к входной двери, и посмотрел в глазок. Чисто. Площадка просматривалась очень хорошо, потому что была совсем маленькой. Я снял квартиру в одной из уцелевших «хрущевок», которая была в планах на снос по реновации только через четыре года.

Вернувшись в комнату, я осторожно, боком – так, чтобы снаружи было незаметно – подошел к окну, и осмотрел двор. Вроде все как обычно. Дворник уже успел убрать нападавшие за ночь листья. Вдалеке, у дороги, на тротуаре, мельтешат обычные прохожие. Парочка в зеленых куртках обходит припаркованные на платной муниципальной парковке машины (у нас во дворе парковка своя, со шлагбаумом, и

это, кстати, было важной причиной, почему я снял именно эту квартиру). Сначала я их принял за доставщиков еды – одежда похожа. Но нет: это работники ЦОДД, с планшетами. Ловят тех, кто парковку не оплатил.

Кажется, прямо сейчас мне ничто не угрожало. Какой я все-таки молодец, что, когда шел на дело, телефон благоразумно оставил дома! А то бы по точно вычислили на раз: не так много народу лазает по ночам в плохую погоду по рублевским лесам. А вот машину, скорее всего, засекли. Она оформлена на меня, но прописан-то я у родителей, в другом регионе. О том, где я снимаю квартиру, кстати, даже они не знают. Да и хозяйева, насколько мне известно, договор нигде не регистрировали, и налоги платить не спешат. Найти-то меня не так просто! В социальных сетях я под рабочим псевдонимом. Фотки на официальных документах все старые, там у меня длинные волосы, и бородка. Не факт, что поисковая программа опознает. А даже если и опознает – максимум, что могут устроить, это засаду в одном из залов во время моих групповых тренировок. Ближайшая из которых только послезавтра. Никто из клиентов и из коллег тоже не знает, где я живу.

Я вздохнул, и отправился на кухню, чтобы поставить чайник. Похоже, на какое-то время я в безопасности. Есть время подумать, и составить план действий.

Я даже присел на стул, и опустил голову на руки – чтобы думать было сподручнее, и тут меня словно током ударило!

Моя машина! Единственная зацепка, которая, предположительно, есть у тех, кто меня ищет. По камерам ведь можно отследить путь, вплоть до района, и это как минимум! Не такой уж большой сектор для поиска. Плюс эти двое в зеленых куртках с планшетом... сроду не видел, чтобы они с утра тут работали, как раз в тот момент, когда народ начинает разъезжаться!

Меня холод прошиб. Едва набросив куртку, я выбежал во двор. К счастью, машина была припаркована в неприметном закутке, за трансформаторной будкой. Что делать? Никуда не поедешь – мгновенно по камерам вычислят. Переставить тоже некуда, остальные места еще более приметные. Заляпать грязью номера? Едва ли поможет, ищут ведь по конкретной модели. Если эти двое в зеленом те, кто я думаю – с них станется грязь очистить. Снять номера нафиг? Уже лучше. Заподозрят, конечно – но уверенности у них не будет. А без уверенности команду на захват никто не даст.

Номер, к счастью, у меня был закреплен по-модному, на пластиковых хомутах. Я их перекусил мультитулом-брелоком, который болтался у меня на ключах от квартиры. Сами пластины бросил в багажник, закрыл авто, и вернулся к своему подъезду. Парочка в зеленых куртках стояла в соседнем дворе возле черного «Кашкая», один-в-один похожего на мой. Это при том, что никакой муниципальной парковки там не было!

Я рванул обратно в квартиру. Надо валить, и быстро. Но

куда? И на чем? Что делать с машиной – просто бросить? У меня еще оставалось тысяч сто пятьдесят накоплений, и хватит их совсем ненадолго. Если продать машину – можно протянуть несколько месяцев где-нибудь в глубинке. Выждать, пока все не уляжется.

Значит, бросать машину не вариант. К счастью, до МКАДа рукой подать. А там и съезд в область неприметный, через территорию ТЦ «Вегас» и Совхоз имени Ленина. Там гайцы не пасут, есть шанс проскочить, даже если ориентировка разослана.

Я за минуту собрал все самое ценное в большую спортивную сумку, и уже собрался выбегать, но в последнюю секунду вспомнил про добытое оружие. «Может, и черт с ним? – думал я, – оставить тут, как есть? Пускай найдут, если оно им так сдалось – глядишь, и от меня отлипнут?» Эх, сколько же народу реально пропадало, рассуждая подобным образом! Нет, не отлипнут. Даже если пистолет заберут. Не те это люди.

Я зашел в ванную. Кажется, Леночка что-то говорила о том, что раскоп «фонил»? Что, если этот пистолет радиоактивен? «Да ну, бред, – решил я, – это не может быть оружие для самоубийц, значит, защита для оператора предусмотрена». Мало ли что могло еще «фонить» в самой яме? Кстати, а вот одежду, в которой я вчера на раскопе был, надо бы и правда в контейнер выкинуть. А ну как и правда грязь радиоактивная, всю квартиру хозяевам запоганю, а они мне

ничего плохого не сделали.

Через минуту я уже сидел за рулем, и наблюдал, как двое в зеленых куртках выходят из-за угла соседнего дома, и направляются в мою сторону.

3

Мне повезло. Я без происшествий добрался по Каширке до съезда на неприметную дорогу, ведущую в сторону Бронниц. Дорога эта была хороша тем, что на ней не было ни одной камеры. Да и камеры, скорее всего, не сработали бы на авто без номеров. Бояться стоило живых гаишников с ориентировками. А тут их отродясь не видывали – дорога плохая, движение жиденькое. Место совершенно не хлебное, ловить нечего.

Уже предвкушая ночевку где-нибудь под Рязанью, я успокоился, и мысленно прикидывал, на каких площадках разместить объявление о продаже авто, чтобы внимания особого не привлекать. И тут зазвонил телефон. Отец. Дрожащей рукой я нажал клавишу приема.

– Привет, пап! – ответил я, стараясь, чтобы голос звучал спокойно.

– Привет, – голос отца звучал подавленно и напряженно, – ну как дела? Как сам? Давно не звонишь. Вот, волноваться начал.

У меня внутри все оборвалось, я едва не влетел в ограждение на повороте. Мы созванивались вчера днем, как раз перед выездом на раскоп. Проговорили полчаса. Отец дает

мне понять: что-то не так.

– Прости, пап, закрутился совсем, – стараясь, чтобы голос звучал весело и беспечно, ответил я, – время такое, бегать много приходится.

– Ты бегай-то бегай, но про нас-то не забывай, – продолжал отец, – ты заехать обещал на недельке. Что как? Получается?

– Да, пап, не волнуйся! – продолжал играть я, борясь с подступающей паникой, – заеду, конечно! Я позвоню, как выезжать буду.

– Ну лады тогда, – отец вздохнул, – сам-то как? Справляешься?

– Конечно, пап, – ответил я, – не волнуйся. Я ж сообразительный у тебя. Со всем справлюсь!

– Ну, пока.

– Пока.

Я нажал клавишу отбоя. Потом залез в настройки телефона. Выбрал пункт «вернуться к заводским настройкам», и дважды нажал подтверждение. Убедившись, что вся информация на аппарате стерта, я его выключил, и выбросил в окно – так, чтобы он разбился об асфальт.

Теперь начиналась настоящая гонка. Очевидно, что отца вычислили по моей прописке. Явились домой, и заставили позвонить мне, чтобы поймать аппарат. Теперь они знают, где я был минуту назад. Если повезет, у меня есть несколько минут форы, чтобы попытаться улизнуть из ловушки. Хоро-

шо, что я на отлично знаю район. Все проселки, грунтовки и даже недостроенные трассы к полузаброшенным дачным поселкам. Шанс есть.

Полностью сосредоточившись на управлении машиной, я старался ни о чем не думать. Конечно, больше всего на свете мне хотелось рвануть домой, к родителям. Любой ценой отбить их; сдать самому, если будет надо – только чтобы у них все было хорошо. Сердце рвало на части, было почти физически больно, но умом я прекрасно понимал: худшее, что я могу сделать – это сдать сейчас.

Мои родители в безопасности до тех пор, пока я на свободе, и со мной нет связи. Так они остаются полезными, и никто им ничего не делает.

Я успел проехать километров пять по неприметному проселку, когда над участком, где я выбросил телефон, появились первые вертолеты. Они, конечно, не стали приземляться – сразу начали прочесывать местность по расширяющейся спирали. Я тоскливо посмотрел вокруг: недостроенный дачный поселок у подножия холма. Речка какая-то, куцый лесок с опавшими листьями. Спрятаться особо негде. Да и смысла нет – наверняка у вертолетчиков вся нужная техника: тепловизоры, датчики металлов, и все такое... надежда только на скорость.

Стараясь не оглядываться и не жалея подвеску, я гнал по осеннему лесу. Тем временем первый выброс адреналина потихоньку сходил на нет. Вместо жажды действия навалилась

апатия. Для бойцов спецназа есть специальная фарма, которая позволяет купировать эту фазу, но у меня под рукой, конечно же, ничего такого не было. Приходилось бороться самому с собой безо всякой поддержки.

А мысли самые предательские лезли в голову: «Ну, пробегаю я еще денек, а толку? Погляди, вон у них какие ресурсы! Ребята – серьезнее некуда. Все равно поймают. А так по-хорошему хоть какой-то шанс добазариться будет. И аргумент, что сам сдался, сотрудничать хочу». Но я продолжал гнать вперед, несмотря ни на что. Сжав челюсти, на чистом упрямстве. Цепляясь, за единственную трезвую мысль как за соломинку: «Если до сих пор меня не схватили – значит, не так уж они всесильны!»

Мне повезло с пространственным мышлением и знанием топографии. Каким-то чудом я добрался до Мещеры, в районе Воскресенских карьеров, ни разу не напоровшись на тупик или перекрытую дорогу. Гул вертолетов давно стих позади. Но только тогда, когда я увидел полуразвалившийся указатель на заштатной раздолбанной дороге: «Рязанская область», я поверил, что мне действительно удалось вырваться.

Однако, надо было решать, что делать дальше. Первым делом, конечно же, следовало скинуть тачку. В принципе, это можно оперативно сделать в любом достаточно большом городе – надо дать хорошую скидку к рынку, найдутся ушлые ребята, которые заберут в тот же день. Тем более состояние хорошее, она на гарантии еще. Не кредитная, и документы

все в порядке. Конечно, они пробьют ее по вин-номеру, но тут важно, чтобы они сделали это на месте. Ни в коем случае не заранее. Хотя и тут были некоторые основания для опасений: если те, кто за мной гонятся, достаточно прилежны и аккуратны, они сделают так, что моя тачка будет во всех базах угнанных авто. Тогда сбыть ее не удастся, а если повезет – меня еще и схватить на месте попытаются. Но на все это, естественно, нужно время. Значит, действовать нужно как можно быстрее.

Ближайший крупный город – Рязань. Рискованно, конечно, но ничего не поделаешь. Ехать куда-то дальше на машине без номеров еще более опасно. Значит, что мне нужно? Интернет нужен не паленый в первую очередь, чтобы объявления дать. И телефонный номер. Можно заехать в какой-нибудь салон связи по дороге. Конечно, мои данные появятся во всех базах, но далеко не сразу. В зависимости от расторопности менеджеров и модераторов, фора может составить от пары часов до нескольких дней.

Симкой и новым смартфоном я обзавелся в крохотной точке связи, которая находилась при входе в поселковую «Пятерочку». Продавец ограничился тем, что взял мою подпись под кое-как заполненным договором, да снял скан с паспорта. Никакие онлайн базы для регистрации он открывать не стал – видимо, решив отложить скучные формальности на потом. Объяснил только, как активировать симку через СМС, да помог ее вставить в аппарат.

Хотя смартфон и нужен мне был всего на пару часов, я не стал брать самый дешевый. Во-первых, для планшета нужна была хорошая сеть, и хорошая раздача. Если смарт будет совсемдохлый и глючный – моя продажа авто может затянуться по чисто технических причинам. А время было на вес золота. Дороже, чем стремительно тающие финансы, которые я надеялся поправить, продав машину.

Первое объявление я набил на планшете, стоя возле магазина (естественно, убедившись, что не попадаю в поле зрения камер наблюдения, которых было не так уж и много). И уже по дороге в Рязань пошли первые звонки.

Самыми шустрыми, как водится, оказались местные барыги. Одни пытались сбить цену (это при том, что я итак ценник повесил в две трети реальной стоимости). Другие – уламывали меня приехать к ним, чтобы поучаствовать в онлайн-аукционе. Разумеется, и те, и другие были посланы далеко и надолго, в довольно грубой форме.

Через букинг на новый номер и «левые» ФИО я забронировал номер в одной из рязанских мини-гостиниц. Выбор много времени не занял, я ориентировался всего на два параметра: цену, и наличие вайфая. И когда я заезжал на гостиничную парковку, пошли первые звонки от настоящих покупателей.

Сначала позвонил какой-то парень. Молодой, судя по голосу – возможно, даже моложе меня. Слезно просил дать отсрочку в неделю, и был готов внести залог – четверть суммы.

Учитывая ситуацию, пришлось отказать. Парень расстроился, хотя, не исключено, что он избежал серьезных неприятностей. Я отдавал себе отчет в том, что все, с кем я буду встречаться в ближайшее время, так или иначе будут подвергнуты допросам. Следующим был мужик. Начал разговор издалека, спрашивал, как мое впечатление о модели, какие были проблемы с эксплуатацией. Теряя терпение, я, однако же, все подробно рассказывал, стараясь не терять дружелюбие. Потом он осторожно поинтересовался причиной срочной продажи по такой низкой цене. Пришлось рассказать заранее придуманную легенду про болеющих ковидом родителей, которым нужны особые условия ухода и лечения. При чем условия эти можно было найти только в платной клинике, и то – если внести задаток наличными сегодня. Судя по всему, легенда сработала. Мужик выразил готовность немедленно приехать для осмотра авто и оформления документов на месте, если его все устроит. Легенду такую я тоже придумал неспроста, а для успокоения собственной совести. Если мужик не предложит чуть больше денег, а то и начнет торговаться помаленьку – значит, готов хорошо так нажиться на чужой беде. Такого подставлять под допрос не очень жалко.

Быстро перетаскив свои нехитрые пожитки в номер, я вернулся к машине, и прицепил номера на новые пластиковые хомуты, небольшого запаса которых хранился в багажнике. В последний момент сообразил, что чуть не забыл вытащить находку из тайника. Очень аккуратно, с опаской поглядывая

на камеру наблюдения, висящую у входа в мини-отель, достал кобуру, и спрятал ее под курткой. После этого вернулся в номер.

Компания приехала на черной «семерке» БМВ. С водительского места вышел, я так понял, старший – тот, кто говорил со мной по телефону. Мужик под полтинник возрастом, с животиком, но все еще крепкий: видно многолетнюю работу над физухой. Стрижен коротко. Не исключено, что кто-то из нашей десантуры или спецназа. С ним приехало еще двое мордovorотов: здоровые, но, на мой взгляд, излишне массивные, чтобы эффективно биться. У обоих по кобуре подмышкой. Я пожалел, что рискнул оставить найденный ствол в номере. Может статься, сейчас будут прессовать и разводить.

– Павел Сергеевич, – представился старший, когда подошел ко мне и протянул руку.

– Гриша, – ответил я, отвечая на крепкое сухое рукопожатие.

– Приятно, Гриша, – кивнул мужик, – я тут со специалистами. Они взглянут на твоего коня, если ты не против, конечно. Парень ты, вроде, нормальный – но время сейчас такое. Сам понимаешь.

– Понимаю, – кивнул я, – пускай смотрят, – я разблокировал «Кашкай» с ключа. Двое молча двинулись к машине.

– Смотри какое дело, – старший подошел ко мне, и встал рядом, наблюдая за действиями подручных, – раз с родите-

лями у тебя беда, торговаться я не буду. Но только если состояние машины точно такое, какое ты описал. Если будут косяки серьезные – я ее просто не возьму. Возиться не хочется.

– Договорились, – кивнул я, стараясь держаться спокойно и уверенно.

Через минуту один из мордovorотов подошел, и доложил старшему.

– Визуально порядок, – сказал он, – днище, подвеска, защита картера, все норм. Жидкости не текут.

– Лады. Ребят, вин по базе пробейте, – ответил старший подручному, после чего обратился ко мне: – ну что же, надо бы на ходу посмотреть.

– Можно, – кивнул я, – кто-то один со мной на пассажирском сиденье.

– Что же, порулить не пустишь, значит? – мужик нахмурился.

– Могу и пустить, – я пожал плечами с деланным равнодушием, – залог только оставьте. Оговоренную стоимость.

Старший усмехнулся, потом жестом подозвал второго мордovorота.

– Саш, принеси деньги, – сказал он.

Саша молча кивнул, и направился к «Бэхе».

Внутренне я был готов к худшему. Обычно в гангстерских фильмах в этот момент один из бандитов достает ствол, и начинается грабеж. Ну, или смертоубийство. Проклиная се-

бя за легкомыслие, я внутренне напряжился, готовый в любой момент схватить «шефа», чтобы использовать его, как живой щит. Конечно, была еще камера на гостинице, но я не питал насчет нее особых иллюзий. Если что пойдет не так – все записи мгновенно исчезнут. Персоналу ведь тоже хочется жить.

«Саша» принес черный пакет, и протянул мне. Внутри оказались аккуратно уложенные стопками и затянутые канцелярскими резинками купюры. Я достал одну пачку, извлек купюру, проверил ее на свет. По ощущениям деньги были самыми настоящими. Я кивнул, и молча протянул ключ от машины старшему. Тот подошел к машине, устроился за рулем, тронулся и сделал круг по площадке перед отелем.

– Ну, похоже, и правда все в порядке, – старший вылез из-за руля, заглушил машину, и подошел ко мне, – состояние хорошее. Вин чистый. Я бы и дороже купил – но ты сам цену назначил. Родителей твоих жаль, здоровья им, но бизнес есть бизнес. Мне как раз младшему тачка нужна была, а новую покупать не хочу. Все равно разобьет, шалопай. Права только получил. В общем, бланки договора мои ребята уже заполнили. Расписываемся и расходимся.

Как бы то ни было, все прошло удивительно гладко. Так я остался без машины, зато при деньгах.

Я вернулся в номер, и тут же начал раздеваться. Нестерпимо хотелось в душ; казалось, вся одежда провоняла заскорузлым потом и страхом. Все-таки я здорово перенервничал. Наверно, поэтому совершил непростительную глупость: нажал клавишу приема, когда услышал звонок с незнакомого номера на телефон.

Пока родители находились под условным контролем моих врагов – я ни в коем случае не должен был выходить на связь; пока я недоступен для связи – с ними точно ничего не сделают, они полезны живыми и невредимыми, как наживка. А мне не могут выдвинуть никаких требований. Я бы на их месте точно строил расчёт на то, что рано или поздно я не выдержу, и попытаюсь узнать, как у них дела. А вот тогда уже можно развернуться по полной.

Осознав свою ошибку, я попытался сбросить вызов, но экран как назло приглючило, и бегунок не сдвигался на сброс.

– Григорий, не прерывайте связь, мы вам не враги, – сказал приятный женский голос, – мы хотим вам помочь.

– Кто вы? – спросил я, вздохнув. Конечно, я понимал, что женский голос – это уловка, чтобы подольше подержать меня на линии, и заставить их выслушать. Но было другое соображение, которое вынуждало меня продолжить разговор: если они знали, кто я, если знали этот новый номер – значит, они так же легко могли узнать, где я. И организовать захват. Могли, конечно, позвонить, чтобы отвлечь в момент самого

захвата – чтобы легче все прошло. Или выудить какую-то дополнительную информацию, которой будет сложно добиться на допросе. В общем, сейчас проверим, что им надо на самом деле.

– Скажем, мы добровольная организация, которая помогает талантливым молодым археологам, – ответила девушка.

– Археологам? – усмехнулся я.

– Зря вы так скептически, – ответила девушка обиженным тоном, – вы пока и сами не представляете своих возможностей. Но они нам очень интересны. Поэтому мы заинтересованы в том, чтобы сохранить вам жизнь и свободу.

– Ясно, что ничего не ясно, – сказал я, а сам, приободрившись, подумал: «не похоже, что они пытаются информацию выудить. Наоборот, сами делятся ценными сведениями».

– Это нормально для начала знакомства, – я прям почувствовал, как девушка на другом конце линии улыбнулась, – однако у нас не так много времени. Пока я говорю, наш разговор невозможно перехватить. Если вдруг услышите, что связь прервалась – замолчите, и уничтожьте аппарат как можно скорее. Договорились?

– Да, – я на автомате кивнул, хотя прекрасно понимал, что меня не видно; впрочем, почему не видно? Камеры в современных смартфонах это такое дело... лучше с аппаратом в руке под порнушку не дзюбать.

– Коротко по ситуации. За вами охотятся две конкурирующие государственные структуры. Одна намерена вас лик-

видировать, другая – склонить к негласному сотрудничеству, под гарантии повиновения. Это значит, что, вам введут взрывные импланты или инфицируют одним из вирусов, требующих регулярного введения поддерживающих лекарств.

Меня передернуло от осознания таких перспектив. А девушка, между тем, продолжала:

– Первая структура имеет более сильные аппаратные позиции, поэтому не факт, что второй удастся вас отстоять, даже в случае удачного захвата. К сожалению, информация быстро просачивается, и в ближайшее время будут подняты все возможности местных резидентур США и Китая. Плюс теневые международные структуры, разумеется. Сейчас вам выгодно тянуть время – чем больше игроков подключается к погоне – тем больше шансов успешно залечь на дно в поднывающейся неразберихе.

– Я так понимаю, себя вы относите к «теневым структурам»?

– Верно, – легко согласилась девушка, – и мы одни из немногих, кто готов к полноценному взаимовыгодному сотрудничеству.

– Почему я должен вам верить? – спросил я.

– Вы не должны, – возразила девушка, – в вашей ситуации совершенно естественно не верить вообще никому. Поэтому мы и не пытаемся вас схватить. Мы привыкли работать на перспективу, и строить полноценное доверие. Скажем, эта

наша «фишка», которую не так-то просто скопировать.

– Разумно, – кивнул я.

– Итак, у вас есть около двух часов, чтобы покинуть город. Анализируя ваши действия, мы предполагаем, что вы попытаетесь продать машину. Не теряйте время. На вашу карту в сбере мы перевели полтора миллиона рублей, и сняли ограничение на снятие наличных в банкомате. Ближайшее отделение находится в двух кварталах от вас. После нашего разговора идите туда немедленно. В третьем от входа банкомате будет необходимая сумма крупными купюрами. Возьмите с собой сумку, рюкзак или непрозрачный пакет.

– Щедро, – ошарашенно заметил я.

– Инвестиция с оправданным риском, – ответила девушка, – теперь по поводу выезда из города. Любой транспорт, где следует предъявлять паспорт, надеюсь, вы и сами исключили. Хорошим вариантом, на первый взгляд, выглядит автобус. Но ни в коем случае его не используйте! Они первым делом проверят камеры наблюдения на всех автовокзалах и остановках. К тому же, мы беспокоимся о вашем здоровье, учитывая эпидемическую ситуацию.

– И что мне, пешком через лес? С миллионами за пазухой? – усмехнулся я.

– На авто ру рядом с вами более двадцати объявлений о срочной продаже авто. Вы можете успеть что-то подобрать. У вас будет фора в неделю, если повезет, прежде, чем вычислят, какое именно авто вы купили.

– Хорошо, – кивнул я, – допустим, я успею купить авто.

Что дальше?

– Дальше принимайте решения самостоятельно, и действуйте по обстановке. Вам нужно продержаться день – два хотя бы. Потом мы придумаем, как вас вытащить. Важный момент. Ситуацию с вашими родителями мы держим под контролем. Они на свободе, под общим наблюдением. В случае угрозы мы сможем их защитить.

– Как вы сможете их защитить, если меня сейчас вытащить не можете? – вырвалось у меня.

– С вами все очень сложно, пока у вас в руках находится артефакт, – ответила девушка, – поэтому мы и просим вас продержаться день или два. Предмет, который вы обнаружили, относится к высшей категории археологических аномалий. Мы не можем так рисковать.

– А те, кто бегают за мной – значит, рисковать могут?

– Тут возможны два варианта. Или они недостаточно информированы о природе артефакта. Или считают возможные потери допустимыми. Однако же, нам пора заканчивать разговор. Телефон в ближайшие два часа вам понадобится, чтобы купить авто. Нам повезло, я передала необходимую информацию, а номер остался нескомпрометированным. Но после обналачки обязательно избавьтесь и от карточки, и от телефона. До свидания.

– Постойте! – воскликнул я, – а как же... – я хотел спросить о том, как выйти с ними на связь, но экран телефона

уже сообщил об окончании звонка.

Баланс на карточке я проверить не мог – онлайн-банкинг остался на том телефоне, который я разбил после разговора с отцом. Какое-то время я колебался: стоит ли идти к банкомату? Но потом подумал, что ставить ловушки таким образом по меньшей мере нелепо: если неизвестные добродетели обладают такими возможностями (например, смогли отследить купленную сим-карту раньше госструктур, или сняли лимит выдачи наличных в крупнейшем банке) то вычислить положение телефона для них раз плюнуть. Зачем меня выманивать из заштатного отельчика в строго охраняемое помещение? Нелепо. А в жизни правда обычно такой и бывает – нелепой.

В общем, надо идти. Но сначала я открыл сайт авто ру, и глянул, что можно срочно купить из колес по нормальной цене. Мне сразу приглянулась «Нива». Точнее, «Лада 4x4», как они сейчас называются. Просят триста штук, три года, пробег всего-то полтинник. Стоит посмотреть. Недолго думая, я набрал хозяина, и договорился о встрече – благо идти было недалеко, всего-то пару кварталов.

Собираясь, я критически осмотрел свои пожитки. Две огромные спортивные сумки и рюкзак. Еще кое-что осталось на съемной квартире, но ничего такого, за чем хотелось бы вернуться. В сумках в основном одежда, да кое-какой спорт инвентарь. Даже грустно как-то немного, если вдуматься. В Москве я уже два года – а все, что нажил – это вот эти вот

две сумки. Не считая машины, впрочем, которую я только что продал.

Тоскливо вздохнув, я вдруг понял, что даже эти две сумки мне сейчас вообще без особой надобности. Где я тренироваться собрался? Да и потом, бабла вроде достаточно – если удастся где-то закрепиться в безопасности, все куплю на месте. Я положил в рюкзак документы, планшет, зарядки, туалетные принадлежности и смену белья. В отдельный карман – деньги, вырученные от продажи авто, и свою таинственную находку. По моим прикидкам, места осталось вполне достаточно для полутора миллионов пятихатками.

В общем, в гостиницу я решил больше не возвращаться. Выписываться не стал. Лишняя возня и потеря времени. Ключи просто оставил в двери номера, сумки – в шкафу. Вот повезет кому-то! Как показали последующие события, это было очень правильное решение.

Сначала я все-же решил зайти в сбер. Не хватало еще мелькать вблизи отделения на свежескупленной машине. Народу внутри и правда почти не было: только какая-то одинокая бабулька что-то объясняла сотруднице, тыкая скрюченным пальцем в засаленные бумажки. Закуток с банкоматами был отделен от остального зала матовой перегородкой. В мою сторону никто даже не взглянул. Нужную сумму я снял в три приема, после этого сломал карточку так, чтобы трещина прошла прямо по чипу, и выбросил в ближайшую урну.

По указанному адресу меня ждал засаленный лысеющий мужичок, суетливо бегающий вокруг «Лады» с полировочной тряпицей. Машина действительно выглядела неплохо: салон вымыт, кузов отполирован, резина не лысая. Разумеется, несколько косяков я «срисовал» влет: меняное крыло, подтекающую стойку слева, да неработающий обогрев заднего стекла. Ничего критичного.

Мужичок покачал головой, поцокал языком, но согласился десятку скинуть. Мы быстро подписали договор (конечно же, я вписал искаженные паспортные данные) и разошлись, довольные друг другом.

Я сел за руль, и едва успел выехать со двора (все-таки «механика», и довольно дубовая, была мне в новинку), как сзади послышался громкий гул. Я опустил боковое стекло, и выглянул наружу. Прямо надо мной на небольшой высоте проплыл вертолет. Черная «Августа». Аппарат направлялся в сторону моей гостиницы, причем явно собирался заходить на посадку, прямо посреди дороги. Я еще успел разглядеть, как у него открылись двери, и ребята в черных комбинезонах с короткими автоматами заняли позиции на вертолетных лыжах.

У меня сердце пропустило удар; я чуть было рефлекторно не выкинул смартфон, но потом сообразил – лучше бы отъехать подальше. А то по его следу быстро вычислят продавца, а с ним и тачку. Больше всего я боялся тотальных кордонов на выезде из города. Поэтому выбирал второстепенные

улицы. Так, потихоньку, через север я выбрался на районные дороги, и двинулся в сторону Сасово. Тут я, наконец, разломал смартфон, и выкинул осколки на трассу. На восток я ехать совсем не собирался – но пускай мои преследователи ищут меня в лесах до самого Саранска.

5

Про себя я давно решил ехать на юг. Потому что там все еще тепло и легко можно затеряться на местности: ночевать в полях и перелесках, не сжигая лишнего горючего и не привлекая внимания. Пока объезжал Рязань да выходил на трассу до Тамбова, Солнце уже склонилось к закату. Жутко хотелось спать. Я остановился возле заправки позатрапезнее, где камеры наблюдения если и работают, то не лучшим образом, накинул капюшон толстовки, надел маску и вышел из машины. Залил до краев девяносто второго (горючее было почти на нуле, при покупке его было меньше четверти бака), сам заправился каким-то забористым энергетиком и двинулся дальше.

Если не считать остановок по нужде, тормознул я только под Тамбовом. Дальше ехать было просто небезопасно: я буквально вырубался. Никакие энергетики, и даже шлепки по щекам больше не помогали. Кое-как заехав в закуток на обочине, я встал кормой к трассе, чуть приоткрыл окна, и вырубился в позе эмбриона, даже не разложив толком крес-

ло.

Проснулся я от жуткого звона и грохота. Открыл глаза, несколько секунд не мог сфокусировать взгляд. Потом прямо перед собой увидел на лобовом стекле красиво переливающуюся в лучах рассветного солнца розочку пулевого отверстия. Рефлекторно стиснул добытую мной кобуру с таинственным стволом, которую все это время держал на коленях. Потом попытался лечь на пол, но тут прямо у меня на глазах в лобовухе появилась еще одна дырка. Что-то громко звякнуло, и упало мне на тыльную сторону правой ладони. Пару секунд я недоуменно разглядывал сплюснутую пулю, потом с криком отдернул руку. Горячо, твоюж-то мать! Пуля упала на коврик. Я выскочил из машины, и спрятался за дверью.

Где-то впереди прощелкали выстрелы. Под капотом машины что-то неприятно зазвенело. Лобовое стекло посыпалось в салон. Дальше я действовал на автомате, сознательных мыслей не было. Открыл кобуру, кое-как совладав с магнитной застежкой. Достал ствол. Удивительно, но его тяжесть и хищный, обтекаемый силуэт придали мне уверенности. Я даже почти успокоился, хотя мыслей по-прежнему не было.

Я поднялся, и поглядел в сторону, откуда доносились выстрелы. Мне наперехват, по полю, бежали трое спецназовцев в черных ВКБО, брониках, балаклавах и защитных шлемах. В общем, в полной выкладке. В руках у каждого по АК-9. Крутая машинка – я такие только на учебе видел. Даже по-

стрелять из подобного не удалось. Кстати, огонь по мне вела не эта троица. Они никак не могли попасть в лобовуху, машина стояла на возвышенности. Кто же тогда? Я внимательно пригляделся. Так и есть: гнездо снайпера удалось «срисовать» сходу. Он был удивительно небрежен. Хотя, наверно, не удивительно: откуда ему ожидать хоть каких-то навыков от гражданской цели? Мою биографию они, очевидно, не изучили.

Снайпер лежал на дереве, на толстой ветке, в паре метрах от земли. Совсем недалеко от меня. Метров триста, не больше. Вполне нормальное расстояние для «винтореза», который он сжимал в руках. Только теперь до меня дошло, что я давно должен быть мертв. Но додумать эту первую пришедшую в мою голову мысль мне не удалось: разглядев ствол в моей руке, спецназовцы замерли. До них оставалось метров двадцать, не больше.

– Не двигайся! – закричал один из них, после чего взял АК на плечо, и прицелился в меня.

– А то что? – усмехнулся я, – застрелишь меня?

– Подожди! – вмешался другой «тяжелый»; он поднял руки, и сделал успокаивающий жест, – нам надо поговорить. Давайте без нервов, спокойно разберемся.

Все это время они продолжали шагать в мою сторону. Расстояние стремительно сокращалось. Их план был очевиден: если против меня по каким-то причинам не сработал огнестрел – значит, надо ликвидировать цель другими способами.

ми: ножом, например. Или просто руками.

Драться с тремя «тяжелыми» одновременно мне совсем не улыбалось. Поэтому я поднял ствол. Кое-как прицелился в ближайшего спецназовца. Он сам и его коллеги больше не пытались говорить. Вместо этого они рванули в мою сторону со всей возможной прытью. Я нажал на спусковой крючок – ожидая чего угодно: смертоносного лазерного луча, взрыва, потока адского пламени. Но ничего подобного не случилось. Я не ощутил вообще ничего – ни малейшей отдачи, или других признаков того, что оружие сработало. Единственное, что изменилось – светящаяся синяя линия зарядов стала чуть короче.

Я даже приготовился встретить боем «тяжелых» – пускай знают, не такая уж я и легкая цель. И только потом понял, что они просто исчезли. Точнее, не совсем исчезли: метрах в пяти от меня лежали три неряшливые кучи: черные ВКБО, разгрузки, шлемы (причем не банальные ЭШки или «Сферы», а карбоновые «Ястребы»). Я посмотрел в сторону снайпера. Черные штаны его ВКБО и разгрузка висели на ветке, красиво раскачиваясь на легком ветерке.

Мне едва удалось подавить инстинктивный порыв: бежать без оглядки куда подальше. Во-первых, потому, что пешком далеко не убежишь. Наверняка за группой захвата следили, и вскоре пришлют следующую – еще лучше экипированную. И во-вторых, меня разбирало любопытство: кто же именно на меня вышел? Та девчонка по телефону (если, конечно, это

была девчонка, а не модифицированный программой голос) говорила, что за мной гонятся как минимум две госструктуры. Причем одна хочет уничтожить, другая – захватить. Эти ребята, очевидно, церемониться со мной не собирались. Кстати, почему у них ничего не вышло? Что это за фокусы с невидимым щитом? Какая-то встроенная защита, которая досталась мне вместе со странным стволом? Гадать можно было сколько угодно, но ответа у меня не было.

Я подошел к ближайшей груде вещей, оставшихся от «тяжелого». Покопался в карманах. Чисто. Никаких документов. Значит, настоящие профессионалы. Даже на такой вылазке, которая должна была показаться им полной ерундой, следуют строгому протоколу секретности.

Копаясь в поисках бумаг или любых других зацепок, которые могли бы указать на ведомственную принадлежность спецназа, я действительно кое-что нашел. Скажем так, личное. Один из нападавших носил трусы танга. Самые настоящие, с тоненькими веревочками по бокам, и с вытачкой-пушапом спереди. Вот и понимай, как знаешь, что в голове происходит у этих страшных, в общем-то, людей. Наверняка ведь на счету не одна отнятая жизнь. Да и своей небось рисковал неоднократно. А вот поди ж ты: игривые танга под боевым ВКБО. Под еще одной грудой вещей я нашел нечто вроде черного акрилового полукольца с двумя шариками-фиксаторами на концах. Похоже на пластиковую штучковину, которую вставляют в растянутые уши люди, увлека-

ющиеся пирсингом. Ее толщина была довольно внушительной. Что именно было проколото у этого спецназовца я гадать побоялся.

Поднявшись, я посмотрел на небо. Опасался в любое время увидеть вертолеты, но пока все было чисто. Светлая прозрачная синь, и только у горизонта небольшое скопление облачков.

Однако же, надо как-то выбираться. Я вернулся к машине, и забрал рюкзак с вещами и деньгами. Двинулся по шоссе, рассчитывая поймать попутку. И тут меня ждал еще один сюрприз.

Чуть вдалеке, за поворотом стоял новенький черный «Тайфун-К», и рядом с ним – черный «Тигр». Забавно, никогда не видел эти машины в таком окрасе. Даже не знал, что подобные бывают. Не ощущая с той стороны никакой угрозы, но сохраняя разумную осторожность я подошел к машинам. У обеих заведен двигатель, однако никаких признаков экипажа не наблюдалось. Выставив перед собой «пистолет», я подошел к «Тайфуну». Номера черные, регион московский. И как их так быстро перебросили? На вертолете что ли? Впрочем, почему нет? Ребята, которые собрались меня ликвидировать, не склонны мелочиться. Правда, отличаются излишней самоуверенностью. Судя по тому, что я уже несколько минут спокойно гуляю, и не подвергаюсь нападению боевых вертолетов или дронов, плана Б у них не было.

Я забрался по короткому трапу, и дернул за ручку люка в

кунге. К моему удивлению, та легко поддалась. Внутри было душно. Под потолком горели холодные светодиодные лампы. Мерцали мониторы, в креслах перед ними валялись бесхозные комплекты обмундирования – такого же черного, как у напавших на меня автоматчиков. Вот так новости! Я стрелял в нападавших, и они исчезли. Да, сам по себе принцип действия оружия очень необычный. Допустим, «пистолет» ликвидирует определенные виды органики на линии поражения. В этом есть логика, это можно понять. Но броневики стояли в противоположной от направления выстрела стороне! Вне зоны прямой видимости! А что, если оружие к случившемуся не имеет никакого отношения? Бывают же самые невероятные совпадения! Но почему тогда светящихся зарядов стало меньше?

Вопросы, вопросы, а ответы взять просто неоткуда... я еще раз оглядел операторскую. Бросил взгляд на мониторы, и похолодел. А вот, похоже, те самые дроны, которые должны были подстраховывать ликвидаторов. Барражируют над местностью на высоте две с половиной тысячи, если верить цифрам телеметрии. Значит, вопрос теперь только в том, как быстро вышестоящие структуры перехватят управление, и есть ли вообще для этого техническая возможность.

Интересно, получится ли у меня управлять дроном? Хотя бы для того, чтобы направить его в землю, и разбить в безопасном месте? «А вот и проверим сейчас!» – решил я, и направился к ближайшему операторскому креслу.

Среди комплекта обмундирования лежали черные наушники. Подняв их, я услышал бормотание. Приложил к правому уху чашу. «Кунгур ноль три пальме пятьдесят два! Кунгур ноль три пальме пятьдесят два! Ответьте! Кунгур ноль три пальме пятьдесят два! Код двести тринадцать ноль пять. Кунгур ноль три пальме пятьдесят два! Повторяю, код двести тринадцать ноль четыре. Ответьте немедленно для отмены кода».

Я зло усмехнулся, и уже набрал в грудь воздуха, чтобы сказать в микрофон что-нибудь эдакое, позабористее. Чтобы у оператора этого отсохли его поганые локаторы. Но тут знакомый женский голос за спиной произнес, очень спокойно и мягко: «Гриша, не надо. Положи наушники!»

6

Итак, моя таинственная телефонная собеседница оказалась вовсе не программой. Больше того, она была красива. Ее фигуру не смог испортить даже серый комбинезон с разгрузкой и какой-то странной системой ремней, которую я не смог опознать. Сам комбез был похож на тот, который используют парашютисты-спортсмены. Ее огромные зеленые глаза были почти анимешных стандартов, а короткие волосы цвета пшеницы на миг каким-то волшебством вернули лето.

– Здравсьте, – кивнул я, и глупо улыбнулся, откладывая наушники. Вот почему у меня всегда так? Как только встре-

чаю девчонку, которая мне по-настоящему нравится, мозги отшибает напрочь! «Здрасьте!» Еще бы «приветик!» сказал!

– Позвольте? – девчонка подошла ко мне и, небрежно стряхнув на рифленый железный пол одежду оператора и заняла его место.

Я только молча развел руками.

– Я активирую режим строгого радиомолчания и возвращения на базу по инерциальным датчикам с последующим визуальным заходом на посадку. После этого до них будет не достучаться – у этой модели приемники просто физически отключаются, специальным сервомоторчиком. Стопроцентная защита от взлома.

– Круто, – кивнул я, продолжая пассивно наблюдать за ее манипуляциями.

– Кстати, у вас бы не получилось что-то сделать с дроном, – заметила она, вбивая какие-то команды на клавиатуре, – оператор был неактивен больше пяти минут. Понадобились бы коды доступа, которые у меня, разумеется, есть.

– Кто вы? – спросил я.

– А знаете, почему я это все вам рассказываю? – проигнорировав мой вопрос, в свою очередь, спросила девушка.

– Чтобы зубы мне заговорить, и я не сбежал, пока вы тут вызываете подмогу? – предположил я, и тут же опять почувствовал себя идиотом. Но, к счастью, незнакомка не обиделась.

– Вовсе нет, – улыбнулась она, – хотя мне нравится ход

ваших мыслей. Поэтому вы и продержались так долго. Я все рассказываю вам, чтобы продолжать строить отношения, основанные на доверии.

– Не так-то это просто, если не знаешь, с кем имеешь дело, – я пожал плечами.

– Меня Катя зовут, – сказала девушка, поднимаясь с места; к тому моменту мониторы, передававшие картинку и телеметрию с дронов, погасли, – она протянула мне руку.

– Приятно, – кивнул я, осторожно пожав ее теплую ладонь. Какая все-таки у нее нежная кожа! – Гриша, – успел ляпнуть я до того, как сообразил, что она уже называла меня по имени.

– Взаимно, Гриша, – она снова одарила меня улыбкой, – и давай мы на «ты», хорошо? Нам предстоит провести вместе довольно много времени.

Когда я услышал это, в груди поднялась пенистая волна настоящей мальчишеской радости. Мне стоило больших усилий подавить радостную улыбку.

– Давай. Катя... – я произнес ее имя, словно пробуя его на вкус. Почему-то мысль о том, что имя почти наверняка не настоящее в тот момент даже не пришла мне в голову.

– Так вот, – начала она, направляясь к выходу из кунга, – о доверии. Я должна кое-что еще сказать, что тебе может не понравиться. Но рано или поздно ты все равно догадаешься. Так что уж лучше сейчас.

– Ну, удиви меня, – я снова пожал плечами.

– Я немного недоговаривала, – сказала она, – технически у нас была возможность тебя вытащить. Но мы ждали, как пройдет первая активация артефакта.

– Зачем? – искренне удивился я, но тут же сообразил: – вы не знали, как он работает?

– Как раз это мы знали, – улыбнулась Катя, – в отличие от этих ребят, – она сделала широкий жест, будто указывая одновременно на все пустующие операторские места.

– Значит, это все-таки сделал выстрел... – сказал я тихо.

– Да, – кивнула Катя, – тюрвинги – они такие. Им далеко не обязательно указывать направление.

– Тюрвинги? – переспросил я.

– Да, – снова кивнула девушка, – общее название для этого типа артефактов. Крайне редкая штука, должна сказать.

– Вот как, – заметил я, – так почему меня нельзя было раньше вытащить? До первого выстрела?

– Как правило, тюрвинги убивают нового случайного владельца, – Катя вздохнула, – и происходит это как раз в момент первой попытки использования. То существо, которое ты нашел в Подмоскowie – оно пыталось похитить тюрвинг у подлинного хозяина. Он, кстати, погиб, судя по всему, оставшись без защиты артефакта.

– А можно про эту защиту подробнее? И про существо? – заинтересованно спросил я.

– Можно, – кивнула Катя, открывая люк, – но позже. Сейчас нам нужно убираться отсюда поскорее. Начальство этих

ребят – она кивнула в сторону пустых операторских кресел – возможно, не сразу сообразит, что попало нам в руки. И придет новую группу захвата. А зачем нам еще жертвы?

С этими словами Катя вышла наружу. Мне ничего не оставалось сделать, как последовать за ней. После спертого воздуха кунга свежий уличный воздух показался нектаром. Я быстро огляделся. Чистое небо (обманчиво чистое, как я теперь знал), пустынная дорога. А ведь вчера трасса показалась мне довольно оживленной!

Тем временем Катя быстрым шагом подошла к первым деревьям лесополосы, идущей вдоль трассы, и нетерпеливо замахала мне рукой. Я, не заставляя себя долго упрашивать, трусцой припустил за ней.

В придорожных кустах был спрятан довольно внушительный камуфлированный баул. Катя опустилась перед ним на колени, дернула несколько молний, оторвала пару «липучек», и баул раскрылся.

– Помогай давай! Чего стоишь истуканом? – бросила она, продолжая колдовать над баулом.

– Что мы делаем? Почему просто нельзя просто уехать отсюда на машине... кстати, где ты свою бросила? – спросил я, и тоже склонился над баулом, чтобы помочь Кате вытащить кусок плотно свернутого серого материала, напоминающего нейлон.

– Я с парашютом прыгнула, – ответила Катя, не поднимая голову, – осторожнее! Не дергай сильно! Он последова-

тельно расправляется, ты же должен знать! Тут нервюры карбоновые, у воздухозаборника, видишь? Могут ткань повредить, если зацепиться!

И только теперь я сообразил, что мы достаем нечто, напоминающее купол огромного парашюта. «Да это ж пароплан!» – догадался я.

– На машине слишком много времени ушло бы на разборки, – продолжала объяснять Катя, – Эти ребята кордоны выставили, за час до операции. Да и чтобы выбраться отсюда машина тоже не годится. Нужно время, чтобы наверху все устаканилось. Конкурирующим конторам – и государственным, и частным, не так-то просто смириться с потерей. Нас еще могут попытаться достать. Представляешь, сколько серьезных людей сегодня рискуют своей карьерой?

– Хорошо. Ну а вертолет чем плох?

– Тем же, чем и автомобиль, – вздохнула Катя, – очень уж заметен. На радарх видно, а если лететь низко – слишком сильный акустический след. По мобильникам враз вычислят.

– Ты прыгала с этим баулом? – уважительно сказал я, – не плохо так.

– Да брось! – усмехнулась Катя, – ерунда. Меньше сорока дополнительных кэгэ. Кстати, я скайдайвер.

– А я вот на спортивном ни разу не прыгал, – сказал я, – дэ-шесть, и дэ-десять. Вот и весь мой опыт.

– С паропланом представляешь, как управляться?

– Теоретически, – ответил я, после чего выпрямился и

огляделся. Выставил, предварительно послушав, палец, чтобы оценить ветер, – слушай, ты уверена, что подняться удастся? Штиль ведь! На рассвете еще хоть какой-то ветерок был, а теперь...

– А зачем нам ветер? – заговорщически подмигнула Катя, и достала со дна баула штуковину, напоминающую обтекаемую карбоновую дубинку. С легким щелчком эта штуковина расправилась в трехлопастной винт, где-то метр двадцать в диаметре.

– Впечатляет, – кивнул я, – а движок где?

Не переставая улыбаться, Катя достала из баула плоский металлический блин с хитрой системой ремней-фиксаторов, и закрепила его в основании вентилятора.

– Электро? – догадался я, и разочарованно добавил: – значит, прогулка будет недолгой.

– Ага, – кивнула она, – по прямой километров триста пятьдесят. Но мы петлять будем. Так что лететь придется часов восемь. Ерунда – я на этой штуковине как-то все плато Путорана облетела! Правда, с тремя комплектами запасных батарей, конечно.

– Даже спрашивать не буду, что ты там делала, – сказал я, – но плато километров восемьсот в длину! Часов двадцать полета. Это что за батареи-то такие?

– Хорошие батареи, – улыбнулась Катя, – на биоорганических пептидных молекулах. Металлоидно-литиевые. В магазине такие не купишь. Кстати, достань их, они в отдельном

кармане сбоку. И в другом кармане – твой полетный комбез. Пора одеваться. Не лето все-таки.

Я достал ячейки с батареями (черные пластиковые коробки с влагозащищенными клеммами) и свернутый рулоном комбез. Аккумуляторы передал Кате, и она приладила их в специальные ячейки у себя на поясе, соединив проводами с двигателями и полетным контроллером. Внутри рулона с комбезом, в отдельных чехлах, оказался легкий карбоновый шлем и ветрозащитные очки. То, что все это дело идеально подошло по размеру, меня уже не удивило.

– Давай скорее! – торопила Катя, пристроив себе за спину винт, который успел обзавестись защитным кожухом, – ремни мягкие, и довольно широкие. Постарайся устроиться комфортно.

Она пристегнула меня к себе несколькими полимерными лентами, которые на груди, под копчиком и бедрами образовали что-то вроде двух широких треугольников. Удобство, конечно, было сомнительное – но вполне терпимо. По крайней мере, ноги не должны были затекать. Правда, здорово мешал рюкзак с деньгами, который я, конечно же, и не подумал оставить. Его пришлось повесить спереди. Кобуру с «артефактом» я спрятал за пазухой, чтобы при любых обстоятельствах (вроде жесткой посадки) она осталась при мне.

Стараясь идти в ногу, мы выбрались на трассу. Стропы натянулись, заранее выложенный на траве у слепого поворота дороги купол чуть приподнялся. «А что, если машина

сейчас проедет? – успел подумать я, – что, если кордон сняли? Или те, кто стоял на кордоне тоже исчезли?» Но Катя уже запустила двигатель. Мы начали разбег. Должно быть, со стороны это было презабавное зрелище: бежать в сцепке было ужасно неудобно, тем более что делать это приходилось довольно быстро. Электрический мотор работал почти бесшумно. Из-за этого казалось, будто силы в ногах вдруг стало ненормально много. Несколько секунд такого странного бега – и мы поднялись в воздух.

Ощущения было очень необычными. Взлет на электропарашуте пассажиром в тандеме мало чем напоминал приземление на обычном военном парашюте с круглым куполом. Сильнее всего меня напрягало отсутствие контроля над происходящим. Я не чувствовал аппарат, не чувствовал мощность двигателя. Во время старта мне показалось, что мы взлетаем слишком резко, и купол не выдержит такого угла атаки. Скорость упадет, купол погаснет, и мы упадем. А высота уже была приличной – метров пятьдесят. Но ничего подобного не произошло. Аппарат набрал еще пару десятков метров, и выправился.

Мы бесшумно скользили в хрустальном воздухе над самыми верхушками осеннего леса. Больше всего это было похоже на полет во сне. Наверно, нужно было расслабиться, и получать удовольствие, но я все с тревогой глядел на горизонт – не появятся ли облака? Парапланы очень ограничены по погодным условиям; на них нельзя летать, когда силь-

ный ветер, резкие перепады температуры, туман или осадки. И, если уж совсем честно, такие наблюдения за погодой мне помогали отвлечься от других, более прозаических вещей. Мы висели в подвесе так удачно, что крупные упругие груди Кати массировали мне плечи. Похоже, у нее под комбезом бюстгальтера не было. Скажите, пожалуйста, какой мужчина нормально выдержит такую многочасовую пытку, не имея возможности даже нормально пошевелиться?

К счастью, всего через пару часов Катя жестом указала на широкое, недавно сжатое поле, и дала понять, что мы будем садиться.

Приземление прошло без происшествий. Разве что ботинки сильно испачкались в рыхлой черной земле.

– Ну вот, – сказала Катя, отряхиваясь, и начиная складывать крыло парашюта, – мы достаточно далеко от места, можно немного передохнуть. И перекусить.

Только в тот момент я почувствовал, что жутко голоден. Еще бы – я ведь не ел со вчерашнего утра! Если не считать злаковые батончики, которыми я заедал энергетик. Они дали достаточно углеводов, чтобы продержаться, но организм уже работает в экстренном режиме, и наверняка начал жрать мышечную ткань. И это меня не устраивало от слова совсем!

– А что есть? – заинтересованно спросил я.

– В комбезе, карман на штанине, справа, – ответила Катя, – там сухпак. Только давай сначала крыло свернем нормально, а то заколебемся потом стропы распутывать!

– Я думал, это защита. Ну, как на мотоштанах, – сказал я, и принялся помогать ей складывать крыло.

– Считай, двойное назначение, – улыбнулась Катя.

Мы сели на сложенное крыло, как на кресельный мешок, и достали рационы, которые представляли собой черные пластиковые контейнеры, мягкие на ощупь. Никаких надписей, или информации о составе на них не было.

– Занятная штукавина, – прокомментировал я, разглядывая упаковку.

– Ага, – кивнула Катя, – наше собственное производство, для оперативников. Открывается вот здесь, – она потянула за один из торчащих кончиков на коробке, и контейнер распался на две аккуратные части. Внутри лежали пластиковые приборы, и несколько прозрачных «чулков» с едой, тубики на манер космонавтских и бутылка с водой, – тут химический разогрев. Нужно пакет положить вот сюда, и дернуть за шнур.

– Спасибо, ясно, – кивнул я, и последовал ее инструкциям.

То ли я был таким голодным, то ли сухпаек очень качественным, но еда показалась мне невероятно вкусной. В первом пакете было что-то вроде паэльки с морепродуктами, во втором – нарезка куриной грудки с рисом. В тубике оказался борщ.

Насытившись, я аккуратно сложил мусор в контейнер, закрыл его поплотнее, чтобы не открылся случайно, и убрал

обратно в карман комбинезона.

– Молодец, – похвалила Катя, наблюдавшая за моими манипуляциями, – прям уважаю, – кстати, в другом кармане гигиенический набор: салфетки, санитайзер и влажная туалетная бумага.

– Спасибо, – кивнул я, краснея.

Прогулявшись по полю до ближайшего леска – каждый по своим делам – мы вернулись к парaplану.

– Ну что, по коням? – сказала Катя, и принялась раскладывать крыло и винт в стартовое положение.

– По коням, – согласился я, – слушай. Насчет этих. Тюрвингов.

– Да? – сказала Катя, не отрываясь от работы.

– Получается, я их всех убил? Они что – рассыпались в пыль? Аннигилировались? Как эта штуковина работает?

Катя оторвалась на секунду от крыла, и посмотрела на меня.

– Тебе нереально повезло, – сказала она, – из всех известных тюрвингов твой – самый чистый. Скажу сразу, мы не знаем точно, как именно он работает, но те люди точно не рассыпались в пыль, и не аннигилировали. Есть разные теории. Кто-то предполагает, что они остались в другой ветке реальности. А еще ходят слухи, что жертвы этого тюрвинга попадают в особый мир, где есть только одна река, а люди живут на ее берегах. Но это непроверенная информация.

– То есть, они не обязательно мертвы? – уточнил я; честно

говоря, в этот момент у меня с плеч не то что гора свалилась – а целый горный хребет размером с Гималаи.

– Скажем, есть ненулевая вероятность, что они где-то живы, – согласилась Катя, – говорю же, тебе повезло нереально. Другие тюрвинги работают несколько, скажем так, грубее.

– Подожди, а сколько народу исчезло? Как он достал этих ребят в кунге? Они же были в противоположном от выстрела направлении!

– И тут мы снова ступаем на зыбкую почву теории, – улыбнулась Катя, – нет точных данных, но мы предполагаем, что твой тюрвинг убирает из нашей реальности тех, кто входит в социальную группу, члены которой на тебя напали. Причем ширина этой социальной группы определяется личным знакомством. И это еще одно уникальное свойство, другие тюрвинги работают грубее.

– Как именно? – спросил я.

– Первый тюрвинг, – ответила Катя, – это меч. Если его достать из ножен – он вырывается из руки, и разрубает всех людей, кто находится в зоне прямой видимости, кроме самого истинного владельца. Причем в процессе его никак невозможно остановить. Разве что ядерным взрывом. В общем, ясно, что это оружие очень ограниченного применения. В прошлом, конечно же, происходили настоящие трагедии, с ним связанные. Вот, допустим, сидит отряд в замке, обороняет твердыню. Их осаждают неприятель. Вроде бы идеальная ситуация, чтобы этот тюрвинг использовать, да? Чего

там: спрячешь войско за стенами, вне зоны видимости, выпускаешь рыцаря – хозяина тюрвинга, и ждешь, пока все враги полягут кишками наружу. Но и тут, как водится, дело в деталях. Забыли рыцари, что на пригорке деревенька притаилась, где барон свое семейство спрятал. Деревенька за рекой полноводной – не вдруг достанешь! – но в зоне прямой видимости. Вот и полегла она вся, вместе с женами беременными, да детишками, разделив участь осаждающих замков.

– Как молвишь-то ты складно! – вырвалось у меня, – аки сказку кажешь!

Катя рассмеялась.

– Извини, – ответила она, успокаиваясь, – до того, как попасть в контору, я много с детьми работала. Любят они такое. Сказочный тон – он доверие вызывает, что ли. Но это не сказка была. Сама что ни на есть реальность. Тот хозяин тюрвинга с ума сошел, и сжег себя живьем. Двести лет потом истинный хозяин не находился, хотя было прекрасно известно, где меч.

– А сейчас, значит, нашелся? – спросил я.

– Тогда – нашелся, – поправила Катя, – через двести лет.

Прожил жизнь, и умер.

– И где сейчас этот меч?

– В хранилищах Пентагона. В США, – вздохнула Катя.

– Вот как? – я удивленно поднял брови, – и что же, хранителя при нем держат?

– Нет у него хранителя. По крайней мере, пока. По нашим

данным, бывают сумасшедшие – из числа тех, кто работает с такими вещами внутри организации – кто вдруг решает, что у него получится. Чаще всего им разрешают попробовать. Но насильно, конечно, никто никого не заставляет. Там нет такого, как было в Рейхе: хоть тысячу офицеров положи, но хранителя добудь.

– Этот меч еще и в Рейхе побывал?

– Ага, – кивнула Катя, – правда, не долго.

– А второй тюрвинг? – спросил я, – ты говорила их всего три.

– Он был потерян в Нагасаки. Уничтожен ядерным взрывом. Американцы узнали, что японцы собираются его применить. Ситуация на фронтах была отчаянной, и они готовы были пойти на крайние меры

– А Хиросиму для чего тогда бомбили? Для компании? Или потренироваться?

– Тюрвинг изначально хранился в Хиросиме. За несколько часов до первого взрыва его успели эвакуировать в Нагасаки.

– И что же? Этот тюрвинг был насколько страшен, что вместе с ним уничтожили два города с мирными жителями?

– О, да! – кивнула Катя, – думаю, это был самый страшный из тюрвингов. Он наполнял подлинной любовью. Причем те, кто попал под удар, обладали способностью этой любовью заражать других.

Я скептически поднял бровь, и усмехнулся.

– Зря ты так, – сказала Катя, – его использовали всего пару раз. И в каждом случае это приводило к гибели целых народов. Ну же, включи воображение – что будет, если несколько тысяч солдат начнут безудержно любить своего врага, друг друга, но сильнее всего – хозяина тюрвинга? И все это дело будет распространяться, как степной пожар?

– Мнда... – пробормотал я; потом спросил: – и что же, вы будете держать меня как оружие? Чтобы я применил тюрвинг тогда, когда это будет вам надо? А на меня ядерную бомбу точно не сбросят?

Катя вздохнула.

– Если бы все было так просто, – ответила она, – но нет. Твой тюрвинг, конечно, штуковина интересная и редкая. Но у нас нет необходимости его использовать для чего-либо. И мы не будем тебя об этом просить. Нам куда больше интересен ты сам. И твои способности.

– О чем ты? – спросил я, – какие способности?

– Давай сначала до места доберемся, – ответила Катя, – потом уже серьезно поговорим, лады? А то ночью лететь придется.

За разговором мы закончили раскладку крыла, и снова пристегнулись в подвес. В этот раз разгоняться было значительно труднее: ноги вязли в рыхлой почве. Но нам повезло. В какой-то момент поднялся легкий ветерок, и наполнил крыло. Остальное довершил электромотор, толкающий нас на пределе оборотов.

Двигатель работал тихо, но все равно нормально разговаривать в полете было невозможно: мешал встречный поток воздуха. Поэтому я не сразу разобрал то, что прокричала Катя.

– Что? – крикнул я в ответ.

– Батарея садится быстрее, чем я рассчитывала! – она наклонилась к самому моему уху, – ты со своим рюкзаком слишком тяжелый!

– Запасную не взяла, что ли? – прокричал я.

– Нет! – ответила Катя, – но мы уже не так далеко. Я сейчас попробую набрать высоту! До места будем планировать!

Чтобы не напрягать лишний раз горло, я согласно закивал.

Параплан довольно резко пошел вверх. Надо сказать, на подлете к Москве погода переменилась: ощутимо похолодало, а небо заволокло серой осенней пеленой. Я думал, Катя ограничится парой тысячей метров – аппарат хоть и был рассчитан на тандем, но был близок к предельной загрузке, это ощущалось. Что, в общем, не удивительно: я весил девяносто пять, как раз неделю назад начал набор массы. Плюс рюкзак с вещами и деньгами – еще килограммов пятнадцать. И Катя была девушкой отнюдь не миниатюрной. Рост у нее под метр восемьдесят, значит, весит около семидесяти, а то и больше: я чувствовал, как под комбезом перекачиваются

внушительные мышцы ее бедер.

И все-же мы продолжали набирать высоту. Краем глаза я видел экран полетного контроллера. Альтиметр уже показывал две с половиной тысячи, и останавливаться на достигнутом Катя явно не собиралась. Становилось все холоднее. Внизу маски – там, где на нее попадал теплый воздух от дыхания – уже появился иней. Я заметил, как участилось дыхание: начал сказываться недостаток кислорода на высоте. Комбез, который мне выдала Катя, держался достойно, но после четырех тысяч холод начал доставать даже через него.

Мы почти достигли кромки облаков верхнего яруса, и я уже хотел крикнуть Кате, чтобы не вздумала подниматься выше. Легкий параплан мог обледенеть в одно мгновение. Но тут двигатель вырубился. Мы повисли в ледяной тишине, над темнеющей землей. А вдалеке я смог разглядеть огромное оранжевое пятно света уличных фонарей большого мегаполиса.

Позже я бы не определил, сколько времени занял этот спуск с пяти тысяч. Мы как будто выпали из привычного хода времени, повисли посреди серой неопределенности. Но потом стемнело. Земля покрылась огнями поселков и автомобилей, едущим куда-то по своим делам среди темных осенних дорог.

Мы незамеченными приземлились на поле, где-то на юго-западе, возле небольшого коттеджного поселка. По моим прикидкам – это была территория новой Москвы.

– Фу-у-х, дотянули! – облегченно вздохнула Катя, отстегивая подвес, – ну и холодрыга же там!

– Это слабо сказано, – я растирал ладонями задубевшие щеки, – еще и дышать нечем!

– Ничего! Сейчас сауну включу – отогреемся!

– У тебя есть сауна? – обрадовался я; честно говоря, в голову опять полезли разные мысли, одна неприличнее другой. Катя вместо ответа заговорщически мне подмигнула, и продолжила собирать параплан.

Нам пришлось обогнуть глухой зеленый забор, чтобы выйти на главный вход в поселок. Он назывался «Стольный». «Ну точно – новая Москва!» – подумал я, и оказался прав. На входе Катя приветливо помахала охраннику, тот важно кивнул в ответ.

Это был самый обычный коттеджный поселок, каких множество расплодилось вокруг столицы. И дома тут были самые разные: от простых бревенчатых срубов, до футуристических изящных конструкций из стекла и стальных балок.

Дом, куда меня привела Катя, оказался классическим двухэтажным коттеджем (или особняком? По правде говоря, я не знаю, в чем разница. А узнавать лень). Она достала ключи, нажала пару кнопок на пульте, и мощная входная дверь возле гаражных ворот бесшумно распахнулась, пропуская нас на территорию.

– Впечатляет, – сказал я, оглядывая просторный холл, – ты не говорила, что какая-то шишка в своей организации.

– Да какая шишка, – небрежно бросила она, – обычный оперативник.

– Значит, это не твой дом? Он – это что-то вроде конспиративной квартиры? Можно пользоваться, когда необходимость есть? Но все равно – очень круто.

Катя рассмеялась.

– Нет, что-ты! – она помотала головой, – у нас был вариант остановится в корпоративном убежище в городе, но туда надо еще как-то добраться. Так что оказалось проще привести тебя домой. Так что добро пожаловать! Я тут живу.

– Как-то смело и необычно, – пробормотал я, – вот так вот смешивать рабочее и личное.

– Гриша, – вздохнула Катя, – ты еще не до конца понимаешь, что происходит. Пока что просто поверь: так проще. Нам предстоит провести вместе довольно много времени.

Я сам не заметил, как расплылся в глупой улыбке. А в голове назойливо вертелись мысли о сауне.

В доме, как выяснилось, была далеко не только сауна. В подвале располагался полноценный спа-комплекс: бассейн, джакузи, и даже небольшой, но вполне функциональный зал с отдельными зонами: свободных весов, кардио и зоной функциональных тренировок.

– Я бы тут жил... – пораженно пробормотал я; тут же смутился, и добавил: – в смысле, тут, в подвале.

– Ну, располагайся, если хочешь, – улыбнулась Катя, – хотя я думала предложить тебе комнату в мансарде.

Сауна прогрелась быстро. Вот и настал момент истины: как мы туда пойдем? Вместе? Я то и дело поглядывал на Катю, пытаюсь угадать ее намерения.

– Ну вот, все готово, – сказала она, – в рюкзаке у тебя хоть какая-то заправка есть? Хотя бы нижнее белье?

– Есть, – кивнул я.

– Отлично. Значит, раздевайся тут. Вон там, – она указала в дальний угол подвала, – рядом с кардио зоной находится прачечная. Закинь все в машинку на экспресс цикл. Разберись как?

– Думаю, да.

– Отлично. Над стиралкой находится сушильная машина. Воспользуйся ей. А то нам ехать с утра. Обычным способом одежда высохнуть не успеет. А переодеть мне тебя не во что.

– Супер, спасибо, – кивнул я, все еще пытаюсь поймать ее взгляд.

– Теперь насчет сауны, – продолжала деловито рассказывать Катя, – она финская. Значит, никакой воды на камни – они просто на это не рассчитаны. Я не люблю влажную жару. Душ ты видишь. Слева от него, за перегородкой, купель. По идее, работники должны проверять каждый день – но на всякий случай убедись, что вода свежая, прежде, чем нырять. Вот, вроде бы и все. Хотя стоп, – она остановилась, и посмотрела на меня. У меня сердце пропустило удар, – халаты в предбаннике. Там есть мужские комплекты. Кажется, твой размер тоже найдется. Если нет – закутайся в полотенце, по-

ка одежда стирается.

Она развернулась, и, судя по всему, собралась выйти из подвала.

– А ты? – все-таки вырвалось у меня.

– Что я? – Катя остановилась, и посмотрела на меня, недоуменно захлопав глазами.

– Ну... мыться не будешь? Или греться, ну, там... – я почувствовал, как по щекам растекается румянец. Наверно, еще никогда в жизни я не чувствовал себя настолько глупо.

– Гриша! – она удивленно подняла брови, – мы всего день как знакомы! Да, ты симпатичный парень – но о близости я еще как-то не думала! Да и неправильно это, наверное – нам еще вместе работать предстоит!

С этими словами она вышла, и закрыла за собой дверь. Я еще минуту стоял зажмурившись, пытаюсь справиться с эмоциями. Потом вздохнул, решил не париться по этому поводу, плюнул на все, и пошел греться в сауну.

8

– Куда мы все-таки едем? – спросил я, когда мы подъезжали к МКАДу.

Вчера, за ужином, толком о делах поговорить так и не удалось. Катя опять сказала только, что: «...мы оба устали с дороги, а такие вещи надо обсуждать на свежую голову. Ты все поймешь, обещаю. Но для начала завтра я тебе кое-что по-

кажу». И вот, это самое завтра наступило.

– В Котельники, – ответила Катя, – тут недалеко.

– Я знаю, где Котельники находятся, – ответил я, – рядом квартиру снимал.

– Точно, – кивнула Катя, и замолчала.

Возможно, я излишне себя накручиваю, но, похоже, после вчерашнего неловкого момента она стала держаться со мной как-то подчеркнуто отстраненно. Хотя что такого-то я сделал? Ну да ладно, ее дело. Мало в мире девчонок что ли?

Добирались довольно долго. Пришлось постоять в пробке в районе Каширки. Этот участок всегда забит: съезды на густонаселенные районы, и крупный торговый центр прямо на пересечении трасс. За все это время Катя не проронила ни слова. Я тоже молчал, стараясь подавить собственное раздражение от ее поведения. И только перед самым поворотом на Котельники до меня вдруг дошло: да она же нервничает! Это открытие меня малость обескуражило. Значит, не простая это поездка – ой, не простая. Куда же мы на самом деле едем? Где-то наверху договорились, и теперь меня просто сдадут? Я нервно потрогал кобуру, которую, конечно же, взял с собой. К счастью, она легко вошла в карман моей толстовки. Это оружие меня защищает. Вопрос только в том: насколько широки возможности этой защиты? Или, может, Катя как раз и везет меня туда, где сможет отвлечь меня, и забрать тюрвинг? Нет, это совсем бред какой-то. У нее была масса возможностей, пока я спал, был в сауне и тренировал-

ся.

– Приехали, – сказала Катя, останавливаясь на парковке возле искусственного озера, которое, похоже, образовалось на месте бывшего карьера. Место было довольно живописным: на берегу, где мы остановились – новехонькие высотные жилые дома, на противоположном – высокий песчаный берег, почти как на Байкале. А между этими берегами – синяя вода, казавшаяся удивительно чистой под не по осеннему высоким и ярким голубым небом.

– А тут ничего так, – прокомментировал я.

– Ага, – кивнула Катя, – неожиданно такое увидеть всего в паре километров от МКАДа.

– Я слышал про это место, ребята говорили, – сказал я, – но все руки не доходили прокатиться. Думал, обычная городская помойка.

– Ну, мусора тут действительно хватало, – пожала плечами Катя, – но в последнее время муниципалитет взялся за чистоту. И стало вполне прилично.

– Значит, ты уже тут бывала, – заметил я.

– Конечно, – кивнула Катя, – пойдем, покажу, ради чего я тебя сюда притащила.

Мы вышли из машины.

– Знаешь, – сказал я, когда мы подходили к довольно приличному, оборудованному пляжу (сейчас, разумеется, пустому), – китайцы считают, что место, где ты умрешь, имеет очень большое значение.

– Да? – растерянно переспросила Катя, продолжая шагать вперед.

– Ага, – кивнул я, – модный фэншуй, про который любят втирать дизайнеры, на самом деле, в большей степени наука о том, где лучше умереть, и быть похороненным.

– Ты к чему это? – до Кати, наконец, дошел смысл моих слов.

– Да так, – ответил я, оглядевшись, – просто место красивое.

– Ты что, решил, что я тебя сдавать собралась? – спросила она, – или вывезла, чтобы прикончить?

– Ну, ты молчишь всю дорогу, – я пожал плечами, – и вообще напряженная какая-то.

– Дурак! – сказала Катя, фыркнула, и пошла дальше. Мне ничего не оставалось делать, кроме как последовать за ней.

– Пришли, – сказала она, – что видишь?

Я огляделся. Место было очень занятным. Пляж остался справа, мы были близко к действующей части карьера, в котором, как я предположил, добывали песок. Прямо перед нами, полукругом, вздымались песчаные стены, метров тридцати, а то и сорока в высоту. На грунте в беспорядке валялись разбитые твердые плиты какой-то породы. Полоса этой породы просматривалась в песчаной стене, на высоте десяти метров. Но не это было самым интересным. Прямо в стене песка, как раз в районе темной полосы этой твердой породы, застряло нечто, напоминающее ажурное яйцо из оплав-

ленного и сильно проржавевшего железа. «Яйцо» было довольно внушительных размеров: метра три в высоту, и около двух метров в широкой части по горизонтали.

– Ты про эту штуковину? – я указал на яйцо.

Катя посмотрела в указанном направлении, и радостно улыбнулась. Потом, вдруг рассмеялась, и кинулась мне на шею.

– Ура-а-а! – кричала она, – Гришка, ты даже не представляешь, какой ты молодец!

Пользуясь случаем, я крепко обнял ее. Вдохнул запах ее волос.

– Да что случилось-то? – спросил я, когда Катя, наконец, разомкнула объятия.

– Случилось то, что у нас с тобой большое будущее! – сказала она, а потом добавила, – у тебя – большое будущее. На счет меня дальше видно будет.

– Может, объяснишь, наконец?

Катя глубоко вдохнула, задержала дыхание, потом выдохнула.

– Да, пожалуй, – сказала она, – наверно, пора кое-что объяснить. Гриш, насколько хорошо ты знаком с археологией и геологией?

– В целом – в рамках школьного курса, – я пожал плечами, – про военную археологию знаю немного больше. Одно время работал в поисковом отряде, на добровольных началах. Помогал наших бойцов находить и хоронить по-челове-

чески.

– Ясно, – кивнула Катя, – тогда начну издалека. То, что ты видишь перед собой, этот слой песчаника – дельта древней реки. Она текла тут на протяжении всего аптского века, на границе между Юрой и Мелом. А теперь посмотри на эти конкреции, – она указала на плиты, разбросанные по дну карьера.

Я присел на корточки, и внимательно оглядел ближайшую плиту. На первый взгляд – камень как камень. Похож на гранит или базальт. В каких-то рыжеватых отложениях. Поверхность неровная, в пузырях и буграх, как будто когда-то кипела.

– Это что, лава? – спросил я, поднимаясь, – не знал, что в Московской области были вулканы.

– Они и правда были, – ответила Катя, – только не здесь. На границе между Русской и Скифской плитами, где севернее сохранилась Девонская складчатость. Но не здесь.

– Что же это тогда?

– Это – след древнего термоядерного взрыва, – сказала Катя, вздохнув.

– Вот как... – признаться, я немного растерялся, и рефлекторно отдернул руку, которой ощупывал «пузыри» на «лаве».

– Не волнуйся – радиационной опасности давно нет, – улыбнулась Катя.

– Уверена? – я подозрительно нахмурился.

– Совершенно, – ответила она, – самые опасные изотопы давно распались.

– Кстати, почему ты уверена, что взрыв был именно термоядерный? Если изотопы распались?

– Мы строили модель распределения энергии, основываясь на мощности расплавленных слоев. Да и анализ оставшихся элементов может многое дать, – она махнула рукой, – в общем, не будем в детали. Просто знаем, и все. Практически, со стопроцентной вероятностью.

– А это что за штука? – я указал на «яйцо» вплавленное в слой «лавы».

– А вот теперь, Гриша, – Катя сделала паузу, и многозначительно на меня посмотрела, – мне придется тебе рассказать кое-что, после чего твоя жизнь окончательно и бесповоротно изменится.

– Так она вроде как уже, – я пожал плечами, поднимаясь.

– И то верно, – улыбнулась она, – в общем, были такие писатели, братья Стругацкие. И однажды они написали отличнейшую повесть, которая называется «Пикник на обочине».

– Слушай, – перебил я, – может, я и качок. Но не тупой. Я знаю, кто такие Стругацкие. У меня мама учитель литературы, между прочим.

– Извини, – стушевалась Катя, – я уже говорила, что с детьми долго работала? Очень сложно избавиться от этого проклятого менторского тона.

– Проехали, – кивнул я, – так что ты там говорила про

сталкеров?

– Про сталкеров – ничего, – осторожно ответила Катя, – я говорила про «Пикник на обочине». Помнишь, в чем там дело было?

– Прилетели инопланетяне. Наследили. Появилась зона, полная странных штуковин, за которыми охотятся сталкеры, – ответил я.

– Верно! – улыбнулась Катя, – вот только в реальности таких «пикников» за несколько миллиардов лет истории нашего мира было довольно много. Нашу Землю посещали много раз. Пытались даже колонизировать, неоднократно! Да что там – колонизировать – по последним данным как минимум две цивилизации в конце палеозоя вели настоящую войну с применением орбитального оружия за контроль над нашей планетой.

– Мндам, – кивнул я после короткой паузы, – в школе о таком не говорят. Но постой. Если все так, как ты говоришь – это никак невозможно было бы утаить. Если подобных следов много, рано или поздно правда вышла бы наружу. Да и какой смысл утаивать подобное?

– Смысл есть, – ответила Катя, – самое ценное в подобных находках – это артефакты, по которым можно хотя бы частично воспроизвести технологии. Не говоря уж о тех артефактах, которые находятся в рабочем состоянии, вроде твоего тюрвинга. Но дело даже не в этом.

– В чем же тогда? – спросил я – типо, глобальный заговор

ученых? Настоящей историей занимаются посвященные?

– И это тоже, разумеется, – кивнула Катя, – но не это главное. А главное в том, что информацию об инопланетных следах добывать очень и очень тяжело. Артефакты совсем не просто увидеть. Например, вот это, – она указала на «яйцо», – ты только что проявил. Потому, что ты видящий. Понимаешь, у меня были некоторые сомнения. Это могло быть уникальное стечение обстоятельств: твой тюрвинг проявил кто-то из неизвестных нам видящих, непосредственно перед тем, как его обнаружил ты. Но теперь мы знаем точно. Видящий – это ты сам.

– Стоп, – я сложил ладони буквой «Т», – тайм-аут. Давай-ка еще раз. Что я сделал с этой штуковиной?

– Понимаешь, – сказала Катя, – все земные организмы имеют одну очень необычную особенность. Первые исследователи, которые ее обнаружили, думали, что она касается только людей, и пытались приучить обнаруживать артефакты животных – собак, свиней, даже куриц. Но тщетно, конечно. Теперь мы совершенно точно знаем, что все живые существа, обладающие мало-мальски развитой системой обработки информации... заметь, речь идет не о нервной системе, потому что простейших это тоже касается! Так вот, все живые существа на земле каким-то образом настроены игнорировать любые объекты искусственного неземного происхождения.

– Извини, не понял, – я пожал плечами, – как это?

– Вот этот объект, – она снова указала на «яйцо», – у нас были веские косвенные основания полагать, что нечто подобное здесь должно присутствовать. Сначала мы нашли следы взрыва. Дальнейшее было делом чистой математики. Мы использовали методы, позволяющие исключить любой элемент интуитивного восприятия. Так вот, согласно совокупности данных с этого места, тут что-то должно было быть. Но мы не могли это увидеть. Этот объект отфильтровывался на уровне подсознания, мы воспринимали его как часть рельефа. И этот встроенный «фильтр» – естественная часть любого живого организма на Земле. Мы, обычные люди, способны увидеть нечто неземное, неестественное, только если нам на него укажет кто-то, у кого этого встроенного фильтра нет.

– Получается, я как Вий? – сказал я, – могу указать остальным, что находится за кругом?

– Интересная аналогия, – Катя удивленно подняла брови, – вот что значит мама – учитель литературы.

– Все равно это ерунда какая-то, – я покачал головой, – способность адекватно воспринимать информацию – это ведь фундамент, основа любой эволюции.

– Кстати, одна из гипотез, объясняющее это явление, основана именно на классической эволюции. Если коротко – те живые организмы, которые проявляли интерес к артефактам неземного происхождения, в большинстве случаев погибали. Соответственно, те организмы, которые по каким-то

причинам не могли их выделить среди окружающего естественного рельефа, получали конкурентное преимущество в борьбе за выживание.

– Интересно, – согласился я, – но все равно ерунда какая-то получается.

– Ну, эта гипотеза не единственная, – Катя кивнула головой, – и у нее есть свои недостатки. Но, как бы то ни было, это не отменяет главного факта: ты способен видеть такие вещи. И указывать на них остальным. Понимаешь теперь свою ценность?

– Много нас, таких? – спросил я.

– Хороший вопрос, – кивнула Катя, – правильный. Вас крайне мало. В столетие удается обнаружить одного – двух видящих. В двадцатом веке видящих было трое. Поэтому артефактов было найдено больше, чем за предыдущую тысячу лет, отсюда такой скачок в технологиях.

– А сколько нас сейчас? – спросил я.

– Ты единственный, – вздохнула Катя, – до этого один видящий был в распоряжении Пентагона, он умер в девяносто девятом. И один у ФСО России. Его удалось убить одной из зарубежных спецслужб в две тысячи восьмом. Но это был очень продуктивный видящий – он обнаружил столько артефактов, что России хватит еще на пару десятилетий, чтобы продемонстрировать прорывы в самых неожиданных областях, вроде гиперзвукового оружия. Кстати, мы считаем, что их первой реакцией была попытка тебя убить именно из-за это-

го. Чтобы не рисковать сложившимся балансом.

– Постой, но... – я хотел спросить что-то про защиту тюрвинга, но меня отвлек нарастающий гул.

Я повернулся в ту сторону, и увидел, как прямо на нас, очень низко, почти чиркая брюхом о верхушки многоэтажек несется огромный самолет.

9

Самое страшное в такие мгновения – это ощущение безысходности. Когда отчетливо понимаешь: что бы ты ни делал, куда бы ни бежал – конец предрешен. Странное дело, самолет, конечно же, летел довольно быстро, но из-за его размеров движение воспринималось как в замедленной съемке. Он был слишком огромен, чтобы можно было рассчитывать на спасение.

И все же мы попытались. Катя сориентировалась мгновенно: дернула меня за руку, и со всей силы рванула к озерцу на дне бывшего карьера. До него было всего лишь каких-то сто метров. Мировой рекорд на этой дистанции – чуть меньше десяти секунд. И это на идеальном профессиональном покрытии, в лучших кроссовках. А не в обычной обуви, и на рыхлом песке.

Самолет летел прямым в тот склон карьера, где мы только что обнаружили «объект». До столкновения оставалось секунд пять. Не больше.

Когда огромная туша лайнера проплыла над нами, оглушив шумом двигателей, я догнал Катю, схватил ее, и повалил на землю. Полностью подмял ее под себя, и даже успел немного закидать песком. Она что-то возмущенно кричала, но мне было плевать. Так у нее оставался хоть какой-то шанс выжить. Все зависело от того, насколько полны баки самолета. Взрыв после столкновения, и разлет обломков – это еще пол беды. Самое страшное – это разлившееся горючее. Оно не сторит мгновенно, а прольется на нас огненным дождем. Получается, моя спина – это хоть какое-то укрытие. В учебке у нас был короткий курс, что делать в случае критических неисправностей летной техники. По-простому говоря, как правильно вести себя в авиакатастрофах. Я так надеялся, что в жизни не придется применять эти знания.

Взрыв воздушной кувалдой опустился на все тело сразу; голова зазвенела, мир стал каким-то нереальным, словно кино смотришь. Но хватку я не ослабил: Катя все еще пыталась из-под меня выбраться. Я рефлекторно сжался, и приготовился к сильной боли, чувствуя, как нагревается спина. А потом произошло странное: нарастающее чувство жара вдруг сменилось приятной прохладой. Я еще успел подумать: «И это все? Я уже умер?» – но потом ощутил сильное удушье, рвущий горло запах гари и керосина, понял, что расслабляться еще рано.

Задержав дыхание, я осторожно поднял голову. Вокруг бушевал огненный шторм. Но удивительное дело: языки пла-

мении словно огибали мое тело, не причиняя никакого вреда. Я снова прижался к Кате. Она перестала сопротивляться, и кажется, потеряла сознание. Но грудная клетка двигалась – значит, она дышала; дышала этой адской смесью продуктов горения и паров авиационного керосина!

Я прижал девушку к себе – как можно плотнее – поднялся, и рванул вперед: туда, где среди пламени мелькали просветы. К счастью, бежать пришлось совсем недалеко, но я все равно мысленно сказал себе «спасибо» за то, что никогда не пропускал дни ног.

Отбежав от пожарища метров на пятьдесят, я опустил Катю на песок. Нагнулся, и приложил голову к груди. Сердце еще билось, бешено и неровно, но, что самое страшное – она перестала дышать. Я, совершенно не думая, на рефлексах, склонился над ней, и начал делать искусственное дыхание рот в рот, в точности так, как учили в армии.

Всего на третьем вдохе Катя отчаянно закашлялась, и пришла в себя. Посмотрела на меня затуманенным взглядом. Потом глянула на пылающие останки самолета.

– Твою ж то мать! – вырвалось у нее; потом она попыталась подняться на трясущиеся ноги. Я галантно подставил плечо.

– Может, выжившие есть? – спросил я тоскливо, – пойду посмотрю – похоже, это мой тюрвинг меня как-то от огня защищает.

– С ума сошел? – Катя посмотрела на меня, и округлила

глаза, – во-первых, это нереально, в таком адище выжить! А во-вторых – людей там скорее всего все-таки не было. В таких играх самое главное – это целесообразность. Откровенные садисты и маньяки в спецслужбах, и в организациях вроде нашей долго не живут. Тем более не занимают посты, позволяющие принимать такие решения.

– Ты как сама? – спросил я, чувствуя, как у меня все еще дрожат руки; не от напряжения, нет – от страха, когда я понял, что Катя не дышит.

– Тошнит дико, – сказала она, – и горло дерет. Похоже, надышалась дряни. Ладно, хорош лирику разводить. Валить надо! Помоги мне до стоянки добраться!

Когда мы дошли до парковки, чуть поодаль, возле домов уже собрались небольшие кучки любопытных. Они опасливо разглядывали место катастрофы, и возбужденно переговаривались.

К моему удивлению, Катя направилась не к своей машине – черной «Ауди Кью шесть», а к стоящей чуть в стороне «Икс пятой Бэхе».

– Нам туда! – я дернул ее за рукав, – ты чего?

– Тихо ты! – ответила она довольно грубо, – я знаю, что делаю. Садись давай!

Она подошла к «Бэхе», и уверенно открыла дверь со стороны водителя. Та легко поддалась. Не заперта была, что ли? Я, конечно, немного растерялся, но послушно занял пассажирское сиденье. Катя тем временем нажала на клавишу

пуска двигателя. Автомобиль послушно завелся.

– Электронный доступ, – все-же соизволила пояснить она, выезжая с парковки, – ломает на ура любую машину с электронным ключом. Держала про запас.

– Стоп, – сказал я, – это что же, получается, мы тачку угоняем?

– Что я слышу? Осуждение от начинающего мародера? – зло произнесла Катя.

Я осекся, и замолчал, обиженно глядя сквозь лобовое стекло на догорающие останки лайнера.

На выезде из парковки Катя закашлялась, да так сильно, что ей пришлось остановить машину.

– Тебе в больницу бы... – сказал я, решив оставить обиды на потом, – вся эта дрянь могла не пройти даром для легких. Я-то дыхание задержал, а ты сознание потеряла, и вот...

– Гриш, извини, – она меня перебила, – на нервах. Вырвалось.

– Проехали, – я махнул рукой.

– Достань, пожалуйста, у меня в правом кармане куртки, пластиковый контейнер.

– В этой куртке? – уточнил я, указывая на ту, которая была на ней.

– Ага, – тихо сказала Катя, – не хочу отвлекаться от дороги.

Ее голос звучал подозрительно тихо. К тому же, мы все еще стояли на выезде из парковки. Однако, я решил благо-

разумно воздержаться от дальнейших вопросов. Вместо этого протянул руку, и пошарил у нее в кармане. Коробочка, о которой она говорила, была на месте.

– Достань иньектор с синей полосой. – Так же тихо сказала Катя, – открути крышку, и вколи мне в предплечье... скорее, что-то я вырубаюсь...

Ее качнуло, ослабшая нога съехала с педали тормоза, и машина покатила вперед. Я едва успел дернуть ручник, и перевести рычаг коробки на «паркинг». Потом подхватил Катю, стянул куртку с ее правого плеча, потом разорвал рукав водолазки, очень надеясь, что она не выставит мне потом счет. Вообще-то, нам всегда говорили, что шприцы-тюбики из полевых аптек можно и нужно колоть через ткань. Но то в условиях боя, когда нужно за секунды выбрать меньшее из зол: небольшой риск заражения, или немедленную гибель от болевого шока.

В общем, я не рисковал, но действовал быстро. Иньектор оказался вовсе не таким, какие обычно бывают в аптечках. Это был простой цилиндрик, с небольшой воронкой у одного конца, и стрелкой, ясно дающей понять, каким именно концом надо прикладывать. Я коснулся цилиндриком Катиного плеча. Послышалось легкое шипение, иньектор чуть дернулся. И все. Пару секунд ничего не происходило. А потом Катя судорожно вдохнула, резко выпрямилась, как будто у нее спину свело, и снова закашлялась. Мне даже показалось, что в этот раз у нее на ладонях остались следы крови.

– Ох ты ж блинство... – пробормотала она, окончательно придя в себя, – крутая все-таки штуковина! – она забрала у меня коробочку, и потрясла ей перед моим носом, после чего убрала ее обратно в карман, – надо тебе такую же выдать. Помни, обязательно, когда выберемся.

Она тронулась и, набирая скорость, помчала в сторону МКАДа.

10

Вопреки ожиданиям, ехать далеко не пришлось. МКАД успели проскочить по внутренней стороне. МЧС как раз готовились перекрыть движение – не ясно, зачем: может, просто перестраховывались, а, может, ставили крупную сеть на нас.

– Машина даст нам время, – пояснила Катя, когда мигалки будущего кордона остались на другом берегу Москвы-реки, – поэтому пришлось позаимствовать. Пока будут вычислять, да разбираться, мы успеем добраться до убежища.

– Ясно, – кивнул я.

– Слушай, ты это... – она сняла с руля правую руку, и опустила ее на мою ладонь, потом сжала ее, – я не со зла. И я очень благодарна тебе за то, что ты сделал. Ты ведь не мог знать, что тюрвинг срывается. Этого никто не знал – всегда считалось, что защита действует максимум против пуль. По крайней мере, два других тюрвинга не защищали своих хо-

заяв ни от воды, ни от огня, ни от холода. Думаю, на это и был расчет.

Она убрала руку, и случайно задела какую-то кнопку на руле. Включилось радио. Диктор взволнованно тараторил: «Согласно сообщению пресс-службы аэропорта «Домодедово», это был перегоночный рейс для прохождения планового техобслуживания. Пассажиров на борту не было. Судьба членов экипажа остается неизвестной, но уже сейчас можно сказать: то, что на земле обошлось без жертв, в таком густонаселенном районе – исключительно их заслуга».

– Я же говорила, – сказала Катя, убавляя громкость, – они не полные отморозки.

– А летчики? – спросил я, – камикадзе, что ли?

– Думаю, борт летел на автопилоте, – пожала плечами она.

– Ты, кажется, говорила, что там, наверху должны были все как-то устаканить, нет? – заметил я.

– Да, и получила сообщение, что все в порядке, – кивнула Катя. – Признаться, на моей памяти такого еще не было. Госструктуры пошли вразнос. А вместе с ними все правила игры, которые еще оставались. В интересное время мы живем!

Тем временем мы проскочили развязку с Каширкой, и свернули на Шипиловский.

– Мы разве не собирались залечь на дно? – удивленно спросил я – убраться куда подальше? Что мы забыли в городе?

– Собирались, – кивнула Катя, – и ляжем.

– Убежище что, в городе?

– Нет, – она покачала головой, – но дорога к нему – в городе.

Мы остановились напротив кладбища, немного не доехав до парка Царицыно.

– Накинь капюшон, – бросила Катя, выходя из машины, – и старайся не поворачиваться к домам – чтобы в камеры не попасть.

Я молча надел капюшон, и последовал за ней.

Мы прошли мимо крохотной пустой сторожки, и оказались на кладбищенской аллее. Больше всего я опасался, что убежище будет где-то здесь: маленький подземный бункер, и вход в одной и могильных плит. Бр-р-р! Но Катя сказала, что само убежище не в городе. А тут, получается, только дорога к нему. После парашюта ожидать можно было всего, чего угодно: от тайного метро, ведущего в Подмоскovie, до секретного стартового комплекса с пассажирской баллистической ракетой.

Мы быстро миновали кладбище и через неприметную калитку в высоком решетчатом заборе зашли на территорию парка Царицыно. Знакомые мне места – летом я приезжал сюда побегать, съемная квартира была совсем не далеко. Но нормальные, ухоженные дорожки начинались чуть дальше, а в эту часть парка я никогда не забредал.

Катя взяла левее, вдоль забора. Двигаться пришлось по неухоженной грязной тропе, засыпанной прелыми листьями.

– Мы что, на курганы идем? – спросил я; с этой стороны парка, за оврагом, как мне было хорошо известно, находились знаменитые курганы вятичей. Говорят, народ по оврагу с металлоискателями даже ходили, и не оставались без хабара. Правда, мне самому поработать на месте не довелось. Нормально не покопаешь – народу слишком много, а разрешение получать – тяжелее, чем белый лист на военные раскопы. Памятник истории, все такое. У заявителя должен быть научный статус.

– Что? – Катя недоуменно посмотрела через плечо, но не остановилась, – а, ты про эти... нет, мы не туда. Хотя ты прав – лет десять назад там удалось обнаружить какой-то ценный артефакт. Это была одна из последних находок видящего, я тебе рассказывала про него. Через пару месяцев после работ в Царицыно его убили.

– В старых языческих могилах? – я скептически усмехнулся, – артефакты древних высоких технологий?

– Нормальная ситуация, – пояснила Катя, – люди обычно артефакты не видят. Но что-то чувствуют, это точно. Некое необъяснимое присутствие. Могилы часто устраивают в таких местах, которые еще называют «места силы». Так что искать артефакты на кладбищах и древних святилищах – вполне нормальная практика.

– Кто и зачем его убил, кстати? – спросил я, – ты вроде говорила, что между игроками на этом поле были какие-то правила игры...

– Мы предполагаем, что американцы, – вздохнула Катя, – но, конечно же, ответственность никто не взял. И доказательств нет. Это уникальный случай был. Конечно, была большая буча. Но по итогу тогда казалось, что удалось договориться. Игроки пошли на уступки, добились большей прозрачности. Российская сторона даже получила некоторые компенсации. Формально все соглашения остались действующими, это было выгодно всем. Мы так думали, до сегодняшнего дня.

– Все равно не понимаю, – я покачал головой, – я ведь все-таки свой. Зачем сразу убивать-то? Хоть поговорили бы!

– Ну так они не сразу, – Катя покачала головой, – поговорить пытались. Неумело – это правда, не нужно было заходить от родителей. А потом они получили доказательства, что ты с нами сотрудничаешь. Что деньги от нас принял.

Пока до меня доходил смысл сказанного, Катя остановилась возле единственной оставшейся кирпичной стены какого-то разрушенного строения. Судя по всему, развалинам было лет сорок-пятьдесят. По крайней мере, на месте бывшего фундамента успели прорасти довольно крепкие деревца.

– Вот и пришли, – вздохнула она.

– Как-то не впечатляет... – пробормотал я.

– Подожди, ты еще главное не видел, – заговорщически улыбнулась Катя, и направилась налево от руин, на холм, по вершине которого шел сетчатый забор. Оттуда, сверху, я раз-

глядел, что у стен разрушенного здания находятся полузасыпанные вентиляционные трубы, какие бывают возле бомбоубежищ. Нашелся и вход – ловко замаскированный разросшейся и высохшей травой.

Она уверенно спустилась ко входу, что-то нажала на двери, послышался короткий металлический лязг, и железная дверь, покрытая облупившейся зеленой краской, распахнулась. Из темного подземелья пахнуло затхлостью и плесенью. А еще откуда-то из темноты донесся подозрительный писк, наводящий на мысли о крысах. Меня передернуло.

– Ну же! – подбодрила Катя, потом извлекла откуда-то из кармана куртки крохотный светодиодный фонарик; белый луч разрезал плотный мрак, высветив влажные, покрытие какой-то слизию и плесенью стены, – смелее!

– Я никуда не пойду, – неожиданно для себя самого произнес я.

Катя обернулась, и посмотрела на меня. Кажется, в искреннем удивлении.

– Почему? – спросила она.

– Ты еще спрашиваешь? – вопросом ответил я, – после того, что только что сказала?

– А, ты об этом! – она покачала головой, – ну не глупи же. Помнишь, что я говорила о доверии? Самое главное для этого – не врать. Вот я и сказала тебе правду. Ты недоволен?

– Не люблю, когда меня используют, – сказал я, так же тихо, – еще и кичатся этим потом.

– Гриш, – вздохнула, Катя, – никто тебя не использует. Если хочешь – оставайся. Мы не будем тебя ни к чему принуждать. Я уже говорила – наша организация работает на иных принципах. Не так, как государственные службы. Наверно, поэтому мы и можем с ними успешно конкурировать, не имея таких ресурсов. Но вот что я тебе скажу. Сейчас тебя точно убьют. Даже разбираться не будут. Найдут способ, как обойти защиту тюрвинга. Но вот если бы ты дал им возможность себя уболтать, когда они позвонили – все было бы куда интереснее. Не помню, я говорила, как они обеспечили гарантированную лояльность своего видящего? Его заразили особым вирусом, на основе генома ВИЧ. Если раз в месяц не принимать таблетку – умираешь за день, в страшных мучениях. Естественно, рецепт таблетки в строжайшем секрете. Прием только под контролем, чтобы ни молекулы нельзя было сохранить для дальнейшего анализа. Тебе бы очень понравилась жизнь на таком коротком поводке?

Я вздохнул. Подумал секунду. А потом последовал за Катей в затхлое подземелье.

Мы довольно долго спускались по влажной, склизкой лестнице. Отчетливо пахло канализацией, но крыс, к счастью, видно не было. Должно быть, эти умные твари благополучно убежали подальше от яркого луча фонарика.

– Слушай, а по приятнее места нельзя было найти, а? Для убежища? – решил сказать где-то минут через сорок этого блуждания по подземелью; мне нужно было услышать свой голос. А то масса грунта наверху стала вдруг ощущаться почти физически.

– Гриша, это не убежище, – терпеливо пояснила Катя, продолжая уверенно идти вперед, – это – путь отхода. Нам повезло, что он оказался в зоне досягаемости.

– Ты знаешь их все? – спросил я, – или каждый раз как-то получаешь указания?

– Знаю, – кивнула Катя, – Москва – это моя зона ответственности.

– Значит, ты все-таки шишка, – улыбнулся я.

– Я – оперативник, – упрямо повторила Катя, – кстати, некоторые из схронов я обустроивала лично. Но не этот. Тут слишком сложно, пришлось привлекать специалистов.

Лестница закончилась, и начался длинный коридор со сводчатым низким потолком, с которого свисали то ли корни, то ли наслоения грязи и плесени. Под ногами неприятно хлюпало. А где-то не так далеко слышался шум воды. Большой воды, если быть точным. Коридор закончился ржавой дверью со штурвалом и кремальерой. Катя уверенно подошла к ней, но, вместо того, чтобы крутить штурвал пошарила на стене где-то справа, и дверь со звуком сработавшей пневматики стремительно отскочила куда-то внутрь стены.

– Впечатляет, да? – улыбнулась она, – любой специалист

потратил бы пару дней, пытаясь справиться с этой дверью. Даже направленный взрыв не особо помог бы.

– Круто, – кивнул я, и шагнул вслед за ней в гулкую черноту.

Помещение было таким огромным, что свет Катиного фонарика терялся, не достигая свода. Перед нами был огромный резервуар с водой, окаймленный ржавым железным помостом шириной в метр-полтора. На этот помост мы и вышли.

Вода в резервуаре, вопреки ожиданиям, была довольно прозрачной. Луч Катиного фонарика без труда пронзал ее толщу, и терялся в нагромождении каких-то ржавых конструкций на дне. Мне показалось, что там – среди каких-то труб, исполинских шестеренок и маховиков что-то двигалось. Но Катя отвела фонарик в сторону, чтобы посветить под ноги.

– Что это за место? – пораженно спросил я.

– Часть одного сверхсекретного проекта, – пояснила Катя; она повернулась к двери, что-то нажала на стене справа, и та, с таким же пневматическим звуком, встала на место. С этой стороны ее поверхность была совершенно однородной, никаких штурвалов. Она просто слилась со ржавой стеной.

Справа, метрах в десяти от входа, на узком помосте было закреплено два черных цилиндрических пластиковых контейнера, каждый диаметром около метра. Катя подошла к первому, присела, коснулась какой-то выпуклости на левом

торце – и контейнер раскололся на две части с легким щелчком. Потом послышался звук, с которым вытекает сжатый воздух из баллона. Однородная черная масса внутри контейнера вспучилась, и с легким плеском упала на воду. Несколько секунд – и рядом с нами, надёжно пришвартованная тонким черным концом к незаметной скобе у основания помоста, покачивалась на воде черная надувная лодка, по типу «Зодиака», только чуть меньше и тоньше.

– Неожиданно, – констатировал я, – мы что, грести будем теперь? Только вёсел что-то не видно...

Катя улыбнулась, и подошла к следующему цилиндру. Тот раскрылся таким же способом, как и первый, но внутри оказался небольшой лодочный электрический мотор, запас уже знакомых мне батарей, и четыре небольших походных рюкзака, плотно чем-то набитых.

– Помоги установить, – попросила Катя, – мотор довольно тяжелый, не хотелось бы его случайно утопить. Водолазного снаряжения тут нет, да и нырять в этих водах, прямо скажем, не рекомендуется.

Я молча взял мотор (не такой и тяжелый, кстати – килограммов десять максимум), и закрепил его в специальном пластиковом гнезде на корме лодки.

– Так понимаю, отсюда есть выход? – спросил я, пытаюсь разглядеть противоположную стену резервуара.

– Есть, конечно, – кивнула Катя, – кстати. Пока не забыла, – она покопалась в кармане одного из рюкзаков, и доста-

ла еще одну полевую аптечку. – Держи, – сказала она, протягивая пластиковую коробочку.

Я принял подарок, и уже собирался было убрать его в карман, но Катя меня остановила.

– Подожди! – сказала она, и достала свою аптечку, – нужно сделать укол радиопротектора. Это ампула с оранжевой маркировкой, – она извлекла цилиндрик с тонкой полоской ржавого цвета, – вот такой.

Показав мне ампулу, она приложила ее к своему горлу.

– Это еще зачем? – спросил я, открыв аптечку, и с сомнением разглядывая содержимое.

– Будем добираться через коллектор, который соединяет Борисовские пруды с Москва-рекой в обход Городни, – пояснила Катя, – через Сабурово.

– А, завод полиметаллов, – понимающе кивнул я.

– Ага, – согласилась Катя, – самая знаменитая радиоактивная помойка Москвы.

Я выбрал цилиндрик с оранжевой полоской, снял колпачок и, по примеру Кати, приложил его к горлу. Послышалось легкое шипение. Сама инъекция была практически неощутимой.

– В аптеке инструкции нет, – заметил я, – как-то неправильно это.

– Ну а зачем облегчать задачу тем, кто может стать ее случайным обладателем? – Катя пожалала плечами, – она все-таки рассчитана на боевую обстановку. Противнику ведь знать не

обязательно, как себе жизнь облегчить, например, обыскав труп, правильно? – она грустно усмехнулась. – Поэтому содержимое аптечки учат перед специальным курсом выживания для оперативников. И поэтому я не буду тебе пока озвучивать ее полное содержание – еще не хватало, чтобы ты что-то перепутал в экстремальной ситуации.

– Ясно, – кивнул я, – в целом разумно, но я бы запомнил. Владею мнемотехникой – изучил для себя. Удобно, чтобы пароли и коды запоминать. Так когда мы выдвигаемся? – спросил я, примеряясь, чтобы забраться в лодку.

– После заката, – ответила Катя, – так что сейчас имеет смысл поспать. Дорога будет долгой, а в лодке, еще и на ходу, сам понимаешь – спать никак нельзя, – она вздохнула, и добавила: – кстати, в рюкзаках есть неплохие спальники. И вообще, там подбор снаряжения на все случаи жизни: термостюмы, болотоходы, и прочее.

– Компактно, однако, – заметил я, распаковывая ближайший рюкзак.

– Высокие технологии в помощь, – улыбнулась Катя. – Спальник сверху, вот этот серебристый рулон, – указала она, посветив мне фонариком.

– Ага, спасибо.

Мы легли возле контейнеров, расстелив спальники прямо на ржавом железе. Катя выключила фонарик. Признаюсь, в темноте мне сразу стало очень не по себе. Казалось, будто стены резервуара начинают неслышно сжиматься, и нас вот-

вот затопит поднимающаяся вода.

– Катя... – сказал я, чтобы как-то развеять этот морок, – расскажи о своей организации. Как она называется?

Вообще-то, я оставлял этот разговор для более спокойной обстановки. Чтобы спокойно получить нужную информацию, вдумчиво проанализировать, и потом уже решать, как быть дальше. Но пока события развивались слишком быстро; решения приходилось принимать на ходу, а мне это не очень нравилось.

– Гриш, может, мы... – начала Катя, но я ее перебил.

– Мне не нравится, что я не знаю, на чьей я стороне, – вздохнул я, – и дело даже не в том эпизоде с деньгами, нет. Я должен понимать, для чего вот прямо сейчас я пытаюсь выжить. Может, оно того и не стоит. Понимаешь?

– Не очень, – произнесла Катя с сомнением в голосе, – ты выживаешь, потому что хочешь жить. Это инстинкт. И это правильно.

Я глубоко вздохнул.

– Ты не понимаешь, – сказал я, – конечно, я хочу жить. Но ведь теперь такие дела творятся... самолет этот... а что, если я сам того не ведая буду способствовать какому-то злу? Понимаю, наивно звучит. Но для меня это важно.

– Я уважаю твою позицию, – сказала Катя, – не ожидала, если честно. Но тем лучше, наверное. То, что ты говоришь – оно очень правильно. Правда, понимают это не все. А те, кто понимают – не всегда вовремя.

Она сделала паузу, поерзала в своем мешке.

– Постараюсь рассказать тебе столько, сколько дозволено, – сказала она, – но давай сначала начну про себя. Хорошо?

– Наверно, так даже лучше, – ответил я, – понять, почему ты с ними.

– С нами, Гриша, – сказала она, – ты можешь размышлять, рефлексировать, принимать решения. Но пока мы вместе, привыкай мыслить, что ты – с нами.

Она снова вздохнула; я почувствовал, что она потянулась куда-то в сторону рюкзаков. Послышалась возня, потом звук открывающейся пластиковой крышки.

– Воду будешь? – спросила она.

– Конечно! – ответил я, и потянулся на звук рукой; в этот момент я заметил, что тьма вокруг вовсе не абсолютная. Мягкий, рассеянный зеленоватый свет исходил от воды.

Попив воды, я почувствовал, что голоден. Но спрашивать про еду, и тем более есть в этом месте мне совершенно не хотелось.

– Ты хотела про себя там что-то хотела, – сказал я, возвращая бутылку с водой.

– Про меня... – рассеяно произнесла Катя, – черт, как же соврать-то хочется! – Я не мог разглядеть, но почувствовал ее улыбку, – в контору пришла, если честно, за деньгами и возможностями. Я спортсменка. Биатлон. Даже медали на олимпиаде выигрывала. Потом эта допинговая война,

скандалы, подставы, и все прочее... в общем, мир большого спорта для меня закрылся. Федерация, к счастью, в беде не бросила – пристроила тренером в крутую школу, готовить достойную смену. А готовить детей сейчас начинают с трех лет. Представляешь? С трех! – она вздохнула, – вот, пришлось нарабатывать навыки педагога... но я не об этом сейчас. Когда на меня вышли, и сделали предложение – единственное, о чем я думала, это деньги и приключения. Возможность путешествовать. Крутые вещи, крутые возможности, вот это вот все. Понимаешь?

– Понимаю, Катя, – ответил я, – еще как понимаю. Я вот тоже был не согласен, чтобы понизить уровень своих потребностей. С этой проклятой ковидлой я много потерял.

– Я много приобрела, когда пришла в контору, – сказала Катя, – позитивная мотивация. Тогда я не думала о том, чтобы компенсировать какие-то потери. Хотя поначалу, признаюсь, тяжело было. Я же на оперативника сразу шла. А это тебе... хотя о чем я? – она вздохнула, – сам итак все понимаешь. В общем, в учебке было сложно. Очень. И первые задания, когда пришлось убивать... нет, какой все-таки хитрый у нас язык! – я услышал, как Катя заворочалась, устраиваясь поудобнее, – я сказала «пришлось». Это вроде как значит, что обстоятельства так сложились, и мне «пришлось». Но на самом деле все не так. Это был мой сознательный выбор. Плата за уровень.

– То есть для себя ты определилась – я право имею, и все

тут, – усмехнулся я.

– Вот только не надо мне Достоевщины тут! – ответила она, – в жизни все совсем не так. Достоевский писал, чтобы пощекотать нервы представителям высшего сословия. И это у него хорошо получалось. В реальной жизни все не так. Ты думаешь, я переживала как-то особенно? Да, первый раз было сложно, психологический барьер, давление воспитания, и все такое. У меня еще и мама довольно религиозная была... в общем, всего одно занятие с грамотным психологом – и все. Ни кошмары не мучают, ни проблем с мотивацией нет.

Она замолчала. Должно быть, собиралась с духом – ведь я так и не получил ответ на свой вопрос об организации. А, может, она намеренно завела разговор в эту скользкую степь, чтобы не углубляться слишком в те вещи, которые действительно важны.

– Кать, – сказал я, собравшись с духом.

– Да? – ответила она.

– Мне не очень понравилось то, что ты мне рассказала. Я не уверен, что смогу, как ты. Да что там, я совсем не уверен, что *хочу*, как ты.

– Ох, Гриша, Гриша, – вздохнула Катя, – тебе ведь никто и не предлагает становиться оперативником.

– Ты же понимаешь, что я могу выйти из игры в любой момент? Если решу, что пора? – спросил я.

– Понимаю, – сказала она, – и сразу говорю – всеми силами попытаюсь тебя остановить.

Я напряжился, оценивая угрозу. Интересно, видит ли она меня сейчас? Вполне возможно – какие-нибудь хитрые линзы... я осторожно, стараясь не производить никакого шума, полез за пазуху, и достал тюрвинг. Прикрыл его курткой так, чтобы заряды не светились, и прицелился туда, откуда доносился Катин голос.

– Нет, Гриша, ты не сделаешь этого, – спокойно сказала Катя, – и да, ты прав, я вижу в темноте. Мог бы просто спросить.

– Я уже попросил тебя рассказать об организации, – сказал я, убирая тюрвинг обратно в кобуру, – а ты мне только зубы заговариваешь.

– Я специально начала рассказ с самой неприглядной нашей стороны, – сказала Катя, – мне очень важно было посмотреть, как ты отреагируешь.

– На будущее – я не люблю, когда со мной играют.

– Со всеми нами играют, – ответила Катя, – в этом суть жизни. И чем больше у тебя власти, тем отчетливее понимаешь это. И знаешь, что?

– Что? – автоматически сказал я.

– Возможно, это не так уж плохо, – я почувствовал, что Катя улыбается, – тот, первый, которого я убила, – продолжила она, – он пытался поставить на поток в даркнете стафф с детской порнографией. И не только порнографией, он планировал кое-что похуже. К счастью, я успела вовремя, и одним движением руки спасла больше двадцати детских жиз-

ней. Это не считая тех ребяташек, которые были в руках его последователей, информацию о которых мы передали через интерпол. Их спасли. Всех.

Странно – я понимал, что она играет со мной. Сначала показала одну сторону своей жизни, потом – дала цельную картину. Известный прием. Но облегчение было почти физическим. Она не была отмороженным убийцей.

– И это была одна из самых невинных моих целей, – продолжала Катя, – остальные были куда хуже.

– Ясно, – сказал я сухо.

– Понял, да, для чего я это все рассказала?

– От частного к общему, – ответил я.

– Верно. От частного к общему. Я тоже сначала сомневалась в тех целях, которые контора декларировала. Но потом, раз за разом, задание за заданием, я убеждалась – в их словах не было ни грамма фальши. И это лучшая гарантия моей лояльности. А в будущем – и твоей тоже.

– Посмотрим, – заметил я, – так что там насчет целей? Так понимаю, мы подошли к самому главному?

– Верно, Гриша, – я опять почувствовал ее улыбку, – ты не перестаешь меня радовать. Самая глобальная цель у нас одна: выжить.

Я ухмыльнулся, забыв на секунду о том, что Катя меня видит.

– Нас, людей, уже семь с половиной ярдов. Это очень, очень много. Биосфера трещит по швам, все встроенные ме-

ханизмы, ограничивающие рост популяции, активированы. Отсюда и эпидемии, и нарастающая агрессия в обществе: поляризация мнений, насильственное разделение на два лагеря – и не так важно, по какому признаку. Только за последние десять лет мы три раза предотвращали ядерный апокалипсис. Первый раз – в две тысячи восьмом, когда США уверились в неотразимых качествах своей ПРО. Потом – в четырнадцатом, и еще раз – в прошлом году, едва успели остановить Китай. У них была уязвимость в системе управления ядерным оружием. И псих добрался до высокого поста...

Я молчал, переваривая информацию. Нет, у меня не было никаких сомнений, что Катя говорит правду. Я это чувствовал. Но мне, наверно, впервые в жизни стало по-настоящему страшно.

– Как думаешь, как долго у вас это будет получаться? – спросил я, чувствуя, как непривычно скрипуче звучит мой голос, – как долго вы сможете затыкать все дыры?

– Умница, Гриша, – в этот раз улыбку я не ощутил, но почувствовал кое-что другое. Непривычную нежность в ее голосе, – отличный вопрос. Нет, долго мы так не сможем. Даже у нас ресурсы ограничены. А с национальными правительствами и другими игроками договориться не удастся. Каждый уповает на «авось». Думаю, еще год-два мы продержимся. Едва ли больше.

– И какой же план? – спросил я.

– План? – Катя сделала вид, что не поняла.

– Как вы собираетесь обеспечить выживание?

– Есть только один шанс остановить деградацию системы, – ответила Катя, – нужно направить экспансию во вне. В космос. Но для этого есть непреодолимые препятствия.

– Что за... – я хотел спросить «что за препятствия», но в этот момент раздался звук тяжелого удара; металлическая стена резервуара загудела. От неожиданности я прикусил язык. Катя едва успела включить фонарик, как последовал второй удар, еще сильнее первого. Со стороны двери посыпалась ржавчина.

12

– В лодку, быстро, – скомандовала Катя, – рюкзаки захватить.

Я немедленно выполнил ее распоряжение. В лодке вибрация ощущалась не очень сильно, хотя волны поднялись так высоко, что грозили вот-вот начать перехлестывать через бортик.

– Ложись на дно. Закрой все светлые части тела курткой. Что бы ни случилось, не высывайся. Снаружи начинается закат – может, и прорвемся...

Я послушно лег на пахнущее резиной дно, и натянул на голову капюшон. Через секунду почувствовал легкую вибрацию от включенного электромотора, мы двинулись вперед. Раздался еще один мощный удар. Я всерьез начал опасаться,

что оглохну. Но удары внезапно прекратились, и на время снова вернулась тишина, нарушаемая только плеском потревоженной воды, и едва слышным гудением электромотора.

– Поняли, что дверь не самая обычная, – прокомментировала Катя, – сейчас взрывчаткой попробуют. Вовремя мы убрались – а то могло контузить. Сейчас держись! – сказала она громче, и вовремя: резиновое дно ухнуло куда-то вниз, чтобы через секунду больно ударить меня по рукам.

Сложно оценить, как быстро мы двигались: Катя выключила фонарик, а движение воздуха в затхлой влажной тьме создавало обманчивое ощущение сильного сквозняка. Но, когда, наконец, раздался взрыв, я понял, что мы успели пройти довольно большое расстояние. Несколько сотен метров – не меньше.

– Быстро учатся, – сказала Катя, – думала, хоть до ночи фора будет. Сейчас старайся не шевелиться, мы наружу выплываем!

Прежде, чем замереть на дне лодки, я успел заметить красные отсветы, играющие на влажных стенах узкого тоннеля. А потом я почувствовал, что мы оказались на открытом пространстве.

Сильнее всего я опасался, что нас уже ждали снаружи. Если наши преследователи оказались настолько прозорливыми, что смогли обнаружить вход в убежище, что им мешало найти из него выход? Но, должно быть, время работало на нас. Прочесывание местности и работа с архивами – это все

довольно долго. Как бы то ни было, мы успели проскочить.

Когда почувствовал, что мы начали замедляться, я осторожно пошевелился, и приподнял голову. Сходу сориентироваться не удалось, мы были слишком близко к высокому, поросшему жухлой травой и обильно присыпанному осенними листьями берегу. Прямо в центре берега зияла огромная, в человеческий рост, труба коллектора, забранная ржавой решеткой.

– Что смотришь? Приготовься, как подойдем ближе – хватайся за решетку, и тяни на себя. Я дам назад мотором, старайся удержаться ногами, не свались в воду! – скороговоркой проговорила Катя.

– Куда тянуть-то? – спросил я, – в какую сторону?

– На себя, сказала же! – прошипела Катя.

Лодка ткнулась носом в решетку, больше времени на расспросы не оставалось. Я обхватил ногами плотный резиновый борт, схватился за решетку поухватистее, и дернул на себя. Как раз в этот момент Катя переложила мотор, и лодка резко отскочила назад, как мячик. К моему удивлению, решетка легко поддалась: отрылась вправо с легким скрипом. Катя снова переключила режим мотора, и мы двинулись вперед, в плещущую темноту, отчетливо пованивающую канализацией.

Когда мы уже были внутри, Катя неожиданно остановила лодку.

– Решетку закрой, – сказала она, – так выиграем еще

несколько минут. А то и часов.

Я молча развернулся, и снова дернул решетку на себя. Та встала на место, как влитая. Снаружи полыхал закат при ясном небе: большая редкость для московской осени. Всего год назад в такую погоду я бы отправился на пробежку в парк, тогда будущее виделось таким ясным, а перспективы такими радужными... работай себе, прокачивай навыки, повышай уровень – и все будет в шоколаде. Покупка квартиры, казалось, была не за горами, и дальше – семья, дом, а, может, и свое дело? Кто знает, как оно могло бы сложиться? Я стиснул челюсти, и заставил себя смотреть вперед, в наступающую черноту.

Труба коллектора была очень длинной. По моим прикидкам, мы проплыли уже пару километров – и никаких боковых ответвлений, и, разумеется, никакой вентиляции. Дышать становилось все труднее. Вонь, влажность и мало кислорода. Кстати, интересно, куда он девается? Разве что бактерии пережигают. Их тут действительно много – вон, на стенах целые отложения, совсем как строматолиты, окаменевшие останки цианобактериальных матов, самых древних обитателей Земли... Про эти маты нам в отряде поисковиков рассказывал профессиональный археолог. Мы тогда нашли плиту необычную – думали, остаток бетона от ДЗОТа. Но все оказалось проще: ледник в палеолите принес кусок древней подложки материковой плиты, и ее использовали как часть естественного рельефа при создании укрепрайона. Только

теперь я сообразил, что довольно отчетливо вижу окружающее. Вода тут светилась изнутри – и куда более ярко, чем в коллекторе. Призрачное такое, зеленоватое свечение, от которого становилось не по себе.

– Кать? – тихо спросил я, – какого фи́га тут происходит? – я указал на воду.

– Не парься, – ответила Катя; несмотря на смысл сказанного, ее голос звучал напряженно, – радиопротектор будет действовать еще почти сутки. А протектор у нас очень хорош. Стоит, как самолет – но свою работу выполняет на ура. С таким мы бы даже в Чернобыле выжили.

– Ну, там довольно многие выжили, – я пожал плечами, – потом, правда, мучились малость...

– С нашим протектором мы бы выжили даже в четвертом энергоблоке во время аварии. Так понятнее?

– Да, – я кивнул и покачал головой, – извини. Сказывается нервотрепка постоянная. И потом: разве радиацию может быть видно? Почему вода светится?

– С физикой у тебя так себе, – вздохнула Катя.

– Смотря что понимать под физикой, – я улыбнулся, напряг бицепс и продемонстрировал ей. Мышцы было отчетливо видно даже под курткой.

– Это называется черенковское излучение, – сказала Катя, улыбнувшись; то, что она не стала язвить или грубить в ответ меня, конечно же, обрадовало, – скорость света в разных средах неодинакова. Гамма излучение выбивает из вещества

быстрые электроны. И скорость этих электронов может превышать фазовую скорость света в воде. Поэтому, когда они движутся, возникает нечто вроде ударной волны. Отсюда такой эффект.

– Стоп. Это значит, что вода радиоактивна? – спросил я.

– Донные отложения в коллекторе, – пояснила Катя, – мы сейчас проходим самый зараженный участок. Перед выходом на поверхность эффект постепенно сойдет на нет.

Так и случилось. Когда пахнуло свежим воздухом, призрачное тревожное свечение исчезло. Я еще никогда в жизни так не радовался скупым звездам, высыпающим на все еще подсвеченным градиентом заката неожиданно высокому небу.

Становилось прохладно. Я даже опасался заморозков. Долго сидеть в неподвижности, обдуваемым ветром в выстуженной резиновой лодке – так себе удовольствие.

– В рюкзаке – химические нательные грелки, и утепленные куртки, – словно услышав мои мысли, сказала Катя, – достань по комплекту, себе и мне. Хорошо?

Она все так же сидела возле двигателя. Руля у лодки не было – она управлялась поворотом самого винта. Я полез в рюкзаки и достал то, что она просила. Нательные грелки были мне знакомы по зимним вылазкам с поисковиками, но эти были какие-то особо продвинутые: тонкие, но с большой площадью.

– На сколько грелок хватит? – спросил я, протягивая комплект Кате.

– Часов на двенадцать, – ответила она, – сейчас не особо холодно. Реакция будет идти медленнее.

Внутренне. Значит, не замерзнем, даже сидя неподвижно.

– А долго нам плыть? – продолжал я, пристраивая на торсе грелку, и надевая поверх теплую куртку.

– Если не тормознут до МКАДа, то, надеюсь, часов двенадцать. В нашем деле непредсказуемость – серьезное преимущество. Вряд ли какому аналитику придет в голову, что мы будем достаточно наглыми для того, чтобы долго бегать по реке. Но посты могут выставить, на всякий случай.

Я мрачно улыбнулся, глядя на приближающуюся светящуюся гирлянду первого Бесединского моста.

13

В это раз нам повезло. Если посты и были – то нас они проворонили. Лодка шла удивительно тихо. Катя старалась держаться берега – и это было разумно: черной точке легко затеряться среди береговых кустов. Уже за Бесединскими мостами пару раз встретились груженные щебнем баржи, идущие встречным направлением. Я опасался, что кто-то из команды может полюбопытствовать, и подсветить нас прожектором – но, опять же, совершенно напрасно.

Когда очередная баржа прошла мимо, и бухтение ее двигателя растаяло за поворотом русла, над рекой стало удиви-

тельно тихо. Где-то вдалеке шумели автострады, но привычный ровный городской гул пропал. Только вода тихо плескала на носу ходкой лодки, да чуть гудел электромотор.

– Кать? – осторожно спросил я.

– Да, – ответила она, вглядываясь куда-то вдаль.

– Куда мы сейчас? В убежище? Или поменяем транспорт, и продолжим бега? Как долго это будет продолжаться? Нас ведь нагонят, в конце концов.

Она вздохнула, помолчала полминуты, потом все-таки ответила:

– Нет, мы не в убежище. Я решила сделать неожиданный ход. Понимаешь, ситуация очень уж нестандартная. Того, что случилось – быть никак не могло.

– Какой ход?

– Хочу проверить одну теорию, – она снова вздохнула, и взглянула на меня, – честно говоря, давно хотела. Но ты очень долго не находился, – она улыбнулась.

– Надеюсь, эта проверка не на плато Путорана будет? – спросил я.

– Нет, – Катя покачала головой, – слишком далеко. Да и не должно было там остаться ничего ценного.

– Кстати, что ты там искала? – спросил я, – на Плато?

– Следы. Как обычно – мы, простые люди, можем искать только косвенные следы, – Катя пожала плечами, – уверен, с тобой мы бы нашли намного больше. Вряд ли это представляло бы практическую ценность – но это было бы очень ин-

интересно для истории.

– И как? Следы нашлись?

– Нашлись, – кивнула Катя, – даже более чем нашлись... это плато – один большой след применения тектонического гравитационного оружия, судя по всему. Направленное локальное воздействие на кору. Мы уже можем опознать такие технологии, но пока даже не близки к пониманию, как оно на самом деле работает. Если ты не в курсе – все Плато – это один сплошной вулкан. Точнее, вулканическая провинция. Остатки тех вулканов называются траппы, и они...

– Я в курсе, – ответил я, – у нас один знакомый из отряда очень любил про свой поход на плато рассказывать. Значит, сейчас мы направляемся в место, где тебе тоже встретились подобные следы?

– Что-то вроде того, – согласилась Катя, – плюс моя чуйка.

– Чуйка? – переспросил я.

– Чуйка, чуйка, – Катя согласно закивала, – спасала меня не раз. Вот и теперь мне кажется – именно там есть нечто очень ценное. И я даже примерно предполагаю, что именно. Если оно действительно там – мы сможем без потерь выйти из сложившегося кризиса.

Я вздохнул. Помолчал минуту, сделав вид, что удовлетворился ответом. Потом все-же сказал:

– Кать...

– Да? – она сидела вполоборота, делая вид, что чем-то очень заинтересовалась на другом берегу.

– Как все-таки называется твоя организация? – спросил я, – ты не ответила в прошлый раз.

– Я думала, ты итак понял, – Катя неожиданно мягко улыбнулась, – у нее нет названия. И это – залог нашего успешного выживания. Очень сложно уничтожить то, для чего даже слова не придумали.

– А когда ты познакомишь меня со своими боссами? Ну, мы же должны как-то обговорить условия сотрудничества, там... другие важные вещи. Ты многое объяснила – но далеко не все.

– Гриша, Гриша... – вздохнула Катя.

– Гриша, Гриша, – подтвердил я, – уже двадцать три года, как Гриша.

– Жаль, что ты не принял предложение во время службы. Сейчас тебе было бы намного проще.

– Ты о чем? – насторожился я.

– Я про то, когда тебе предлагали поступать в Академию, – спокойно объяснила Катя, – тогда у тебя была какая-то оперативная подготовка. И ты бы не задавал странных вопросов.

– Ты про того чувака из контрразведки, что ли? – уточнил я, – который год пытался меня завербовать, на патриотической основе? Стоп! Как долго вы за мной на самом деле следили? – я почувствовал, что в лодке стало неожиданно холодно; куда холоднее даже, чем на глубине, под темной маслянистой водой.

– Да успокойся ты, – Катя небрежно махнула рукой, – мне

только час назад твоё полное досье сбросили. Как раз сейчас просматривала, – она показала на свои глаза; если приглядеться – можно было разобрать легкое мерцание на радужке. Продвинутые линзы. Круто, что сказать.

– Ясно, – кивнул я, – так когда будет нормальная встреча? И нормальный разговор?

– Гриша, – Катя снова мне улыбнулась, – я полномочна принимать любые решения, и обсуждать любые вопросы, касающиеся нашего сотрудничества. Если мы о чём-то договоримся – не сомневайся, так и будет. Или тебе нужна официальная бумажка с подписью? Что касается руководства. При нормальных обстоятельствах вы, конечно же, никогда не встретитесь. Это и называется глубокая конспирация.

– Ясно, – кивнул я, отвернувшись, и стал глядеть на набегающую темную воду.

– Кстати, пока не забыла, – сказала Катя, – твоих родителей пришлось эвакуировать. Они в безопасности, и ни в чём не нуждаются.

– Спасибо, – ответил я, – когда с ними можно будет связаться?

– Не раньше, чем разрешится этот кризис, – ответила Катя.

Я снова вернулся к наблюдению за водой. Но на душе у меня стало значительно легче.

В какой-то момент я, видимо, задремал, и проснулся от того, что Катя легонько толкала меня в плечо. Лодка лежала

в дрейфе с выключенным мотором.

– Что случилось? – спросил я шепотом, осмотревшись в поисках угрозы.

– Ничего, все в порядке, – ответила Катя, – благополучно прошли Коломну. Еще немного – и я поверю, что нам удалось уйти. На вот пока, нужно перекусить обязательно – неизвестно, когда потом представится возможность, – она протянула мне уже разогретый пластиковый пакет с приборами из комплекта знакомого мне рациона.

– Спасибо, – сказал я, принимая угощение. Я действительно был очень голоден.

Мы молча перекусили, потом Катя вернулась на корму, и включила двигатель. Лодка с легким плеском двинулась вперед.

– Слушай, может, я тебя сменю, а? – предложил я, – а ты поспишь пару часов?

– Нет, – Катя покачала головой, – ты путь не знаешь.

– Так можно же объяснить! – возразил я.

– Долго и ненадежно. А навигатора для тебя у меня нет. К тому же, я продержусь на стимуляторах – а вот тебе очень важно быть утром хоть как-то отдохнувшим. Нам потребуются все твои способности.

– Думаешь, так легко мне уснуть будет? – вздохнул я, – глядя на то, как ты работаешь?

– А ты на воду гляди, – улыбнулась Катя, – получилось один раз, получится и второй.

Я не нашелся, что ответить. И действительно стал глядеть на воду, в которой отражались россыпи скупых подмосковных звезд.

14

В следующий раз я проснулся, уже когда на востоке чуть брезжил рассвет. Большая и широкая река сменилась узеньким потоком, почти ручейком, на котором непонятно как помещалась лодка, умудряясь при этом не задеть поросшие камышом берега. Кругом была шуршащая падающими листьями непроходимая чаща.

– Где это мы? – спросил я, потягиваясь.

– Шатурский район, – ответила Катя, – речка Полиха. Уже прошли Цну... слушай, а займись завтраком, ладно? Я отрываться не хотела – скоро рассвет, а до места идти еще прилично.

– Конечно, – с готовностью кивнул я, подвигаясь к рюкзакам, – надо меня раньше разбудить было!

– Зачем? – улыбнулась Катя, – ты как раз вовремя.

Пока я разогревал завтрак, речушка вдруг сильно расширилась, и превратилась в одно из торфяных озер, в изобилии разбросанных по Шатурскому району. Катя продолжала уверенно править лодкой, не снижая скорости, и вскоре мы снова вернулись в русло реки, уже на противоположном берегу.

– То место, куда мы направляемся, – сказала Катя, скла-

дывая одной рукой мусор в контейнер из-под рациона, – находится прямо посреди деревеньки. Мы не можем никак его изолировать от внимания местных жителей, и это самая тонкая часть моего плана. Если ты обнаружишь то, что я ожидаю – это же смогут увидеть и все местные жители. Поэтому действовать надо будет быстро.

– Это я могу, – подтвердил я, и спросил: – а где мы возьмем инструмент для раскопа?

– Инструмент? – Катя недоуменно замигала.

– Ну, там лопаты хотя бы, – я пожал плечами, – хотя и металлодетектор, наверно, был бы не лишним. Та штука, которую я нашел в карьере – она казалась металлической.

– А, ты об этом, – ответила она, – думаю, делать раскопки необходимости не будет. Та штука, которая там должна находится – она или непосредственно на земле, или прямо в воздухе.

Я посмотрел на Катю. В рассветных сумерках выражение лица разобрать было сложно – но, похоже, она не шутила. Поэтому я просто вздохнул и промолчал.

Когда лодка ткнулась носом в густо поросший камышом берег, уже совсем рассвело. Утро вышло морозным; на жухлой траве блестел иней. Ночные заморозки – обычное дело для ясной погоды осенью.

Мы забрали рюкзаки, а лодку Катя решила оставить, как есть, вместе с электромотором. Сказала, что лишний груз нам совершенно ни к чему. «Вот повезет кому-то», – поду-

мал я.

Пройдя по тронутым морозам грунтовыми тропинкам между заборами участков, уступами спускающихся к речке, мы вышли на широкую деревенскую улицу. Впрочем, асфальтом тут тоже и не пахло, так что ночные заморозки оказались очень кстати. Иначе все ботинки давно были бы грязи.

Улица вела к невысокой аккуратной церквушке с синей крышей, и небольшому деревенскому погосту. Чуть левее погоста, в сторону речки, концентрическими кругами лежало несколько крупных валунов, практически полностью утопленных в грунт. Кое-где виднелись следы раскопов. Но самое интересное было в центре этого круга. Там, прямо в воздухе, сантиметрах в тридцати над почвой, висел плоский черный блин; довольно крупный – пара метров в диаметре. Его чернота не была абсолютной: он влажно поблескивал на утреннем солнце, словно был выкрашен глянцевой краской.

– Что это за место? – спросил я, – похоже на какое-то капище. Кстати, я говорил, что в Царицыно, где мы были – есть одно действующее? Как раз на курганах?

– Это мегалитический памятник, – ответила Катя, – древняя обсерватория. Очень вероятно, что культовое сооружение, так что ты прав. – Отвечая, она не переставала напряженно и пристально на меня глядеть, – скажи... ты видишь что-то еще? – наконец, спросила она.

– Эту черную штуковину? – я указал рукой на диск.

Катя посмотрела в указанном направлении. А потом, без

всякого предупреждения, как подкошенная упала на колени, и спрятала лицо в ладонях. Растерянно глядя на ее спину, я не сразу сообразил, что она рыдает.

Я растерянно всплеснул руками. Потом присел рядом с Катей, и аккуратно погладил ее по спине. Всклипы стали реже, потом вовсе прекратились. Она, не поднимая головы, сделала глубокий вдох. Потом выпрямилась, и посмотрела на меня. Мне кажется, ради такой улыбки, которую она мне подарила, мужчины должны быть готовы решительно на все: или полезть в огонь, или даже приготовить борщ.

– Ох, да что же это я, – Катя поднялась, отряхиваясь, – наверно, побочка от стимулятора.

– Тебе нужна помощь? – спросил я тревожно.

– Нет, все в порядке, – Катя покачала головой, – но нам надо скорее двигаться. Рюкзаки не забудь!

– Куда двигаться? – спросил я, и недоуменно заморгал.

– Туда! – Катя решительно указала на черный диск; я вздрогнул. – Знаю, мне тоже страшно, – продолжала она, – но это наш единственный шанс.

– Это что-то типо портала что ли? – спросил я.

– Древняя транспортная система, – ответила Катя, – другие видящие обнаруживали ее следы, и мы построили теоретическую модель, которая позволила вычислить критические точки входа. Мы знали, что здесь что-то должно быть – но у нас не было видящего, чтобы это что-то обнаружить.

– А другие организации? Правительство? Почему не об-

наружили?

– У них не было модели, – Катя с улыбкой пожала плечами, – но нам действительно пора. Вход нужно закрыть изнутри – тогда местные не смогут его обнаружить. Скорее, – она посмотрела куда-то в сторону церквушки. Там, подозрительно косясь в нашу сторону, ковыляла бабулька с двумя огромными сумками.

Катя решительно двинулась к висящему в воздухе диску. Мне ничего не оставалось делать, кроме как последовать за ней.

Я пошел первый. Совсе не потому, что Катя настаивала – просто мне это показалось правильным. Я ожидал чего угодно: плеска воды, дикого ускорения, как в фильмах показывают, или резкого перехода, когда хлоп: и ты уже в другом месте. Но внутри диска оказалась абсолютная чернота и тишина. Сердце неприятно зачастило, подкатывая к горлу. Прощиб холодный пот – когда я понял, что не могу найти дорогу обратно: сделав пару шагов, вытянув вперед руки, я не обнаружил совершенно ничего. «А что, если это ловушка? Что, если она этого и добивалась – запереть меня в этом черном нигде?» – стучала в голове постыдная паническая мысль. А потом, совсем рядом, послышался спокойный и веселый Катин голос:

– Ну вот, мы закрылись, – сказала она, – ты где?

Свет маленького светодиодного фонарика в Катиной руке показался мне спасительной путеводной звездой. Я облег-

ченно вздохнул.

– Эй! Ты чего? – обеспокоенно спросила Катя.

– Не люблю темноту и замкнутое пространство, – ответил я, – даже на лифтах стараюсь не ездить без необходимости.

Катя удивленно округлила глаза.

– Вот как, – сказала она немного растерянно, – ну да ладно. Это не замкнутое пространство. Вот увидишь, пошли! – она сделала приглашающий жест рукой.

Мы оказались в каком-то узком коридоре с серыми каменными стенами. Вниз уходили ступени, сделанные из такого же камня. Катя уверенно пошла по этим ступеням.

– Куда это мы перенеслись? – спросил я, – этот круг – он что-то вроде портала между измерениями, да?

Катя рассмеялась.

– Извини, – сказала она, успокаиваясь, – но ты пересмотрел кинофантастики. Или в игры переиграл. Игры с пространством – это технологии высшего порядка. И они не могут пережить сотни миллионов лет на автоматическом обслуживании. Нет, тут более надежная и простая система, построенная всего-то на оптической иллюзии.

– Ясно, – кивнул я, хотя на самом деле ясно совершенно не было, – так куда мы все-таки идем?

– Скоро увидишь, – Катя повернулась ко мне, и заговорщически подмигнула.

Спуск был довольно глубоким – мы шли больше часа. Узкий тоннель с лестницей привел нас внутрь такого же камен-

ного помещения цилиндрического сечения, напоминающего платформу метро глубокого залегания, только поменьше. Слева от нас, у самой стены стояло нечто, что я поначалу принял за обтекаемую голову какого-то жука – потому что поверхность этого предмета была сделана из материала, дающего разноцветные желто-зелено-синие блики, как хитин. Оно было ростом с человека, и походило на лежащий на боку гигантский снаряд, покрытый странными обтекаемыми выступами, немного похожими на крупную морскую гальку.

Катя уверенно направилась к этому предмету. Я, пожав плечами, последовал за ней.

– Встань здесь, – она указала на небольшую площадку, расположенную справа от «головы» предмета.

Я послушно занял указанное место. В этот момент часть борта объекта исчезла, открывая проход в просторный салон. В том, что это был именно салон не могло быть никаких сомнений – внутри были широкие, мягкие на вид кресла с высокими спинками, разделенные обтекаемыми белыми столиками. Там было даже что-то вроде иллюминаторов. Они засветились изнутри, и на них появилось черно-белое изображение, похожее на рентгеновское. На изображении было нагромождение линий, полостей, каких-то валунов. Внизу, под всем этим, находилось что-то вроде более-менее однородной плиты.

– Нравится? – улыбнулась Катя, – давай же, заходи! – она легонько толкнула меня в спину.

С облегчением опустив рюкзак на шершавый пол капсулы, я с наслаждением вытянулся в кресле. Проход внутрь исчез так же, как и появился – бесшумно и быстро. Я оглядел внутренности аппарата. Приглушенный желтоватый свет шел от потолка. Впереди салона было два круглых иллюминатора, силуэты которых снаружи я принял за глаза насекомого. Сейчас они были совершенно темными. Материал кресел напоминал дорогой мягкий пластик.

Обычно каждый вид транспорта имеет свой запах. Современные поезда пахнут железом, пластиком, новой обивкой и санитайзерами. Самолеты – стерильной сухостью, озоном и приятной химией, которой чистят салоны между рейсами, совсем чуть-чуть – авиационным керосином. А тут пахло едва уловимой затхлостью. Такой запах бывает в автомобилях, которые несколько лет простояли в гараже без движения.

Пока я оглядывался, капсула пришла в движение. Я почувствовал легкий толчок, черно-белый пейзаж за иллюминатором поплыл справа налево.

– Ну все, – сказал я, заворуженно глядя на мелькающие тени, – давай рассказывай уже: что это за штуковина, почему ты уверена в ее безопасности, и главное – куда и зачем мы направляемся?

– Хорошо, – кивнула Катя, – отчего ж не рассказать? Мы внутри аварийной капсулы транспортной системы инопланетной цивилизации, которая пыталась колонизировать наш мир около двухсот пятидесяти миллионов лет назад.

– Неожиданно, – вздохнул я, пытаюсь собраться с мыслями, – куда мы направляемся? Есть какое-то представление? И почему эта штукавина до сих пор работает? Я ведь правильно понимаю – колонизация не получилась? Почему они оставили все это? – я жестом указал на внутренности капсулы.

– Потому что это аварийная система с колоссальным запасом по самовосстановлению, – ответила Катя, – но, конечно же, не все участки уцелели. Просто среднерусской равнине повезло: тут кристаллическая плита мало изменилась. Вот тоннель и сохранился. А направляемся мы туда, куда и должен вести аварийный тоннель: к эвакуационному кораблю. И оставили они все это по одной простой и очевидной причине – их аванпост был уничтожен до того, как они смогли воспользоваться аварийной системой.

– Кто их уничтожил? – спросил я, – почему? Они ведь должны были оставить какие-то следы! Хотя, да... понятно.

– Мы не знаем, кто их уничтожил, – Катя пожала плечами, – но очень бы хотели это выяснить. А следы той битвы насколько обширны, что даже простые люди могут их легко обнаружить. Мы предполагаем, что их аванпост находился на плато Путорана. И против них было применено гравитационное оружие, буквально утопившее аванпост в лаве. Кстати, именно это событие привело к самому масштабному вымиранию в истории Земли.

– Ясно, – кивнул я, – а эти штуки, – я указал на иллю-

минаторы, где мелькающий монохромный пейзаж слился в сплошные серые линии, – это что-то вроде рентгена?

– Думаю, да, – ответила Катя, – плита внизу – это как раз и есть кристаллическая платформа, на границе которой проложен тоннель. Но ты же понимаешь – эту капсулу я вижу впервые, так же, как и ты. Раньше мы могли только строить теоретические догадки о ее свойствах и спецификациях.

– Теоретически? – спросил я, – для любой теории нужна база. Откуда вы ее брали?

– О, это самая интересная часть работы, – улыбнулась Катя, – множество свидетельств древних видящих осталось в виде письменных памятников. Махабхарата, Рамаяна, Пятикнижие... ты когда-нибудь пробовал их читать?

Я развел руками, и улыбнулся.

– По статистике, даже среди людей, которые считают себя верующими, Пятикнижие, или Ветхий Завет, действительно читали менее одного процента. А поняли написанное и того меньше. А там много интересного, поверь. Описание коммуникационных технологий, электричества, радиоактивности, реактивного движения. В общем, всего того, что современному человеку опознать было бы не трудно. К примеру, трагическая гибель сыновей Аарона – это ведь типичное нарушение правил техники безопасности при работе с высоковольтным оборудованием! В общем, когда мы много читаем – мы становимся своего рода видящими.

Помолчали. Я стал даже задремывать, когда почувство-

вал, что капсула начала замедляться.

– Приехали? – спросил я.

– Вероятно, – ответила Катя, напряженно вглядываясь в иллюминатор.

– Есть представление, куда нас привезли? – спросил я.

– Есть, – кивнула она, – с высокой степенью вероятности, я знаю, где мы. Поэтому одевайся как можно теплее. Не забудь грелку, еще остался комплект. И активируй сразу после того, как мы выйдем.

– Принял, – кивнул я, разбирая снаряжение из рюкзака.

Мы оказались в точно таком же цилиндрическом помещении, из которого отправлялись. Вход в тоннель загороживал сам аппарат, да, честно признаться, мне не очень-то и хотелось смотреть туда. Всю дорогу я был очень благодарен неведомым инженерам за рентгеновские иллюминаторы; без них мне было бы совсем не хорошо. Да, я хотел как можно скорее выбраться из подземелья. Поэтому поднимался по каменной лестнице, не обращая внимание на жару; в конце концов, термобелье из рюкзачного комплекта, и снаряжение оказались очень хорошими – без труда отводили лишнюю влагу.

Наконец, уже наверху, я шагнул в указанном Катей направлении. И тут же сбился с дыхания: кругом была жесткая снежная буря, а ветер чуть не сшиб меня с ног. Мы вышли прямо из какой-то гранитной скалы. Я с трудом прошел пару метров, и осмотрелся. Скала это была очень необыч-

ной: выщербленный гранит вздымался вертикально вверх, на высоту тридцати метров. Это была даже не скала, а столб. Приглядевшись, сквозь белое марево я смог разглядеть еще несколько таких же.

– Где мы? – прокричал я Кате сквозь бурю, – куда идти?

Вместо ответа она подошла ко мне, и указала наверх. Там, прямо на ближайшем столбе, зависла огромная обтекаемая тень. Не нужно было быть специалистом, чтобы опознать летающий аппарат. А еще ближайший столб вдруг неожиданно раскололся, обнажив ярко освещенную нишу, внутри которой стоял готовый к движению подъемник.

Часть II

Космонавт

1

Где-то месяц меня обследовали. Кажется, если бы медикам позволили разобрать меня на мелкие кусочки, чтобы изучить под микроскопом – они бы с удовольствием это сделали. Даже не имея никакой возможности собрать меня обратно. На одни только анализы ушли литры крови. И не только крови, если быть совсем честным. О процедуре сдачи некоторых жидкостей я до сих пор вспоминаю, краснея.

Подкопаться было не к чему: по всему выходило, что я совершенно, до отвращения здоров. Одна докторша, не за-

помнил ее имени – сухая и строгая дама лет пятидесяти – даже выговорила мне, что, мол, это невозможно среди современной молодежи, и что меня надо вывести на чистую воду. До сих пор не понимаю: это было ее специфическое чувство юмора, или она действительно так думала.

Потом еще месяц меня обкалывали разными прививками, и следили за реакцией моей иммунной системы. Реакция зачастую была, прямо скажем, куда более бурной, чем бы мне хотелось. Два раза поднималась температура до тридцати девяти, и один раз резко упало давление, так что я попал в палату интенсивной терапии на целые сутки. Удивительно, но даже после таких приключений вердикт, вынесенный специальной комиссией, был однозначен: годен.

Хотя один умник озвучил мнение, что у меня избыточная мышечная масса, и мне следует прописать комплекс диеты и специальных упражнений, направленный на ее снижение. От того, чтобы услышать в свой адрес в полном объеме то, что я о нем думаю, его спасло только присутствие уважаемых дам.

Это его замечание было вдвойне обидным, потому что я, в отличие от очень многих в фитнесе – натурал. То есть, не сижу на гормональных курсах. Просто мне очень повезло с генетикой, так редко, но все же бывает. Поэтому всякие особые мнения насчет моих физических кондиций, заработанных честным потом и головой, способны довести меня до белого каления.

Тренироваться мне, конечно, никто не запретил. Диету

тоже позволили контролировать самому. Мне по-прежнему немного не хватало полноценного зала, но тут дело было, скорее, в клиентах. Я скучал по ним; следить за прогрессом человека, который тебе доверился, особенно получать позитивную обратную связь – это ведь тоже кайф.

Наверно, я был хорошим тренером, раз так думаю. Был – потому что моя жизнь изменилась бесповоротно. Странно, насколько легко я принял этот факт, ведь все мои планы и мечты полетели к чертям. Наверно, будь у меня время остановиться, и немного подумать – мне стало бы грустно. Но мне этого времени не давали. С того самого дня, когда мы с Катей устроили глобальный кризис, который чуть не привел к уничтожению человечества – у меня не было ни одной свободной минуты.

Весь двадцатый век оба существовавших в то время видящих пытались найти самый главный и самый ценный артефакт, который теоретически мог существовать – космический летательный аппарат в хорошем сохране. Особое внимание уделялось как раз периоду в конце Перми, когда была единственная серьезная и масштабная попытка колонизации Земли. И кое-что мои предшественники действительно находили: останки эвакуационного челнока во льду Антарктиды, части корпуса, маневровые двигатели и фрагменты навигационной аппаратуры на Алтае. Даже эти жалкие следы позволили сильно продвинуться в космической программе: создать первую, примитивную защиту от космической ради-

ации, и подобрать нужные комбинации высокоимпульсного топлива. А еще изучение челноков позволило определить, что для перемещения в пространстве те использовали плазменные двигатели на термоядерном реакторе. Получение хотя бы действующей принципиальной схемы такого двигателя с примерной спецификацией материалов позволило бы сильно продвинуться в космических программах, и обеспечить реальную перспективу освоения Солнечной системы. Но найденные останки были в слишком плохом состоянии для этого.

Обнаруженный нами челнок оказался способен предоставить все эти технологии, практически, в готовом для копирования виде.

Катя говорила, что, если бы я обнаружил его, находясь на службе властей какой-нибудь из стран, ядерный конфликт был бы, практически, неизбежен. Ведь тогда враг был бы известен; было бы понятно – куда бить. Все координаты промышленных центров и военных объектов давно были занесены в память боеголовок, и все, что оставалось, это ввести коды запуска. Именно глубокая законспирированность организации позволила сохранить первоначальный баланс, и создать условия для начала переговоров.

Эти переговоры продолжались больше двенадцати часов, и в них участвовали первые лица государств и организации, которые хоть что-то из себя представляли в мировом раскладе сил. Но тогда я об этом не знал; тогда я как мальчишка

шарился по челноку, с восторгом разглядывая разные крутые штуковины, вроде голографических дисплеев, или дисперсного душа, предназначенного для невесомости. Я даже, взгромоздившись в кресло пилота, хотел поднять челнок в воздух, но Катя меня вовремя остановила. Взлетели бы мы без проблем: на борту был продвинутый автопилот, а интерфейс управления был интуитивно понятен, даже без знания языка. Но вот с возвращением обратно возникли бы проблемы. Земля сильно изменилась за четверть миллиарда лет. В памяти компьютера просто не было современных карт, и он бы автоматически перешел в ручной режим управления во время спуска.

А еще у Кати потрясающая интуиция. После того случая, когда нас пытались убить самолетом, она совершенно адекватно просчитала ситуацию. За нас взялись всерьез, и очень скоро достали бы, несмотря ни на какие тюрвинги, и поддержку организации. Тогда она сделала самую главную ставку в своей жизни. Конечно же, она была прежде на плато Маньпупунёр, и видела столбы выветривания. Все пробы и анализы однозначно указывали, что эти столбы – естественное образование. И так оно, в общем-то, и было. Они образовались естественным образом, по мере разрушения скалистого плато, на котором находилась эвакуационная площадка. Вот только автоматика челнока не давала разрушить часть породы, которая находилась непосредственно под опорами. Она защищала их от ледника, вероятно, с помощью мощных

электромагнитных полей. Поэтому и возникли эти причудливые истуканы, культовое место среди аборигенов. Катя догадалась, что здесь может скрываться что-то очень большое. Вроде уцелевшего космического челнока сгинувшей цивилизации.

Однако же, в ее плане было одно слабое место: одно дело обнаружить челнок, и совсем другое – им завладеть. Каким-то образом, нам удалось и первое, и второе. И вот как раз второе обстоятельство до сих пор является огромной загадкой. Катя говорит, анализ записей с ее линз показывает, что челнок отреагировал именно на мое присутствие. Из-за этого меня и подвергли всестороннему медицинскому исследованию. Хотя у этого обследования и последующей вакцинации была и другая цель. Меня собираются запустить в космос.

Впрочем, я немного вперед забегаю. Чтобы понять, как так произошло – нужно вернуться к общему соглашению, которого удалось добиться в тот день, когда мы попали на челнок.

Когда мир висел на волоске, а я беззаботно любовался чужими высокими технологиями, шла отчаянная торговля. Среди лидеров, принимающих решения на самом высоком уровне, нет неадекватных людей; в том, что мир находится на пороге грандиозного цивилизационного кризиса, отдавали себе отчет все. Вот только до момента обнаружения челнока подходы к разрешению этого кризиса у каждого были

разные. Кто-то думал, что апокалипсис неизбежен, и нужно готовиться к возрождению будущей цивилизации, оставляя семена знаний для дальнейшего развития. Кто-то надеялся выиграть за счет уничтожения соседей. А кто-то, вроде нашей организации, продолжал делать почти безнадежную ставку на внешнюю экспансию. Почти безнадежную – потому что основные игроки прекрасно просчитали, что технологии банально не успевают за потребностями. И даже начало колонизации Марса было бы каплей в море, которая никак не отразилась бы на земных проблемах.

Появление новых доступных технологий космических путешествий изменило все. Крупнейшие игроки, уже готовые вот-вот вцепиться друг другу в глотки, согласились с тем, что ситуацию можно стабилизировать на некоторое время, пускай это и грозило еще более худшим кризисом в будущем. Очень уж заманчивым выглядел выигрыш.

Организации тоже пришлось пойти на большие уступки. И самая главная уступка – это, собственно говоря, я сам. На время до окончания первой исследовательской пилотируемой экспедиции я стал достоянием всего человечества. Негласным достоянием, конечно же. Подготовка к экспедиции велась в обстановке строжайшей тайне, что было совсем не просто, учитывая количество участвующих сторон. Почему именно я? Вот тут как раз все просто: я единственный известный на планете видящий, а ученые имели все основания полагать, что в космосе мне будет на что посмотреть.

Речь, разумеется, о тех вещах, которые другие люди увидеть не смогут.

Лететь на инопланетном челноке, разумеется, было нельзя, несмотря на отличный сохрaн. Во-первых, не было уверенности в том, что силовая установка после изучения земными специалистами заработает как надо. А во-вторых, и в главных – не было никакой возможности перепрограммировать бортовую систему управления под современные астрономические реалии. Если с копированием фундаментальных технологий проблем особых не возникло, тем более что ученые вплотную подошлись к аналогичным решениям, и дело было только в правильной конфигурации электромагнитных полей, то для изучения и освоения чужих информационных систем требовались десятилетия работы.

Именно информационные системы, основанные на квантовых цепочках памяти, позволили кораблю сохранить рабочее состояние даже спустя двести пятьдесят миллионов лет. Катя мне рассказывала, что ученые организации смогли выяснить, что вся структура корабля содержится в памяти с четырехкратным резервированием и с высокочастотным контролем несанкционированных изменений в изолированной криокамере, охлажденной почти до абсолютного нуля. Все оборудование и внутренняя отделка челнока непрерывно проверялась на соответствие электронному эталону наноботами, и, при необходимости, чинилось прямо на месте.

Не то, чтобы мне интересно было во все это вникать – про-

сто Катя рассказывала об этом с таким энтузиазмом, что мне неудобно было ее прерывать. Приходилось вникать в суть дела, и, улыбаясь, кивать в нужных местах.

Впрочем, моя подготовка как начинающего космонавта включала продвинутый экспресс-курс физики и математики. Международная комиссия, созданная для организации полета, сочла это совершенно необходимым. Так что приходилось капитально напрягать мозги. Но, кажется, мне это даже начинало нравиться.

2

Прототип корабля, на базе которого собирали наш аппарат, уже несколько лет находился на орбите. Точнее, даже два прототипа, российский и китайский. Разумеется, широкой общественности об этом известно не было – правительства были на грани сворачивания обеих программ; ресурсов не хватало, а отказ от масштабной космической экспансии мог негативно сказаться на патриотизме, что было совершенно некстати, учитывая крайне напряженную международную обстановку.

Технологии, полученные благодаря найденному челноку, позволили в очень короткие сроки собрать действующий аппарат, с использованием обоих орбитальных заделов. Плазменный двигатель предназначался только для межпланетных перелетов. Это значило, что до орбиты экспедиции при-

дется добираться традиционным путем. Поэтому, помимо всего прочего, мне предстояло пройти полную программу космической подготовки. И вот, после всех медицинских тестов, было получено добро на первую тренировку в условиях перегрузок.

Я знал, что со мной полетят еще двое космонавтов. Однако, нас до сих пор не познакомили. Мне было известно только, что подбирали их на основании тестов психологической совместимости, а подготовку они проходили в национальных космических центрах. Еще я знал, что один из них – китаец, а другой – гражданин США. Насчет национальной принадлежности членов экспедиции шла отчаянная борьба, но, по словам Кати, все определили личности кандидатов и детали их биографии.

Все эти два месяца я жил на территории Звездного Городка в Подмосковье. Мне выделили комнату в историческом здании, где, говорят, были расквартированы на время подготовки первые отряды космонавтов. Это была кирпичная семиэтажная «коробка» со скрипучими, обшитыми «под дерево» лифтами, длинными коридорами с ковровыми дорожками, и наивно-примитивными панно на стенах, где обыгрывалась разная околосмическая тематика.

На этаже я жил один. Никакой негласной охраны, соглядатаев или даже камер наблюдения заметно не было, и это создавало приятно-расслабляющее ощущение свободы.

Этажом ниже жили медики, связисты и другой персонал,

который, как я понял, был временно прикомандирован в городок, специально для организации моей подготовки. Общаться нам никто не запрещал – но контакты как-то не складывались. По утрам за завтраком обменивались дежурными приветствиями, и только. Пару раз я пытался завести неформальное знакомство в спортивном зале, но это неизменно заканчивалось каким-то напрягом, и чувством взаимной неловкости.

По вечерам, когда у меня было немного свободного времени, я возвращался в свою комнату, и думал по дороге: а для чего это вообще мне все надо? Почему я так легко согласился на все условия? Ведь меня сторговали просто как какой-то товар. Чем я обязан организации? Ну, кроме того факта, что они, похоже, и правда спасли мою шкуру, когда действовало решение о моей ликвидации. И защитили родителей... может, в этом дело? Я боялся, что, если начну проявлять свою волю – они сразу же надавят на мою единственную болевую точку? Но у меня по-прежнему есть мой тюрвинг. Кстати, то, что он будет со мной все время, и даже отправится на орбиту, было условием, которое выдвинула организация. И это условие вызвало больше всего споров... странно это все.

Размышляя таким образом, я каждый раз приходил к выводу, что хитроумные манипуляции, призванные заставить меня действовать в чужих интересах, конечно же, есть. И от меня много чего скрывают. Почти наверняка настоящая цель

будущей экспедиции – вовсе не случайный поиск неких артефактов, и не тестирование нового двигателя. Меня, скорее всего, используют втемную. Но я по-прежнему покладисто делаю то, что необходимо. Просто потому, что мне самому интересно – что там, наверху? Чужой корабль сильно на меня подействовал. Прикосновение к тайне пробуждает жажду знаний.

Удивительно, но такие размышления на тему кто кого хитрее очень помогли мне уснуть. Особенно в первые дни, когда вокруг было очень много нового. Вот и теперь, подумав о космосе и судьбах мира, я провалился в крепкий и здоровый сон. А когда проснулся, меня ждал сюрприз. Катя сидела на стуле возле моей кровати, и с улыбкой смотрела мне в глаза. Я смущенно перевернулся на бок, гадая – давно ли она здесь? И сильно ли было заметно то, что обычно происходит по утрам у здоровых молодых парней?

3

– Привет, Гриша! – сказала она веселым голосом, – рада тебя видеть!

– Тебе было бы приятно, если бы я зашел к тебе в раздевалку или в душ без спроса? – сказал я вместо приветствия.

– Не знаю, – улыбнулась Катя, – может быть.

– Да что с тобой такое? – я, в конце концов, перестал смущаться, откинул одеяло, и сел на кровати, – на будущее:

я требую, чтобы ты хотя бы стучалась, когда заходишь ко мне в комнату.

– Извини, – она сыграла смущение, – я думала, ты обрадуешься.

– Куда ты исчезла? – продолжал я, размышляя, стоит ли вставать, и идти в санузел, как ни в чем не бывало? Утренний вопрос был все еще актуален, но, наверно, она и рассчитывала на мое смущение. Забавляется. А я не хотел доставлять ей такое удовольствие, – месяц никакой связи. Месяц! Я уж подумывал, не сбежать ли мне нафиг.

Решив, что стыдно не тогда, когда видно, а когда показать нечего, я уверенно встал с кровати, и направился в санузел, захватив по дороге чистое полотенце из шкафа.

– Это маленький мир, – спокойно ответила Катя, не вставая со стула, – и у меня были дела.

– А сейчас, значит, дела закончились? – спросил я, готовясь включить душ.

– Сейчас появилось важное дело тут.

– Да ты что... – тихо произнес я, и встал под тугие теплые струи.

Душ всегда действовал на меня умиротворяюще. Когда я вышел через десять минут, одетый в казенный белый халат, Катя все еще сидела на стуле.

– И что же за дело появилось у тебя тут? – спросил я, вздохнув.

– Сегодня ты первый раз пойдешь на центрифугу. Пом-

нишь? – сказала она.

– Помню, – кивнул я, – и что такого? Когда меня после той прививки вырубил, ты так и не появилась! А я, между прочим, ждал – кто мне в больничку передачу принесет!

– У тебя специальная диета была на сутки, – Катя пожалала плечами, – какой смысл в передаче, если ее все равно нельзя есть?

– Внимание, – ответил я, – просто, чтобы показать простое человеческое внимание.

– Ну вот, я здесь, как видишь, – она развела руками, – в нужный момент. Чтобы показать свое внимание.

– Ладно, – кивнул я, – проехали. Так в чем на самом деле дело?

– Я же сказала, – ответила Катя, – у тебя сегодня центрифуга. Я подумала, что должна быть рядом. И давай одевайся уже, а то итак опаздываем.

Я открыл дверцу шкафа, и, скинув халат, начал одеваться. От первоначального смущения не осталось и следа.

– Послушай, – сказал я, натягивая рабочий комбинезон, – давно хотел спросить. Каждый раз почему-то забывал.

– Слушаю тебя, Гриша, – ответила Катя, вздохнув.

– То существо, – начал я, – ну, из леса. У которого я тюрвинг нашел. Что с ним? И кто это? Что он там делал?

Катя еще раз вздохнула, но промолчала, глядя на меня большими и честными глазами. До того, как мы вышли из здания, она не проронила ни слова.

– У нас три минуты, – заговорила она, когда мы отошли от корпуса метров на пятьдесят, – тут слепая зона, нас не прослушивают. И на будущее: никогда не забывай, что ты под колпаком. Каждое слово, каждый взгляд и жест, все записывается. Согласно договоренности, тот пришелец достался России. Достоверной информации о нем у нас нет, только предположения. Да это и не так важно. А теперь слушай внимательно: если почувствуешь что-то необычное – что угодно, немедленно останавливай испытание. Аварийный маяк вмонтирован в рукоятку под правой перчаткой. Тебе могут «забыть» о нем сказать во время инструктажа. Но помни – я рядом, и я прослежу, чтобы все сработало корректно.

– На меня могут покушаться? – спросил я шепотом.

– Не в этом дело, – ответила Катя. – Просто будь готов к любым неожиданностям. Все, теперь тихо, выходим из зоны.

Я промолчал.

– В общем, старт по плану через пару недель, – сказал Катя вслух, совершенно другим тоном, – думаю, ты будешь готов. Не пренебрегай теорией, слушай инструкторов.

– Само собой, – ответил я, подыгрывая.

– Вот и отлично, – кивнула Катя, – я останусь до конца теста. Потом вместе позавтракаем.

– Ты не завтракала? – спросил я, изобразив возмущение.

– Так же, как и ты, – кивнула Катя, – но тебе нельзя, а я просто не успела. Самолет сел в Чкаловском, тут рукой подать – но полет задержался минут на тридцать. Встречный

ветер. Стихия, что поделать.

Так, разговаривая, мы дошли до корпуса с центрифугой. В стеклянных дверях нас уже ждали: пара врачей – кураторов, начальник установки, и руководитель центра подготовки космонавтов. С нами вежливо поздоровались, после чего меня позвали на инструктаж.

В течение следующего часа меня облачили в специальный противоперегрузочный костюм, полностью аналогичный тому, который будет использован при реальном старте. Интересная штукавина, этот костюм: по сути, сетка из сообщающихся гидравлических трубок, в которые при необходимости под давлением подается раствор. Когда это происходит, костюм начинает давить в нужных местах, не давая крови повреждать периферические сосуды, и слишком сильно скапливаться в точках соприкосновения с поверхностями.

Вопреки Катиным опасениям, мне рассказали всё о системе аварийной остановки, и объяснили, как себя вести, если почувствую, что теряю сознание. Предупредили только, что инерция центрифуги не позволит остановиться мгновенно; и даже после аварийной остановки она несколько минут будет сбрасывать обороты, прежде чем у врачей появится доступ к испытуемому. То есть, ко мне.

Сама центрифуга впечатляла. Меня, в полном облачении, облепленного датчиками так, что я чувствовал себя новогодней ёлкой в украшениях, провели на посадочный мостик. Он находился на уровне третьего этажа. Было что-то неземное

в огромной толстенной мачте, на которой была закреплена кабина, хотя сама установка была предназначена только для имитации условий полета.

– Впечатляет, да? – спросил один из техников, который контролировал работу телеметрии, седоусый мужик лет пятидесяти, – я вот до сих пор восхищаюсь.

Медик, который пришел на мостик вместе с нами, строго посмотрел на него, и мужик, смутившись, отвел взгляд.

– Конечно, – ответил я, – крутая штукавина. А где сам мотор? Какая тут передача? Редуктор внизу, да?

– Нет, – обрадовавшись моим вопросам, снова заговорил техник, – мачта закреплена непосредственно на роторе. Прямой привод. А сам движок – это еще два этажа вниз, под землю. Вот морока была, когда его монтировали!

– Могу себе представить...

Медик распахнул гермодверь кабины, и сделал приглашающий жест. Я двинулся вперед. Кабина показалась мне ужасающе маленькой, почти детской. Внутри был жесткий ложемент-кресло, похожий на металлическую ванночку. Сопровождающие помогли мне занять правильную позу, подключили все разъемы на костюме. Потом врач показал большой палец, и вопросительно указал на люк. Я кивнул, и показал большой палец в ответ.

Крышка люка опустилась. Изнутри она показалась мне удивительно массивной, как у батискафа. Я обнаружил, что едва могу шевелить конечностями, настолько плотно приле-

гал костюм к стенкам испытательной камеры. «Тесно, как в гробу», – совершенно ни к месту подумал я.

– Тут жарковато, – сказал я, – можно как-то вентиляцию наладить? – мой голос звучал как-то жалко, и совсем не убедительно.

«А что, если эту дверь заклинит? – меня донимали непрошенные мысли, – меня смогут выпилить отсюда? А если нет? Вон, дверь вплотную к ногам прилегает...»

Усилием воли, я заставил себя не думать.

«Старт через тридцать секунд, – раздался в шлемофоне механический голос; я даже не смог определить, кто именно говорит, – кислородная система, и система охлаждения заработают на старте. Начинаю обратный отсчет. Двадцать... девятнадцать... восемнадцать...»

«Значит, сейчас кислород не поступает?» – я почувствовал, как сердце зачастило, и стало тяжело дышать. «А что, если дыхательная система не заработает? А центрифугу остановить не успеют? Я же задохнусь!»

Не обращая внимание на отсчет, я попробовал слегка пошевелиться, просто чтобы убедиться, что по-прежнему контролирую свое тело. Но тут послышался низкий гул, проникающий вглубь, до самых костей. Меня ощутимо вдавило в кресло.

Почему-то включение машины меня успокоило. Да, перегрузки росли, да на грудь давило все сильнее – но это как раз и значило, что все идет нормально, так, как надо.

– Два же, – раздалось в шлемофоне, – Григорий, как себя чувствуете?

– Нормально, – ответил я, стараясь, чтобы голос звучал солиднее, – терпимо вполне.

– Идем до трех, и для первого прогона будет достаточно, – продолжал голос, – если будут изменения в состоянии – сообщайте.

– Принял, – ответил я, и попытался рефлекторно кивнуть; это у меня не очень получилось – не только из-за тяжести, очень мешала накладка системы связи.

На трех же приходилось прилагать заметные усилия, чтобы вдохнуть. Но чувствовал я себя вполне нормально. Даже в глазах не темнело – хотя меня предупреждали о таком эффекте.

По ощущениям, это продолжалось всего пару минут (хотя на самом деле четверть часа, это я потом уточнил), я даже толком не успел устать от одной и той же позы. На помосте в сопровождении врачей и техников меня встречала Катя. Вид у нее был довольно взволнованный, и она не особенно это скрывала. Увидев меня, она с явным облегчением улыбнулась.

– Ну все, переодевайтесь – на сегодня мы закончили. Дальнейшую программу скорректируем после анализа данных телеметрии, – сказал руководитель центра подготовки, седой крепкий мужик, ростом под метр девяносто, – от себя добавлю: держались вы молодцом. Мы ожидали худших ре-

зультатов. Возможно, из вас действительно получится приличный космонавт.

– Спасибо, – кивнул в ответ я и, недоуменно посмотрев на Катю, отправился в раздевалку.

Она встретила меня в холле. Мы молча направились в сторону жилого корпуса. Разумеется, без сопровождающих.

– Так, что это было? – первым спросил я, когда, по моим прикидкам, мы отошли на достаточное расстояние.

– Тюрвинг с тобой? – вместо ответа, спросила Катя. Я хотел в ответ огрызнуться, но она произнесла это таким тоном, что я не стал.

– Естественно, – кивнул я, – как договаривались, я даже в туалет с ним хожу. Могу сказать еще раз спасибо ребятам, которые набедренную кобуру соорудили. Дико удобная штука.

– И в центрифуге он тоже с тобой был?

– Ты меня за идиота держишь? – все-же вспыхнул я.

– Извини, – спокойно ответила Катя, – но я должна быть совершенно уверена.

– Он все время со мной. Я понимаю ставки. И я хочу жить.

– Гриша, ты в очередной раз молодец, – из ее голоса вдруг ушло напряжение, и она снова мне улыбнулась, – сегодня был очень, очень важный день.

– Слушай, хватит вокруг да около! Достало уже, вот правда. Что случилось-то? Думаю, после твоего визита весь мой сегодняшний день будут по секундам анализировать, гадая,

в чем дело!

– Помнишь, ты как-то обмолвился, что не очень лифты любишь? – спросила Катя.

– Ну, – кивнул я, – не люблю. И что?

– У нас были основания полагать, что у тебя скрыто развивается клаустрофобия. И это могло выплыть именно сегодня, на испытании. Это само по себе поставило бы под угрозу все договоренности, но даже не это было самое страшное.

Я промолчал, осмысливая сказанное.

– Самое страшное – это твой тюрвинг, – продолжала Катя, – сегодня мне пришлось принести это, – она распахнула полы своего пальто, и продемонстрировала что-то вроде широкого серебристого пояса.

– Что за штукавина? – спросил я, заинтересованно, – не опасно ее здесь показывать?

– Все в курсе, – ответила Катя, – просто так я бы его на территорию не пронесла. Это фризера. Он бы помог спасти нас всех, если бы твой тюрвинг вдруг решил, что тебе грозит смертельная опасность.

– Да с чего бы... – начал я, но Катя перебила.

– Во время настоящего приступа фобии, – сказала она, – человеку кажется, что он на самом деле умирает. Мы не знали, как на это может отреагировать артефакт такой мощности, как твой тюрвинг.

– А просто поговорить со мной было нельзя? – спросил я, – зачем огород городить?

– Это могло спровоцировать приступ, – ответила Катя, – по данным наших психотерапевтов шанс на первую паническую атаку вырос бы процентов на двести.

– Ну вы, блин, клоуны, – я покачал головой, и двинулся дальше.

– Это еще не все, Гриша, – вздохнув, сказала Катя, – очень часто разные фобии – это следствия психических травм, полученных в детстве. Ты знал, что твои родители – не родные?

– Приемные, что ли? – спросил я.

– Вероятно, – кивнула Катя, – мы с ними еще не обсуждали эту тему. Но факт в том, что по генетическому анализу ты не можешь их быть сыном.

– Я и есть их сын, – ответил я раздраженно, – и чхать я хотел на гены. И на чебурашки тоже.

– Гриша... – Катя остановилась, и растерянно заморгала глазами, – ты точно понял, что я сейчас сказала?

– Что я – приемный. И что?

– Ну... тебя это никак?... не трогает?

Я устало вздохнул.

– Слушай, у тебя что, других дел нет? – спросил я, – может, заняться пора? Почему это должно меня трогать?

– Ну... обычно это бывает потрясением для человека – узнать, что у него есть другие родители... – пробормотала Катя; выглядела она по-настоящему растеряно, и даже жалко.

– Да нет у меня других родителей, – терпеливо, как непо-

нятливому ребенку объяснил я, – откуда им взяться? То, что меня могла родить какая-то девчонка, и потом отказаться от меня в роддоме – вовсе не делает ее моей матерью.

Катя продолжала растерянно хлопать глазами.

– И что – тебе было бы не интересно с ней познакомиться? – спросила она через секунду.

– Не очень, – я пожал плечами, – что бы это дало, кроме взаимной неловкости, и ложного чувства вины? Я вырос в хорошей семье. У меня есть отец и мать. Я их очень люблю. И они меня тоже. Это – реальность. Что может это изменить? То, что я родился не так, как думал вначале?

– Это... очень... необычно, – пробормотала Катя.

– Ну послушай, – снова вздохнул я, – в детстве у меня был пёс. Родители купили его, когда мне было всего четыре. Дობерман, я его Боссом назвал. Так вот – он был самой близкой для меня душой в этой вселенной! А ведь он даже не человек, а вообще существо другого биологического вида. Разве это хоть что-то меняет?

– Я... Я не знаю! – Катя смущенно пожала плечами, – я правда не знаю, что сказать.

– Вся эта важность кровного потомства – это ведь наследие биологической системы, где мы живем, – сказал я, – это не наше, личное. Это требования биосферы, передать часть генов. Ты же понимаешь, что твой ребенок – это будет совсем не ты, даже не близко! У него будет половина других генов. А это значит, что его генетический код уже будет уни-

кален! Да, чем-то похож на твой – но совершенно уникален! То же самое – у каждого человека. Кроме однойцевых близнецов, наверное. Близость вот здесь, – я показал на голову, – и вот здесь, – я показал на сердце, – разве не важнее того абстрактного кода, на котором все это работает? И вообще, – я огляделся, и заметил, как в нашу сторону идут двое в зимней военной форме, – мы слишком долго на месте стоим. Внимание привлекаем.

Катя посмотрела в ту же сторону. Её глаза расширились; она побледнела, потом рванулась вперед, закрывая меня своим телом. Те двое вдруг резко ускорились, доставая на бегу какое-то оружие. Я рефлекторно потянулся к набедренной кобуре, но Катя успела выкрикнуть:

– Не вздумай трогать тюрвинг!

И мир изменился.

4.

Позже, анализируя этот случай, я понял, что мое внимание изначально привлекла какая-то неправильность движений этой пары. Вроде бы они шли как обычно – но то ли амплитуда шагов, то ли сами движения были какие-то неестественные. Как будто марионетку дергали за ниточки. А их бег выглядел и вовсе пугающе: они стелились вдоль земли, почти не подскакивая, только вытягивая далеко-далеко вперед нижние конечности. Язык не поворачивается назвать их

ногами.

Когда Катя встала передо мной, свет вдруг сильно изменил оттенок. Все кругом стало красным, как в старой фотолаборатории. И воздух стал густым, как кисель. Я вдыхал медленно и натужно, но при этом каких-то симптомов кислородного голодания не испытывал.

Существа, бегущие в нашу сторону, сильно замедлились; ни дать, ни взять мухи, застрявшие в смоле. На конце повернутых в нашу сторону стволов их оружия вдруг начало быстро расти какое-то черное облако.

Катя осторожно дернула меня за рукав, потянув за собой. Она почему-то шла быстрым шагом, не переходя на бег. Меня это удивило, и я попытался рвануть вперед, увлекая ее за собой, но тут же вынужден был остановиться, вскрикнув от боли. Щеки и открытые части тела будто окатило огнем; было больно. Парка, которая была на мне, задымилась, а мех на капюшоне – обуглился.

Я осторожно поднял руки. Потом попробовал махнуть левой рукой – и тут же почувствовал жжение. Раскалялся сам воздух, как от сильного трения на большой скорости.

Тем временем, черное облако, состоящее из странной маслянистой субстанции, продолжало приближаться к нам – причем куда быстрее, чем получалось идти у нас. Но с линии поражения выйти мы все-же успели. А потом, вопреки моим ожиданиям, Катя направилась вовсе не в укрытие. Она уверенно пошла в сторону странных пришельцев.

Когда мы подошли к ним вплотную, мир вдруг вернулся к нормальности: свет снова стал обычным, а воздух перестал напоминать кисель по консистенции и больше не обжигался.

Раньше, чем я успел моргнуть, Катя вырвала оружие из рук обоих нападавших. Один из них вскрикнул, и схватился за кисть. Второй, видимо, держал оружие не настолько крепко.

Эти двое походили на странные пародии на людей. Такие рисовали в старых фантастических журналах. Вроде бы все на месте: глаза, брови, нос, рот – но все это совершенно не человеческое. Глаза – с широкими птичьими зрачками, брови похожи на перья, губы покрыты серыми чешуйками. И уши... эти уши мне кое-то отчетливо напомнили. Я представил себе, как могли бы выглядеть эти глубоко вдавленные основанием в кость хрящевые наросты на голом черепе. Похоже, эти ребята – родственники того парня, у которого после смерти я отнял тюрвинг.

Я на пару секунд впал в ступор, сделав это открытие. Но Катя свое дело знала: ловко заломив конечность первому нападавшему за спину, она свободной рукой направила ствол пистолета, который как по волшебству появился в ее руке, на второго.

– А теперь спокойно, – сказала она, – нам многое есть, что обсудить. Идем медленно и осторожно.

Тот, на кого она навела ствол, не сдвинулся с места, продолжая пристально смотреть на Катю, не мигая, своими

круглыми птичьими глазами.

– Вы не понимаете, – вдруг сказал тот, кому заломили руку, – отдайте нам уют. Нам нужнее!

– Вот об этом давайте и поговорим, в более подходящем месте, – улыбнулась Катя.

А в следующую секунду череп говорившего взорвался густыми брызгами темно-красной, почти черной крови.

Тот пришелец, в которого целилась Катя, выстрелил от бедра, сквозь одежду. Она среагировала быстро, и почти смогла перехватить его руку с оружием. Но он все-таки успел направить выстрел себе прямо в грудь. Крови было очень много.

5

– Это твоя штука сделала? – спросил я, – этот фризер?

– Да, – кивнула Катя, – очень редкий артефакт. Не такой редкий, как твой тюрвинг, конечно. Но тоже очень ценный.

– Он, типо, время замедляет, что ли?

– Вроде того, – Катя пожала плечами, – если не учитывать нюансы, то так и есть.

Про нюансы я решил вопросов не задавать. Мне почему-то совсем не хотелось знать, в чем именно они заключались.

– Куда мы едем? – спросил я, снимая пахнущую дымом, обугленную парку.

Катя бросила трупы пришельцев прямо посреди дорожки, проигнорировав просьбы набежавшей охраны остановиться. На КПП ее тоже никто не задержал, и мы с ходу нырнули в салон ее «Ауди».

– В аэропорт, – ответила она, – тут рядом есть один. «Чкаловский» называется.

– Знаю, – кивнул я, – но, кажется, он ведь только для военных. Разве нет?

– Все мы сегодня военные, – как-то слишком серьезно ответила Катя.

Домчали мы на удивление быстро. Пробки были какие-то жиденькие для этого района Подмосковья. Да и Катя нарушала, не задумываясь.

КПП проскочили даже не останавливаясь – массивные железные ворота открылись заранее. Как будто бы нас тут ждали.

Катя выехала прямо на перрон. Кроме нескольких старых Тушек, и пары Ил-76, у въезда на рулѐжку стоял совсем уж неожиданный в этих местах гость: Боинг-747, причем явно модифицированный под какие-то специальные задачи: фюзеляж был совсем коротким, а ближе к хвосту – странное утолщение. На киле надпись: NASA.

Возле трапа нас ждали трое в синих утепленных комбинезонах, с многочисленными нашивками.

– Может, объяснишь, что происходит? – спросил я.

– Позже, – не оборачиваясь, бросила Катя, – как взлетим.

– Хоть скажешь, куда мы? – не особо рассчитывая на ответ, бросил я.

– В воздух, – ответила она, показав указательным пальцем на небо.

Мы подошли к трапу.

– Привет, Пол, – она по-английски поздоровалась с одним из встречающих, плотным лысым мужиком лет сорока, – горячее взяли, как договаривались? Нам нужно часов на шесть, чтобы с запасом.

– Привет, Наташа, – ответил он, – взяли. Хотя я не уверен, что моя птичка хочет кормиться этим русским пойлом. Но выхода не было, заправщики могут быть здесь сильно позже.

– Ты как был шовинистом, так и остался, – ответила Катя, – кстати, это Гриша, – она указала на меня.

– О, – кивнул Пол, – Гриша, значит. Рад познакомиться, молодой человек.

– Ладно, хватит разговоров, – вмешалась Катя, – время на секунды идет, стартуем!

Пол нехотя повернулся к нам спиной, и пошел вверх по трапу.

– Я не шовинист, – бормотал он, не оборачиваясь, – просто русских не люблю. А за что их любить, вот скажи пожалуйста?

– Признайся, ты нас просто боишься, – засмеялась Катя.

Пол задохнулся от возмущения, но промолчал.

Вопреки ожиданиям, салон производил впечатление

крайней тесноты. Очень уж много приборов там было написано. Какие-то гудящие шкафы, старинного вида айтишные стойки. И довольно много народу – сидят, склонившись над своими мониторами, и что-то сосредоточенно мониторят.

Катя и Пол провели меня на второй этаж. Там был небольшой пассажирский салон, как в обычных самолетах. Едва мы оказались на месте, как я почувствовал, что самолет напряг двигатели, и мы двинулись с места.

Несколько минут выруливали на взлётную полосу, потом – резкий взлет, с тангажом под сорок градусов. Для меня это было неожиданно, учитывая спешку, я опасался нештатной ситуации, но Катя и Пол сохраняли полное спокойствие. И я решил, что все идет как надо.

Наконец, самолет выровнялся. Видимо, мы набрали эшелон. За иллюминатором чернело небо, а внизу стелились плотные облака.

– Кать... – первым сказал я, отстегиваясь, – я, конечно, научился тебе доверять. Но мы взлетели. Не думаешь, что пора мне все объяснить?

– Что он сказал? – вмешался Пол, – что, новые требования? Что ему надо?

– Помолчи, Пол, – ответила она по-английски, – не твое дело. Не вмешивайся, – после чего продолжила, уже обращаясь ко мне.

– Гриша, у этих ребят, которые на нас напали, большая группа поддержки на орбите. Они уже давно там, мы это вы-

числили по косвенным признакам. Но не были до конца уверены. И, как ты понимаешь, без твоей помощи увидеть их мы никак не можем. Чем они и пользуются.

– Кто они? – спросил я, – друзья того бойца, которого я нашел?

– Друзья – не друзья, но соплеменники, – ответила Катя, – нам кое-что известно об их цивилизации, по древним источникам. Эти ребята – мелкие стервятники. Прилипали к космосу. Рыщут по обитаемым планетам в поисках высших технологий или информации. Тем и живут. Мы сталкивались с ними раньше. Не напрямую, конечно – а тогда, когда самые ценные артефакты пропадали буквально у нас из-под носа. Теперь, благодаря тебе, у нас есть уникальный шанс их, наконец, прищучить.

– Мы... я, то есть, – сказал я ошеломленно, – полечу прямо сейчас? Вы отправляете меня в космос?

– Нет, Гриша, – Катя улыбнулась, и покачала головой, – этот самолет – огромный телескоп. Через него ты сможешь разглядеть на орбите то, что мы ищем. И сделать это видимым для нас.

Какое-то время я недоуменно хлопал глазами. А потом сообразил:

– Ты поэтому приехала? Дело было вовсе не в какой-то там клаустрофобии, или моих родителях? Ты ожидала нападения?

– Гриша, мы ожидали его с того момента, как ты нашел

турвинг, – терпеливо пояснила Катя, – а Пол, и его экипаж дежурят тут с момента, как ты начал космическую подготовку. Так что нет, я действительно приехала, потому что волновалась насчет твоей клаустрофобии. И потому, что хотела поговорить с тобой насчет родителей. Рано или поздно, ты бы об этом узнал – и в наших интересах было, чтобы ты об этом узнал раньше. И от меня. Потому что это еще не конец разговора, и мы вернемся к нему позже.

Как раз в тот момент, когда Катя закончила говорить, по трапу в салон поднялся молодой человек, в таком же комбинезоне, какой был на Поле.

– Все готово, шеф, – сказал он, обращаясь к своему начальнику, – выход на первую точку через пять минут.

Телескоп показался мне огромным. Все-таки удивительно, как его впихнули в самолет – даже такой большой, как Боинг-747. Но что самое удивительное – вся эта громадина заканчивалась самым обычным окуляром, с резиновым ободком, установленном на месте оператора. Когда мы вошли в отсек, Пол жестом указал на кузее операторское кресло, и сделал мне приглашающий жест. Я посмотрел на Катю; та кивнула.

– Органы управления не трогайте, – предупредил Пол, – без специальной подготовки можете повредить оборудование. Если изображение будет не в фокусе – просто сообщите об этом, мы поменяем настройки. Но это вряд ли понадобится, аппарат настроен на ваш глаз.

Я кивнул.

– То, что мы ищем, может выглядеть как угодно, – продолжал Пол, – поэтому сразу сообщайте нам, если увидите в секторе любой орбитальный объект.

– Ясно, – сказал я, опускаясь в кучее, но довольно удобное кресло, обшитое черным кожаном.

То, о чем говорил Пол, я увидел сразу. Шипастый золотистый кристалл, плывущий среди черноты. Размер оценить было сложно – рядом просто не было никаких объектов для сравнения, но выглядел он довольно внушительно. Даже не знаю, откуда возникало такое впечатление: возможно, из-за многочисленных мелких деталей, назначение которых угадать было невозможно, которыми были покрыты грани «кристалла».

– Вижу какую-то штуковину, похожую на кристалл, – спокойно сказал я, – прямо по центру поля.

Пол и Катя переглянулись; он скомандовал что-то неразборчивое, и на одной из стен операторской включился большой ЖК-экран. На него транслировалось то самое изображение, которое я наблюдал в окуляре.

– Ах ты сукин сын... – пробормотал Пол; выглядел он довольно забавно – глаза вытаращены, челюсть отвисла. Даже остатки волос на лысеющей макушке, казалось, задорно приподнялись.

– Я говорила, осложнений быть не должно, – улыбнулась Катя, и подмигнула мне.

Пол безо всякого предупреждения сгреб Катю, прижал к себе и расцеловал.

А потом на борту началась жуткая суета: все куда-то разом побежали, сорвавшись с мест, кто-то кому-то совал бумаги на подпись, кто-то очень громко говорил по телефону. Это продолжалось минуты три. После чего все замерли, неотрывно глядя на экран.

Некоторое время не происходило вообще ничего. Только упругий ветер продолжал шуметь за бортом, да грохотали двигатели на крыльях. А потом в поле зрения телескопа попали три крошечные точки с огненными хвостами. На таком расстоянии они казались крошечными, не больше булавки – и совсем не выглядели зловеще. Они летели прямо на «кристалл». Тот, похоже, пытался уклониться от встречи, и начал разворот. При этом не было никаких признаков того, что на объекте включились ракетные движки: ни холодных реактивных струй, ни пламени. И где вообще у этой странной конструкции могли быть двигатели?

В следующую секунду экран затопило море пламени. На какое-то время экран стал белым. Потом почернел, и расплылся цветными кругами. Когда изображение вернулось в норму, на месте «кристалла» плыл рой светящихся красным обломков. Я пораженно молчал, глядя на их зловещее мельтешение.

Ко мне подошел Пол, взял за плечи, посмотрел в глаза, и обнял. Так же, не говоря ни слова, он отошел в сторону.

– Гриш, пойдём в салон, – сказала Катя, и взяла меня под локоть, – тебе нужно отдохнуть. Самолет будет в воздухе еще пару часов, мы взяли слишком много горючего. Его надо выработать. Не хочешь поспать? У тебя был насыщенный день.

Я поплелся за ней наверх, в салон, по дороге пытаюсь хоть как-то привести мысли и чувства в порядок. И мне это почти удалось, когда мы добрались до места.

– Кать... скажи мне, если я что-то не понимаю, – решил-ся спросить я, глядя на черное небо в иллюминаторе, – мы только что уничтожили корабль неземной цивилизации. Все верно?

Она угрюмо посмотрела на меня.

6

У меня никогда не было близких друзей. Это странно, потому что я совсем не считал себя нелюдимым – напротив, любил большие компании. Часто бывал в числе заводил на разных движухах, еще со школы. Да и потом, сложно работать тренером, если не любишь людей. Но факт: друзья почему-то не находились. Возможно, дело было в моих представлениях о дружбе. Я ожидал слишком многого от человека, которому мог бы довериться. А идеальных людей не бывает. Да что там – по правде говоря, не бывает даже тех, кто сколько-нибудь был бы приближен к идеалу.

И сейчас моими душевными метаниями мне не с кем бы-

ло поделиться. А метания были, и еще какие! Днем мне приходилось делать вид, что все нормально, я продолжал подготовку, тренировался и ходил на занятия. Но по ночам мне частенько являлось то существо, и все повторяло свои последние слова: «Вы не понимаете... нам нужнее!» Почему его напарник так поступил? И почему он рискнул обратиться к нам напрямую? Как-то это не очень вязалось с нарисованной Катей картиной «космических стервятников», которые обдирали старые, полные артефактов миры до нитки.

Она все ссылалась на древние расшифрованные источники, писания, и опыт других видящих. И я очень хотел ей верить. Но меня что-то грызло изнутри, и потихоньку я начал сам собирать информацию. В центре подготовки была отличная библиотека, да и в гугле меня никто не забанил.

Мы как раз изучали на математике моделирование на основе вероятностных конструкций, и я примерно прикинул распределение данных среди всех доступных видящих, вместе с полунамеками в древних источниках. По всему выходило, что не могло быть ни у Кати, ни у ее руководства никакой достаточно подробной информации об этой цивилизации, чтобы принять такое стремительное решение об уничтожении чужого корабля.

Напрашивался неизбежный вывод: несмотря на настойчивое, и даже назойливое стремление убедить меня в собственной абсолютной искренности, от меня по-прежнему что-то скрывали.

Катя теперь была рядом почти постоянно. Приходила ко мне по утрам, мы завтракали, болтали обо всяких мелочах. Потом я шел на занятия и тренировки. Чем занималась она в это время – ума не приложу. Не удивлюсь, если сидела за камерами, и наблюдала за мной.

Вот и теперь, утром, я услышал уже привычный стук в дверь. После моей настойчивой просьбы, она больше не заходила в мою комнату без спроса.

– Открыто! – крикнул я.

– Я сегодня пораньше, – не здороваясь, сказала Катя, – у меня для тебя сюрприз.

Я настороженно поднял бровь.

– Не волнуйся, сюрприз приятный. Правда! Тебе понравится! – улыбнулась она.

Я кивнул, пожал плечами, и продолжил одеваться.

– Не очень ты сегодня разговорчивый, – настороженно сказала Катя, – с чего бы? Боишься тренировки в бассейне?

– Да с чего бы! – возразил я.

– Ну и отлично.

Когда мы спустились, до завтрака оставалось еще добрых полчаса, и Катя повела меня куда-то в сторону парковки у главного корпуса. И да – сюрприз получился на славу. Я даже глаза протер, когда узнал свой старый «Ниссан». Даже номера не поменяли!

– Ну ты даешь... – сказал я, не сдерживая улыбку.

– Нравится?

– Ты же знаешь, наверное – это для меня больше, чем первая машина. Это – все мои надежды на новую жизнь!

– Знаю, – кивнула Катя, – раньше бы сделала, но долго не могли найти сына мордоворота, который у тебя ее выкупил. Потом пришлось потратить время, чтобы вытащить его из сизо в Иркутске... а, ладно! – она махнула рукой, – ничего не значащие детали. Главное – ты сам-то доволен?

– Спасибо, Катя, – сказал я искренне.

– Держи ключи, – она протянула мне прозрачный полиэтиленовый пакетик с ключами, – там оба. Машина обслужена, и полностью заправлена. И сегодня вечером ты можешь прокатиться в город.

– С чего это вдруг такая щедрость... – подозрительно про-
бормотал я.

Катя вздохнула, повернулась ко мне, опустила руки мне на плечи, и посмотрела в глаза.

– Гриш, – сказала она, – не думай, что я ничего не замечаю. После того кризиса со стервятниками ты изменился.

Я опустил глаза.

– Наверно, это просто стало последней каплей, – она пожала плечами, – на тебя столько всего свалилось... мне было гораздо проще. Я вникала во все это постепенно, небольшими дозами. И у меня не было подозрений, что моя кукуха того...

– Спасибо за понимание, – выдавил я.

– По-хорошему, тебя бы психологу показать, – она поло-

жила мне палец на губы, не давая возразить, – но почему-то мне кажется, лучше тебе дать с этим справиться самому. Вернись к прежней жизни. Хотя бы на один вечер.

Я всем нутром чувствовал какой-то подвох, но никак не мог сообразить в чем дело. А потом вдруг до меня дошло. Все ее поведение сегодня, эти полу-обнимашки, пальчики на губах. Подчеркнуто женственное поведение.

– Кать... – начал я, вздохнув, но она не дала мне закончить.

– Ты извини меня, – перебила она, – я ведь должна была помнить, кто ты. Парень, молодой совсем, красивый, на спорте. И взаперти. И камеры даже в душе. Из девушек вокруг – только холоднящие и запуганные начальством врачихи.

Я округлил глаза, и покраснел.

– Ну, ты же не хочешь сказать, что не догадался? – делано удивилась она, – я ведь говорила о тотальной слежке. Это неизбежное условие большой сделки...

Я помолчал полминуты, восстанавливая душевное равновесие. В одном Катя была точно права: после всего пережитого я научился очень быстро брать себя в руки. Контролировать эмоции. Еще полгода назад в такой ситуации я бы точно вспыллил, и наговорил бы всяких глупостей, но теперь у меня появился другой план. Дождавшись, пока в моих жилах потечет холодная, как жидкий кислород, кровь, я начал:

– Кать, а давай мы сделаем по-другому, – сказал я, – это

вам обойдется дороже, чем моя тачка, но ты уже показала наглядно, что ресурсы не проблема.

– Не могу обещать все, что угодно, Гриш, – она подозрительно прищурилась, – но сделаю все, что в моих силах.

– Я хочу навестить родителей, – сказал я.

Судя по тому, как взлетели ее брови, Катя удивилась вполне искренне.

– Неожиданно, – сказала она; потом вздохнула, потерла щеки, и ответила: – но вполне возможно.

– Мы несколько месяцев не виделись, – постарался объяснить я, – для нас это необычная ситуация. А телефонные звонки, к тому же те, которые прослушивают – это все-таки совсем не то, согласишься.

– Согласна, – кивнула Катя, – что ж. Если ты точно уверен – постараюсь до вечера что-нибудь организовать. Но сразу предупреждаю: времени будет не много. Мы не можем сорвать программу подготовки!

– Хоть так, – согласился я, – лучше, чем ничего.

7

Подумать только. Она всерьез посчитала, что я страдаю острым сперматоксикозом. И поэтому приуныл. А гибель звездолета неведомой цивилизации – это так, мелочь, которую я должен был проглотить на завтрак, не поперхнувшись. С огромным трудом сдерживаемая ярость потихоньку про-

сачивалась наружу в течение всего дня. Я делал рискованные маневры на тренировке в бассейне; пару раз едва не упустил инструмент. Был близок к тому, чтобы нахамить врачихе. Но постепенно, стравливая пар тонкими струйками, я вернулся в нормальное расположение духа. Возможно, это было не так уж и плохо. Ее промах говорит о том, что они совершенно меня не знают, хотя изучили вдоль и поперек мою биографию, и послужной список.

Любое знание – это преимущество. И я, и Катя все-же понимали, почему я на самом деле во всей этой истории до сих пор был пассивным наблюдателем. Моя покладистость гарантировала безопасность единственным близким мне людям, моим родителям. Конечно, вслух это никогда не производилось, но я совершенно уверен – стоило мне лишь чуть взбрыкнуть – и в ход пошли бы любые средства. Но формально я был свободным человеком, а это состояние, даже фальшивое, дорогого стоило. Я был достаточно умен, чтобы не делать глупостей.

Но чем дальше заходила вся эта история, тем больше гарантий мне хотелось. Телефонная связь – это, конечно, хорошо. Но при возможностях современной аппаратуры подделать голос – не проблема. К тому же, мне совершенно не понравился ее выпад насчет генетического теста. Этот скользкий разговор о том, что я будто бы приемный ребенок мог означать осторожную подводку к тому, что, на самом деле, мои родители погибли.

Как бы то ни было, у нее есть время до вечера, чтобы или придумать для меня другую болевую точку, чтобы держать меня в подчинении. Или показать мне живых родителей.

О плохом я старался не думать, но постоянно был начеку, уповая на возможности моего нового союзника – тюрвинга. Но ничего настораживающего не происходило. Занятия как занятия.

А вечером, когда я выходил после очередной лекции по теории поля, Катя встретила меня в холле. Удивительно, но у нее был виноватый вид.

– Гриш, – начала она, – ты извини за утреннее. Я слишком много на себя взяла. После уничтожения мусорщиков я сама не своя. Все-таки первая инопланетная цивилизация, с которой был реальный шанс установить контакт... и я попыталась! Ты же помнишь? Первый из нападавших был готов к сотрудничеству. Не мы сделали такой выбор.

– Откуда вылетаем? – вместо ответа, спокойно спросил я.

– Из Чкаловского, конечно, – Катя спокойно пожалала плечами, – какой смысл переться куда-то дальше.

Я слегка улыбнулся, и выдохнул. Только в тот момент я понял, в каком напряжении я провел весь день. Ее поведение говорит о том, что, возможно, мои родители действительно живы. Хотя расслабляться, конечно же, было рано.

– И куда летим? – спросил я.

– В Сочи, конечно, – улыбнулась в ответ Катя, – знаю, по телефону запрещено говорить о местоположении, но я дума-

ла, ты давно догадался.

Катя раскошелилась на какой-то крутой бизнес-джет. Честно говоря, не очень разбираюсь в моделях, как-то даже теоретически предположить не мог, что меня когда-нибудь занесет в область деловой авиации. Бизнес-класс куда-нибудь в Эмираты был пределом моих мечтаний.

Мы полетели вместе. На борту нас накормили ужином – несколько смен каких-то блюд микроскопического размера. Было крайне сложно определить, из чего они приготовлены – хотя не сомневаюсь, что ужин этот стоил целое состояние. Пара стюардесс обладала каким-то волшебным даром исчезать сразу после того, как стол был накрыт, и появляться, едва я успел сделать последний глоток чая.

За ужином мы молчали, резонно полагая, что салон джета, даже многократно проверенный, не может быть безопасным местом для откровенных бесед.

Непосредственно перед посадкой немного потрясло; в Сочи было сыро и пасмурно. Совсем как у нас поздней осенью. Хотя море... да, близость моря все меняла. В воздухе пахло свежестью и обещанием скорой весны.

Родителей поселили на охраняемой территории, в одном из коттеджей «Имеретинского», апартаментов, оставшегося после олимпийских игр четырнадцатого года. Катя подкинула меня до подъезда. Машина – новенький «Мерс» эс-класса – ждал нас с бесконтактным ключом на сиденье водителя прямо на парковке.

– Вылет рано утром, в шесть, – сказала она, не вылезая из-за руля, – занятия начнутся в десять. Мы попросили на час сместить программу, и нам пошли навстречу.

Катя кивнула мне и улыбнулась. Я захлопнул дверцу, и, не оглядываясь, направился к двери, на которую она указала.

Вот и момент истины. Или прямо сейчас меня попытаются ликвидировать, или я, наконец, увижу родителей.

Я не стал звонить или стучать, а просто надавил на ручку, и толкнул дверь. Она оказалась не заперта. Вполне в духе мамы и папы.

Удивительно, но уже с порога я почувствовал, что тут пахнет домом. Мама готовила. Какая-то выпечка – пирожки, или ватрушки. Я сглотнул слюну: еда, которую предложили в самолете, конечно, была очень вкусной, но совершенно не насыщала.

Я разулся, скинул парку и толстовку. Потом ступил на толстый ковер в коридоре за прихожей.

Мама, улыбаясь, что-то рассказывала отцу, хлопоча возле духового шкафа. Тот кивал в такт, и улыбался в ответ. Потом мама обернулась к дверному проему. Увидела меня. Застыла, широко открыв глаза. Выронила перчатку-прихват, и молча побежала ко мне, пытаясь сдержать льющиеся сплошным потоком слезы.

Мы долго говорили на веранде, возле газовой горелки-обогревателя, закутавшись в плед. Пили чай, закусывали мамиными пирожками с яблочным повидлом.

Удивительно, но им рассказали почти все. Они знали и про мои особые способности, и про челнок, и про предстоящую миссию. Это было неожиданно. И, что уж там – приятно. По телефону мы такие вещи, конечно же, не обсуждали, и я был готов к долгому разговору, который не понадобился. Я даже начал сомневаться в своих подозрениях относительно Кати и ее организации. Разве так будут поступать те, кто принципиально не желает играть в открытую?

– Достала эта удаленка, конечно, – сетовала мама, – но так мы можем оставаться здесь, в Сочи. Очень любезно со стороны твоих новых работодателей перевезти нас сюда. Хотя я и вижу свой класс только по компьютеру, – она печально вздохнула, и сделала глоток чая.

– Мам, пап, – я, наконец, решился перейти к главному вопросу, – мне тут сказали кое-что. В общем, вы в любом случае мои самые родные и любимые люди на свете, хорошо? Но, все-таки... – я запнулся.

– Сын, ты о чем? – отец удивленно поднял бровь.

– Вы меня подобрали? – спросил я, тут же заметил нелепость формулировки вопроса, и поправился: – то есть, усыновили? Я приемный?

Теперь и мама округлила глаза; они с отцом растерянно переглянулись.

– С чего ты взял? – спросил папа, и развел руками, – кто тебе такое наговорил?

– Это не важно, – ответил я, и покачал головой, – так

что... это так?

– Сынок, – мама вздохнула, – ты сейчас занят такими делами. Я понимаю, что приходится... – она махнула рукой, и вытерла появившуюся в глазу слезинку, – но не верь всякой чуши больше. Помнишь, чему я тебя учила? Ты хороший мальчишка. У тебя есть сердце. Всегда спрашивай его.

– Сын, мы тебя родили, как полагается, – твердо сказал отец, – ты – наш. И я сам следил в роддоме, чтобы тебя не перепутали, потому что мама очень этого боялась. Я был на родах.

– Мы очень долго тебя ждали, – продолжала мама, – двенадцать лет. У нас ничего не получалось целых двенадцать лет! – слезы все так же катились по ее щекам.

– Мы уже решились на ЭКО, – добавил отец, – а в то время это было, мягко говоря, совсем не дешево. Но мы нашли деньги. И записались на процедуру.

– Она была назначена сразу после новогодних праздников. Поэтому в тот новый год мы сидели без шампанского, – продолжала мама; когда родители рассказывали что-то, иногда возникало впечатление, что говорит один и тот же человек. Они просто подхватывали и развивали мысли друг друга, – и вот, числа пятого-шестого я поняла, что у меня задержка...

– Мы боялись поверить, – теперь глаза заблестели и у отца, – ты не представляешь сейчас, каково это...

– Так что, я надеюсь, ты сможешь достойно ответить то-

му, кто в следующий раз будет тебя сбивать с толку, – сказал мама, потом вздохнула, и помешала остывший чай в чашке, – хотя... перед твоим рождением действительно была одна странность.

Я встрепенулся, и затаил дыхание.

– Хотя... да, ерунда, в самом деле, – мама потёрла указательным пальцем висок, и махнула рукой, – и чай у нас остыл! Надо бы новую заварку сделать.

– Мам, – вмешался я, – что там было? Это может быть важно. Я серьезно.

Мама посмотрела на меня, вздохнула, но все-же продолжила:

– В одну из ночей, незадолго до того, как мы узнали главную новость, со мной кое-что случилось... – мама замолкла, подбирая слова, и тогда вмешался отец:

– Твоя мама ходила о сне, – сказал он, – и здорово меня напугала, должен сказать. Однажды ночью я проснулся, и не обнаружил ее в постели. Тогда я не слишком встревожился. Мало ли – не спалось, решила почитать, или воды попить. Но в доме было тихо. Я все-таки поднялся, и осмотрел квартиру. Можешь себе представить, что было, когда я ее не обнаружил?

– Я никогда не видела твоего отца таким испуганным, – снова заговорила мама, – мне кажется, у него даже седых волос после той ночи прибавилось. И хорошо, что он был рядом, когда я пришла в себя! Мне даже было почти не страш-

но, хотя это было... странно, наверное. Да, это было странно.

– Да уж, – согласился отец, и покивал головой, – прийти в себя в ночном лесу, в километре от дома.

– Это была наша старая однокомнатная квартира на отшибе, ты помнишь? – сказала мама, – мы переехали, когда тебе было три.

– Я помню, – кивнул я, – и что? Что там было – в лесу?

– Да ничего не было, – мама смущенно улыбнулась, и пожала плечами, – я пришла в себя оттого, что папа тряс меня за плечи. Сама в одной ночнушке, сапогах, и пуховике, который я даже не надела толком. Так, на плечи набросила. И было довольно прохладно – конец ноября все-таки.

– Я хотел обратиться к врачам, но мама настояла, что не стоит. Лишняя запись в личном деле могла помешать тебе делать карьеру военного, – отец тяжело вздохнул, – то есть, если бы ты захотел делать такую карьеру.

– Больше это никогда не повторялось, – сказала мама, сделала небольшую паузу, потом сказала: – так, а чай-то еще будем? У нас еще осталось варенье из грецкого ореха. Совершенно потрясающая вещь!

Больше мы к вопросу моего происхождения не возвращались. У нас итак хватало тем для обсуждения: новые закидоны чиновников по вопросу школьного образования, новые компьютерные методы моделирования жидких сред, которые внедряют в отцовской организации. Он у меня инженер. Я блеснул новыми знаниями, полученными во время

подготовки. Родителям это было приятно, чего уж там.

8

Первоначальный план был существенно скорректирован. Или, если быть совсем точным – пошел ко всем чертям.

Катя разбудила нас в районе трех ночи. Долго извинялась перед мамой, но не дала мне даже зубы почистить. Мне кажется, еще немного – и она бы забрала меня в машину прямо в трусах.

В аэропорт мы домчались минуты за три. Наверно, если проверить по камерам для фиксации нарушений, мы установили рекорд города. По дороге, в своей обыкновенной манере, она ничего не объясняла.

И лишь когда мы уже были в воздухе, и набрали высоту, Катя, наконец, снизошла до разговора.

– У нас десять часов на разговоры. Самолет в этот раз тщательно проверили. Тут безопасно, – сказала она, – потом ты даже выспаться успеешь.

– Ого! – вырвалось у меня, – куда это мы?

– В Южно-Китайское море, – ответила Катя.

– О как. А точнее?

– На Хайнань. Это остров в Китае.

– Я в курсе. И что, ты решила так кардинально развеяться? Летим на курорт? Нормальный такой масштаб...

– Мне не до смеха, Гриш, – Катя действительно выглядела необычно напряженной.

– Что случилось-то? Гипс снимают, как отец говорит?

– Смотри сюда, – Катя достала из своей безразмерной сумочки планшет, включила экран и запустила видео; на экране была каменная глыба неправильной формы, висящая в черной пустоте. Глыба медленно вращалась. – Это астероид Джи-девятьсот-пять-ноль-семьсот-двадцать-один.

– Нашли что-то интересное, что мне следует увидеть? – спросил я, отвлекшись от экрана.

– Да ты смотри! – ответила Катя, – кадры редчайшие. Нам повезло. Съемка велась с орбитального телескопа, который вообще-то для видео не приспособлен. Но по нашей большой просьбе программное обеспечение немного перенастроили.

Я послушно уставился в экран. Там все так же вращалась каменная глыба. А потом, безо всякого предупреждения, эта глыба плавно и величественно раскололась. Сначала было несколько крупных осколков, но потом и они начали дробиться. И то происходило до тех пор, пока вместо астероида в поле зрения не осталось слабо опалесцирующее облако мелкой пыли.

– И что я только что видел?

– Уничтожение астероида, – ответила Катя, – для информации – диаметр этого камня восемьдесят километров.

Я присвистнул.

– Так понимаю, это были не мы, – сказал я, – в смысле, не люди.

– Не мы, – согласилась Катя, – у нас даже близко нет таких

возможностей. Наши специалисты все еще спорят, на каком принципе основано это оружие, но к единому мнению пока не пришли.

– И что теперь? Я должен обнаружить того, кто это сделал? Очередной телескоп?

– Все немного сложнее, Гриш, – Катя покачала головой, – но лучше дождись брифинга с коллегами. Там будет подробнее, чем я могу рассказать. Не потому, что не хочу – просто не все детали знаю.

– Какого брифинга? – я нахмурил брови.

– Предполетного, – ответила Катя, – мы летим на старт.

– Стоп, стоп, стоп! – я выставил вперед ладони, – по плану старт с «Восточного»! Какое Южно-Китайское море?

– Старт будет с платформы, – сказала Катя, – сама платформа российская, но принадлежала нам, через ряд фирм-прокладок. Ракета будет американской. Акватория – китайской. Компромисс, понимаешь? Только при таком раскладе есть возможность запустить вас в ближайшие сутки. Будем надеяться, еще не слишком поздно.

– Куда мы спешим? – спросил было я, но наткнулся на Катин взгляд, и проговорил: – брифинг. Ясно. Сейчас ничего не скажешь. Ну и смысл тогда в этих десяти часах полета?

Я посмотрел в иллюминатор. Внизу, под ясным звездным небом горели огоньки какого-то поселка в горах. Хорошо там, наверное, сейчас. Воздух чистый. Кто-то на лыжах будет завтра кататься...

– Мы думаем, что кто-то уничтожает самые интересные объекты в системе. И хотим успеть обнаружить хоть что-нибудь, – Катя прервала мои размышления.

– У них была вечность, чтобы сделать это. Почему именно сейчас? – спросил я, оторвавшись от иллюминатора.

– А вот тут мы уже рискуем ступить на зыбкую почву домыслов и инсинуаций, – улыбнулась Катя, – проще говоря, мы не знаем.

– И вас совсем не пугает, что целью этого таинственного нечего могут быть вовсе не артефакты? Что, если оно пришло за нами?

– Конечно, пугает, – ответила Катя, – тогда тем более ты нужен на орбите. Твой тюрвинг – наш шанс отбить атаку.

– Ясно, – кивнул я, и неожиданно для самого себя добавил: – я говорил с родителями. Не похоже, что я приемный. Они бы не стали мне врать, это точно.

– Ох, Гриша, – тяжело вздохнула Катя, – тут тоже все оказалось не так просто, как мы думали вначале. Но я дам тебе всю информацию, которой обладаю сама. Мы сразу сделали анализ твоей ДНК, это стандартно. Все еще не теряем надежду обнаружить фактор, который делает из обычных людей – видящих. Почти сразу мы обнаружили несоответствие твоей ДНК и ДНК твоих родителей. Сначала решили, что объяснение самое простое и очевидное: ты приемный ребенок. Но потом копнули глубже... в общем, твой гаплотип уникален. Мы не обнаружили других, которые могли бы иметь с тобой

общего предка.

– Так. Давай-ка полегче! Я не слишком силен в генетике!

– Ты не принадлежишь ни одному народу, если проще, – ответила Катя, – что, разумеется, невозможно. И это сильно отличает тебя от других видящих.

– Так, так, так... – проговорил я, собираясь с мыслями; вообще, несмотря на ранний подъем, голова была удивительно ясной, – стоп. Секунду. Хочешь сказать, что меня сделали искусственно?

– Это всего лишь одна из гипотез, – Катя пожала плечами, и зачем-то виновато улыбнулась.

– А какие другие?

– Ну, например, тебя могли заморозить. То есть твой эмбрион, конечно. Сделали это очень давно, а твои настоящие предки вымерли.

– Но кто? Как? Зачем?.. – растерянно проговорил я. Голова по-прежнему была ясной, но появилось странное чувство: как будто мы обсуждаем кого-то постороннего. Не меня.

– Я не знаю, Гриш, – Катя развела руками, – с тобой загадок появляется больше, чем мы в состоянии обработать и переварить. Давай позавтракаем, – неожиданно предложила она, – и вздремнем, а? Я-то вообще нисколько не спала. А завтра у нас большой день.

В этот раз завтрак был проще, чем по дороге в Сочи. Наверно, это было как-то связано с тем, что теперь самолет стал безопасен для переговоров – на борту, в пассажирском са-

лоне, никого кроме нас не было. Но простые вареные яйца, бутерброды с сыром и колбасой, да крепкий черный чай показались мне куда вкуснее кулинарных изысков. Было в этой простой закуске что-то фундаментальное. Нечто, что помогало мне держаться за мир.

9

Мы прилетели в лето. Я давно об этом мечтал, с детства. И, конечно же, знал, что это вполне возможно – оказаться на солнечном море зимой, когда на улицах возле дома метет метель, а от мороза в парке дрожат даже деревья. Некоторые из моих школьных друзей летали – кто на Бали, кто на Кубу, и потом делились впечатлениями.

Думаю, если постараться, мои родители тоже вполне могли организовать такой отпуск. Но они не хотели. Отец так вообще считал, что зима – это обязательное условие выживания русского человека, и что без холода мы зачахнем, и вымерем. Мама была не столь категорична, но в целом отца поддерживала.

Поэтому мы обычно праздновали новый год дома. И это тоже было не плохо. Да что там – иногда это было даже хорошо, и здорово: салюты возле дома в новогоднюю ночь, катание на тюбинге с горки в ближайшем парке, зарубы дворовых команд в хоккей в кое-как залитой накануне коробке. И елка, и мандарины, и, конечно же, Дед Мороз с подарками.

Но лета все равно хотелось. В каком-то возрасте я просто перестал говорить родителям об этой своей мечте. Но сама мечта никуда не делась. Для себя я решил, что первый зимний отпуск после покупки квартиры проведу где-нибудь в Эмиратах. Или на Бали. Но, конечно же, это все было еще до ковида...

И вот, совершенно неожиданно и незапланированно, старая детская мечта осуществилась.

Летом пахнуло так, что я чуть не сел прямо на трап. Катя легонько толкнула меня в спину, и я пошел вниз, наслаждаясь каждым вдохом.

Нас встретил микроавтобус с наглухо затонированными стеклами. Довольно комфортный. Внутри работал кондиционер, что мне совсем не понравилось, но я решил не подавать вида. Никаких формальностей мы не проходили.

Ехали довольно долго. Я наслаждался видом тропической зелени за окном и ярким солнцем. Иногда, на крутых поворотах, на горизонте мелькало море. Тут оно было иным, не таким как в Сочи. Более зеленым, что ли.

По дороге молчали. После долгих десяти часов в узкой трубе наедине друг с другом, говорить уже ни о чем не хотелось.

Почему-то мне подсознательно казалось, что мы поедем в отель, или в какое-то казенное учреждение, вроде центра подготовки космонавтов в Звездном. Там будем долго собираться, знакомиться, совещаться, брифинговаться, и так да-

лее.

Но все оказалось куда проще. Мы действительно проехали на охраняемую территорию, за высоким забором, через двойной КПП, «украшенный» вышками с автоматчиками.

Эта территория оказалась военно-морской базой. Мы миновали административные здания, какие-то склады, и поехали сразу к дальнему пирсу – колоссальному сооружению из бетона и стали, выдающемуся в море километра на три – к которому была пришвартована невиданная конструкция плавучего стартового комплекса.

На пирсе нас встречали. Целая делегация: от обилия погон, галунов и наградных планок рябило в глазах. Военные стояли несколькими стройными рядами возле двухъярусного трапа. Было очень тихо. Только бакланы орали в отдалении – там, где был выход из бухты. Я чувствовал, как на нас скрестились несколько десятков очень напряженных взглядов.

– Как прошел полет? – спросил молодой женский голос с легким китайским акцентом, – удалось ли отдохнуть?

Я посмотрел направо. Возле микроавтобуса стояли двое пожилых военных в генеральской форме. Китаец и темнокожий. Между ними, едва доставая им до плеч, замерла молодая девушка, тоже в военной форме. Она почему-то с обожанием пожирала меня глазами, и улыбалась от уха до уха.

– Зрассьте, – кивнул я.

– Генерал Лин, – вмешалась Катя, и что-то добавила, пе-

реходя на китайский.

Генерал ответил, сверкнул на меня глазами и, кивнув, удалился. Переводчица промолчала.

– Удачи вам, – сказал темнокожий генерал, на английском, – не могу сказать, что мне нравится происходящее. Но наши ресурсы в вашем распоряжении. Политическая воля есть политическая воля.

Он протянул мне руку. Я ответил на пожатие, после чего он повторил ритуальное приветствие с Катей.

Только теперь я обратил внимание, что кажущееся бессмысленным собрание разных военных на самом деле имеет одно практическое свойство. Хотя форма большинства присутствующих не была полевой – почти каждый был вооружен. Если приглядеться, то можно было заметить, что делегации стояли так, чтобы при необходимости иметь возможность быстро нейтрализовать друг друга.

Мы поднялись по трапу на палубу стартового комплекса. Потом долго блуждали по полутемным тесным коридорам без иллюминаторов, пока, наконец, не оказались в помещении, напоминающем конференц-зал.

За небольшой кафедрой, на фоне огромного белого экрана стоял китайский генерал, которого Катя назвала Лином. Рядом с ним – все та же улыбчивая военная переводчица.

В самом зале сидело двое. Коренастый китаец лет сорока в синей летной форме, и спортивный мужик слегка за тридцатник в форме американских космических войск. Так я впер-

вые увидел моих партнеров по полёту. Никто нас официально представлять друг другу не стал – это было как-то странно и не правильно. И вообще, все шло совсем не так, как я себе представлял все эти месяцы.

Мы с Катей заняли ближайшие свободные места – пару кресел с выдвигающимися столиками.

Генерал дождался, пока мы усядемся, после чего в своей обычной манере кивнул. В зале погас свет. А через секунду засветился экран. Сначала по нему строем проплыли какие-то логотипы, гербы и символы. Потом – изображение почернело, и по его центру возникло огромное расплывшееся красноватое пятно. Изображение постепенно входило в фокус, и вскоре я уже без труда мог опознать орбитальную фотографию Марса. Очень детальную фотографию, надо сказать – я без труда мог разглядеть мельчайшие детали марсианского рельефа.

– Ваша миссия – это миссия отчаяния, – безо всякого предисловия начал генерал. Он говорил с небольшими паузами, чтобы девушка успевала переводить, – и в другое время была бы невозможна. Но мы все, скорее всего, погибнем. А в этой ситуации не остается секретов, которые стоило бы продолжать хранить, не имея надежды на продолжение своего дела. На этой планете, – он указал на Марс, – около двух с половиной миллиардов лет назад существовала развитая цивилизация. Это были крутые ребята, они успешно осваивали солнечную систему, имели аванпосты на всех круп-

ных планетах, включая Землю, и на значимых лунах газовых гигантов, – генерал прочистил горло, и сделал глоток воды из стоящего на кафедре прозрачного стакана. – Мы не можем полностью восстановить картину того, что произошло. Но мы точно знаем – началось это с уничтожения их дальних аванпостов. Причем уничтожены они были точно таким же способом, как наши астероидальные мини-боты, – на экране возникло уже знакомое мне видео с огромным камнем в пустоте, который крошит в пыль неизвестная сила, – начиная нашу экспансию, мы боялись этого. Но надеялись, что обойдется. Не обошлось, – на экране снова возник Марс, – перед вами – цель вашей миссии. Что бы это ни было, оно ударит туда прежде, чем доберется до Земли. Там – больше всего земных аппаратов и приборов. А оно всегда идет извне вовнутрь системы. Если сможете его обнаружить – используйте ваши тюрвинги. И помогут нам высшие силы.

– Тюрвинги? – спросил я Катю шепотом, наклонившись к уху, – он сказал – тюрвинги? Их много? Или переводчик ошиблась?

В ответ Катя только тихонько шикнула, и указала на трибуну.

– Орбитальное расположение не очень благоприятное, – продолжал генерал; на экране тем временем появилось схематическое изображение траектории полета до Марса, – на старте мы используем притяжение Луны, чтобы получить нужное ускорение, пока двигатели будут работать в полови-

ну мощности на тестовом режиме. Если все пойдет нормально, то вот здесь, – он указал лазерной указкой на участок траектории, расположенный примерно в четверти общей длины от Земли, – двигатели выйдут на полную мощность. Если радиационные щиты и противометеоритная защита, технологию которых мы позаимствовали на обнаруженном недавно инопланетном челноке, сработают нормально, уже через три недели вы будете на месте. Дальше действуйте по обстановке. Среди вас будет видящий. Его личность мы не раскрываем из соображений безопасности.

Мы с Катей переглянулись; она покачала головой, но промолчала.

Брифинг продолжался еще минут пятнадцать. Было много технических деталей. К счастью, я понимал, о чем шла речь – очень помогали месяцы подготовки.

В самом конце генерал Лин спросил, есть ли у кого-то из присутствующих вопросы. Таковых не оказалось.

10

Платформа была такой огромной, что во время брифинга я не почувствовал, что мы отшвартовались, и начали движение в открытое море, к точке пуска. До места было шестнадцать часов хода. По мнению генерала Лина, непозволительно много времени. Но с этим ничего поделать было нельзя – мореходные качества платформы не позволяли ее буксиро-

вать быстрее без риска необратимых повреждений конструкции.

По понятным причинам, обычный предполетный карантин мы не проходили. Однако же, где-то через час после брифинга нас, экипаж, собрали в лазарете, где сделали экспресс-тесты на большинство известных опасных инфекций. Включая ковид, разумеется.

Во время пребывания в лазарете мы так и не познакомились. Каждый был со своими сопровождающими, и времени на общение просто не оставалось. Хотя это было очень странно. Мы совершенно друг друга не знаем – но стартуем завтра на одной ракете. Ведь столько исследований проводилось насчет психологической совместимости экипажа длительных космических экспедиций. Все ученые говорили, насколько это критически важно для успеха миссии. И вот, в реальной жизни нас отправляют в космос, даже не представив друг другу.

Я даже спросил об этом Катю. И услышал в ответ: «Ну, предполагается, что у вас будет куча времени, чтобы поболтать по дороге. А время сейчас – на вес золота. Так зачем его тратить на всякие сантименты?»

И все-же официальное знакомство состоялось. Вечером, после ужина, нас снова пригласили в лазарет.

В этот раз вместо команды медиков в белых халатах нас ожидала сухонькая пожилая женщина с лучистыми добрыми глазами, и волосами цвета платины.

– Прощу, располагайтесь, – увидев нас на пороге, она поднялась со стула, и широким жестом указала на широкий мягкий диван, обитый синим плюшем, стоящим под сдвоенным иллюминатором. Этот предмет мебели выглядел удивительно неуместно в лазарете, и я бы совсем не удивился, если бы узнал, что его притащили только что, специально для этой встречи, – меня зовут Лилиан. Я – психолог экспедиции.

– Приятно, Лилиан, – ответил я, стараясь как можно правильнее выговаривать английские слова, – я Григорий...

– ...конечно же, я знаю, кто вы, молодой человек, – перебила Лилиан, и улыбнулась такой улыбкой, что на неё было совершенно невозможно рассердиться, несмотря на очевидную бестактность.

Китаец и американец уже заняли места на диване – один у левого, другой у правого края. Мне ничего не оставалось делать, кроме как занять место посередине.

– Вот мы и определились со связующим звеном, – снова улыбнулась Лилиан, и указала на меня, – все, в общем-то, логично. Самый молодой. Самый незашоренный. Видите ли, Чжан, – она посмотрела на китайца, – вас ведь с самого начала волновал вопрос субординации, верно? И вот вам окончательный ответ: формального командира в вашей экспедиции не будет. Очень уж специфичные задачи перед вами поставили. Поэтому исключительное значение для вас всех имеет не способность отдавать и выполнять приказы, а умение связать это безумное во всех отношениях и совершенно бес-

прецедентное мероприятие в одно целое.

Чжан развел руками, кивнул, но промолчал.

– Григорий, это – полковник Чжан, – сказала Лилиан, – пора вас, наконец, представить друг другу. Так уж получилось, что эту честь организаторы поручили мне. Полковник бывал на орбите три раза. И два раза возглавлял экспедицию. Все миссии прошли исключительно успешно, несмотря на то, что как минимум три раза их выполнение, и сами жизнь тайконавтов висели на волоске.

Я приподнялся в кресле, и протянул китайцу руку. Тот удивленно посмотрел на неё, заглянул мне в глаза, но все же ответил на пожатие.

– Григорий, полковник Чжан, это – господин Молнар, – она указала на коренастого американца, – первый сотрудник ЦРУ, который отправится на орбиту.

Я успел заметить, как американец чуть округлил глаза. Видимо, такое раскрытие легенды не входило в первоначальные планы.

– Не беспокойтесь, господин Молнар, – спокойно сказала Лилиан, – это согласовано с вашим руководством на высшем уровне. Просто ситуация меняется настолько быстро, что некоторые решения не успевают дойти до исполнителя. А теперь о самом главном. Сейчас мы с вами будем решать, как сделать так, чтобы три представителя совершенно недружественных государств и организаций, каждый из которых обладает в некотором роде суперспособностями благодаря

своим тюрвингам, благополучно долетели до точки назначения, и по возможности успешно выполнили почти невозможную миссию. И спасли нас всех. Включая моих горячо любимых внуков.

Я протянул руку американцу. Полковник Чжан последовал моему примеру.

Мы проговорили почти два часа. Знакомились. Учились откровенности.

Тяжелее всего приходилось ЦРУшнику. Почему-то подсознательно мне хотелось называть его «янки», хотя с самого начала мы выяснили, что Молнар был родом с юга. Приходилось себя мысленно поправлять.

Чжан рассказал много интересного о своем детстве. И вообще, оказался на удивление общительным человеком – после того, как первоначальные барьеры рухнули, благодаря очень грамотным и профессиональным действиям Лилян. Интересно, кстати – она действительно так виртуозно умела обращаться словами, или же нам всем что-то вкололи, пока делали тесты? Нечто, снимающее барьеры в общении? Гадать бесполезно. А проверить невозможно. Так что единственное, что оставалось делать – это максимально использовать ситуацию, чтобы получить преимущество.

А самым значимым преимуществом могла быть только всеобщая симпатия.

Пожалуй, мне было легче, чем остальным. Тренерский опыт сказывался. Работа у меня была такая – вызывать сим-

патию. При этом парадоксальным образом я, вероятно, был единственным участником, который сохранил свою огромную тайну.

Надеюсь, никто так и не догадался, что я видящий. Лилиан удивительным образом построила беседу: я много рассказывал о своем прошлом в ВДВ, и обучении в Центре подготовки космонавтов. При этом несколько лет тренерской работы, увлечение военной археологией и обстоятельства знакомства с Катей остались в тайне ото всех.

После заката мы разбрелись по своим каютам. Однако сразу лечь спать, как я планировал, не удалось: пришла Катя, и предложила пройти на палубу.

Формально во время буксировки выходить на открытое пространство запрещалось. Но остановить нас никто не рискнул.

– Разговор не может считаться полностью защищенным, – сказала Катя, повернувшись в сторону моря, – но мы рискуем.

– Ты знала про другие тюрвинги? – спросил я.

– Да, – она кивнула, – формально мы не знаем их спецификации. Но наша организация более могущественна, чем может показаться в начале. Кое-что удалось выяснить. Тюрвинг китайца, кажется, самый опасный.

– Это который вызывает всеобщее обожание? – спросил я.

– Не обожание, – Катя покачала головой, – любовь. Самую настоящую. Поэтому единственное, что мы можем рекомен-

довать: не пытайся им завладеть.

– Он же, вроде бы, в Японии хранился, – я нахмурился, – и что, японцы вот так запросто передали его китайцам? Не верю! Это не возможно в принципе!

– Все несколько сложнее, чем тебе кажется, – Катя покачала головой, – думаю, японцы были счастливы от него избавиться. Учитывая предысторию. К тому же, я не знаю точно, что им предложили, но, судя по всему, нечто очень существенное. Скорее всего, территории.

– Ясно, – кивнул я, – у американца, получается, меч – маньяк? Значит, они все-таки нашли хозяина, да? Но как он собирается использовать его в космосе, на космических расстояниях?

Катя всплеснула руками.

– Мы не знаем, – ответила она, – возможно, тюрвинг – просто предлог, чтобы получить место в экспедиции. Возможно, они ведут свою игру, всегда это имей ввиду.

– Но как? – я пожал плечами, – на что можно рассчитывать, если опасность угрожает всем?.. – спросил я, и тут же догадался: – разве что на переговоры.

– Именно, – улыбнулась Катя, – в общем, держи ухо востро. Не исключено, что у них есть некоторые иллюзии, будто им есть, что предложить.

В этот момент мне самому в голову пришла одна очень неприятная мысль. И я приложил все усилия, чтобы на моем лице ничего не отразилось – очень уж страшной и очевидной

она была.

На борту собрали все три тюрвинга, заодно с хозяевами. А что, если мы – это и есть попытка переговоров? Если мы – это выкуп, в обмен на спокойствие всех остальных?.. Это все объясняет: и скомканность брифинга, и отсутствие нормального представления и субординации в команде, и даже подключение докторши-мозговеда в последний момент! Но тогда зачем сохранять в тайне то, что я видящий? Да, нестыковка.

– Где ты будешь во время старта? – спросил я.

– На борту, в укрытии, – Катя улыбнулась, – ты не подумай, что на случай аварии останешься без поддержки.

– Спасибо, – кивнул я.

– Да не за что. А теперь давай в каюту, и попробуй как следует выспаться. Что-то мне подсказывает, там, наверху... в общем, это не будет легкая прогулка. Имей ввиду.

– Я уже свое отбоился, – сказал я, – еще там, в челноке. И позже, когда понял, чем все могло закончиться.

– Вот и отлично, – кивнула Катя, потом неожиданно прильнула ко мне, и поцеловала в щеку.

В следующую секунду она исчезла, оставив меня недоуменно глотать морской воздух, насыщенный солеными брызгами.

Однако и на этом мои приключения накануне старта не закончились.

Я вернулся в каюту, принял душ, и с удовольствием за-

брался под мягкое, пахнущее стерильностью одеяло. После чего под мерное и тихое гудение кондиционера провалился в неглубокий сон.

Меня разбудило негромкое нарочитое покашливание. Я открыл глаза, но не спешил шевелиться, оценивая обстановку.

– Я вижу, что вы проснулись, – сказал шепотом незнакомый мужской голос; говорили на русском, но с сильным акцентом, принадлежность которого я определить затруднился.

Я вскочил с постели, и уже готов был схватить незнакомца в захват, но тот ловко отпрыгнул в сторону, и выставил вперед раскрытые ладони.

– Не стоит! – сказал он, – я на вашей стороне!

Он был одет в полностью черный комбинезон и балаклаву с прорезью для глаз.

– Пять секунд на объяснение, – коротко сказал я.

Вместо ответа незнакомец указал на столик, установленный напротив иллюминатора.

– Я оставил материалы, которые вам попросили передать, – пояснил он, – через полчаса они самоуничтожатся. Я просто исполнитель, и не знаю подробностей, но эта информация критически важна для вашего выживания, – не беспокойтесь, на время нашего разговора и ознакомления с документами все подслушивающие и подсматривающие устройства в каюте забиты ложными данными. Ровно через полчаса

эта защита исчезнет. Так что не мешкайте.

Я подошел к столику, и включил вмонтированную в столешницу светодиодную лампу. Потрогал простую папку из черного пластика. Потом обернулся и успел спросить: «Кто вы такой?» Но незнакомца в черном комбинезоне уже и след простыл.

«Ниндзя гребанный», – пробормотал я, и занялся изучением папки.

Там было несколько фотографий с места раскопок, и отчет на английском языке с данными о радионуклидной датировке образцов.

На первый взгляд, на фото не было ничего необычного: несколько фрагментированных человеческих скелетов. Древних, судя по всему: кости были черно-бурые, наверняка уже начавшие замещаться, каменеть. А потом я глянул на материалы анализа. Сначала я подумал, что ошибся, и несколько раз перепроверил цифры.

Скелетам было четверть миллиарда лет. Причем датировка несколько раз перепроверялась ведущими научными центрами, судя по отчету, и ошибки быть не могло. Несколько мужчин, возраст от двадцати пяти до сорока лет. Все погибли насильственной смертью. На некоторых фотографиях костей крупным планом были видны следы чудовищных зубов. Точное число погибших установить было невозможно: от некоторых остались только фрагменты костей.

Но самое интересное было на самой последней странице.

Карта, восстановленная в современных координатах, с учетом наиболее вероятного движения литосферных плит. Места оказались знакомыми. Тамбовская область.

Я не заметил, как листы с отчетами и фотографиями вспыхнули ярким, но не обжигающим бездымным пламенем. Пару часов я просидел, глядя на лунные тени на стене, пытаюсь обуздать разыгравшееся воображение. И только одна мысль все-таки помогла мне снова уснуть: «Не нужно было стрелять в меня, спящего. Это подло»

11

Капсула корабля оказалась более просторной, чем я мог ожидать. Раза в два-три больше тех макетов «Союзов», которые попадались мне в центре подготовки. И скафандры были вовсе не такими, в которые приходилось нырять для тренировок в бассейне, имитирующем невесомость. Эти были гораздо удобнее! Мягкие, и даже в чем-то изящные. Конечно, у меня были некоторые сомнения в их защитных свойствах, но выбирать не приходилось. Хорошо хоть размер идеально совпал с фигурой (хотя на этот счет были опасения), да органы управления оказались унифицированными с теми, на которые мы готовились.

Если уж совсем честно – было страшновато. Одно дело капсула в центрифуге. Там ты все равно знаешь: что бы ни случилось, ты на Земле. И все, что нужно – это дождаться,

пока вращение остановится.

С ракетой такое не прокатит. Двигатель на траектории не выключить, люк не открыть. Даже если что и случится – ты мало на что способен повлиять. Максимум, что ты можешь сделать – это сохранять выдержку и хладнокровие. Даже спасательная система активируется компьютером, просто потому, что он все сделает куда раньше, чем ты успеешь отреагировать.

Но, конечно же, в присутствии китайца и американца я не мог подать виду, что мне страшно. Ладно бы еще дело было только в страхе. А то в голову лезли какие-то безысходно-грустные мысли о родителях, о детстве, которое навсегда осталось в прошлом.

Если был бы какой-то способ хотя бы на время совсем выключить эмоции, я бы с огромным удовольствием им воспользовался. Как здорово на время стать машиной! Просто компьютером, с заложенными алгоритмами обработки информации.

Проверить телеметрию. Прослушать прогноз погоды. Проверить траекторию. Подтвердить отличное самочувствие. Зафиксировать время начала обратного отсчета.

Для меня в шлемофоне обратный отсчет шел на русском. Не сомневаюсь, что мои соседи слышали его каждый на своем языке. Впрочем, вся информация дублировалась на трёх огромных OLED-мониторах, установленных напротив каждого кресла. Мой монитор, центральный, так же отображал

всю информацию на русском.

До старта чуть больше минуты.

«А нельзя цифры перевести в футы?» – неожиданно сказал Питер (так звали американца; Молнар – это, конечно, была фамилия) Видимо, ему ответили по индивидуальному каналу, потому что через несколько секунд он разочарованно протянул: «Принято. Ясно. Жаль»

Пять секунд.

Я глубоко вдохнул, готовясь к перегрузкам.

Четыре.

Время растянулось. За секунду я успел подумать о том, как пошел в первый класс. Как научился плавать. Ощутил запах летнего моря, лучи Солнца на коже...

Три.

В школе, когда готовился к ЕГЭ, я сел, и написал те свои качества, которые считал сильными сторонами. А потом рядом – то, что мне на самом деле интересно. Единственная точка пересечения была в графах «физическая форма – фитнес». Помню, как меня это поначалу испугало и озадачило.

Два.

Первый прыжок с парашютом. Тоже было страшновато – но кругом суета, шум, гул двигателей и шум ветра, обтекающего открытую рампу «Ил-76». Ты – в очереди. Все бегут, отказаться уже невозможно. Что бы ни случилось, ты уже в прыжке, хотя пока еще ощущаешь металлическую палубу под берцами.

Один.

Хрустальная звенящая тишина. Морозное звездное небо над заснеженным лесом. Тело, завернутое в старое одеяло. Будешь ли ты ждать меня там, на другой стороне неба, верный друг?

Я хотел зажмуриться, но, вспомнил про Босса, своего умершего пса, и вдруг на душе потеплело. Страх ушёл.

Вибрация. Как будто мышцы напряглись под рекордным весом. Это мысленное сравнение сделало корабль почти живым. Эдакий титан с огненными мускулами.

На груди – тяжесть. Но мои собственные мышцы легко с ней справляются, продолжая уверенно накачивать легкие кислородом.

На экране – цифры бортовой телеметрии, траектория, красивый овальный бегунок, отображающий стадии полёта. И даже изображение с внешней камеры, ориентированной вниз. Там – ревущее пламя, а еще ниже – ультрамариновое море. Платформу не разглядеть, но в отдалении видно множество кораблей. Южно-китайское море довольно оживленное место. Интересно, как мы смотримся со стороны? Что думают моряки, глядя на взлетающую ракету? Что чувствуют?

Легкий толчок, пауза, и тяжесть наваливается с новой силой. Отошла первая ступень. Бустеры внизу ждет другая платформа, где они должны благополучно приземлиться.

Да, мы живем в мире рачительной космонавтики, вынуж-

денной заботиться о себестоимости полётов...

В капсуле был настоящий иллюминатор. Даже два – с каждого борта. Но мне с центрального места смотреть в них было неудобно, тем более под перегрузками. Но все же нет-нет, но взгляд цеплялся за стремительно чернеющий кусок неба.

В какой-то момент в одном из иллюминаторов мелькнула Земля. Не привычный «самолетный» вид с облаками – нет. Настоящая Земля, вид из космоса. А спустя несколько секунд отошла вторая ступень. В груди стало заметно легче: тяга двигателей сократилась раза в три.

Еще пара минут, и тяжесть исчезла совсем. Появилось ощущение падения. Несмотря на все доводы разума, пульс зачастил, ведь подсознание кричало: еще секунда, и наступит неизбежное столкновение! В этот момент очень помог огромный монитор, очень наглядно и доходчиво демонстрировавший всю информацию о том, что происходит с кораблем.

Справившись с подсознанием, я ощутил еще один необычный эффект невесомости. Стало ужасно щекотно где-то в нижней части живота. Раньше я испытывал похожие ощущения в прыжке с парашютом, или когда самолет попадал в воздушную яму – но там это продолжалось всего несколько секунд. А тут, я знал, это не закончится еще много-много часов, до тех пор, пока межпланетный корабль, ждущий нас на орбите, не включит плазменные двигатели, способные давать ощутимое ускорение.

В какой-то момент щекотка стала невыносимой, и я приснул. Питер и Чжан синхронно повернулись в мою сторону. И как раз в этот момент эта проклятая щекотка все-таки исчезла.

– Все в порядке, приятель? – участливо спросил Питер.

Вместо ответа я показал большой палец.

– «Орел» ноль-первый, – раздалось в шлемофоне, – выход на расчетную орбиту подтверждаем. Заход по двухвитковой схеме. Отбой до ноль-четыре-ноль-ноль.

– ЦУП, приняли, – ответил американец, – на борту норма. Отдых до ноль-три-пять-пять, прошу подтвердить.

– Программу подтверждаем, – ответил тот же голос в шлемофоне, – до связи, «Орел»

– Отличный отсюда вид! – Чжан отстегнулся, и придвинулся к иллюминатору со своей стороны.

– Проходим Индокитай, – ответил Питер, – места там хорошие. Отдых отличный. Я успел съездить пару лет назад. Мой дед там воевал – вот, устроил себе экскурсию по местам боевой славы.

– Мой отец тоже, – ответил Чжан. После этого он отплыл от иллюминатора, подлетел к распределительному шкафчику, который располагался между нашими креслами, открыл крышку, и уверенным движением выдернул несколько проводов из гнезд, – теперь можем говорить свободно, – прокомментировал он свои действия.

– Уверен? – Питер скептически изогнул бровь.

– Уверен, – кивнул Чжан, – все модули связи из китайских комплектующих. С нашими закладками.

– Поэтому мы никогда и не доверяли нашим частникам! – нахмурился американец.

– И правильно делали, – улыбнулся полковник, – в общем, такое дело. Все уже догадались, что нас приносят в жертву?

Мы с Питером переглянулись.

– Были такие мысли, – согласился я.

– И я вроде как не против, – кивнул Чжан, – у меня двое детей. Мальчишки оба. Мне себя не жалко – ради того, чтобы они жили.

– У меня родители... – сказал я.

– А у меня – никого! – вмешался Питер, – и я сторонник свободных отношений!

Я беспомощно поглядел на китайца, надеясь, что тот найдет какие-то слова, приличествующие ситуации. Но тот предательски молчал, и многозначительно пучил глаза.

– У меня никого нет, – повторил Питер, – но я вообще людей люблю.

«По-всякому», – додумал я про себя, и невольно улыбнулся.

– И знаю, что такое долг и честь, – продолжал американец, – там, где работаю я, эти вещи – единственное, что удерживает психику на плаву. Так что со мной проблем не будет. Если это спасет Америку, то я готов.

– Я думал об этом, – повторил я, – и нашел, что есть неко-

торые нестыковки... ну, то есть, гипотеза, что нас сливают, не вполне совершенна.

– И какие же? – насторожился китаец.

Я мысленно обругал себя за неосторожность. Не рассказывать же им теперь про то, что я видящий?

– Наша экспедиция готовилась до того, как появилась эта съемка с астероидом, – я пожал плечами, – и первоначальная цель была явно иной. Появление угрозы ускорило реализацию проекта, и только.

– Получается, мы получим настоящие инструкции уже на Марсе? – Питер почесал подбородок, – что ж. Признаю, вполне в духе нашей организации.

– Что делает твой тюрвинг, Григорий? – спросил Чжан, – друг про друга мы давно знаем. Уверен, и ты знаешь о нас тоже, – он указал на американца, – но с тобой какие-то непонятки. Если было бы больше времени, уверен, мы бы договорились о том, чтобы раскрыть карты.

– Я... я не уверен, что могу говорить об этом, – осторожно сказал я, но внутренне сильно напрягся, готовясь ко всему – вплоть до попытки тюрвинг отнять.

– Да брось, – вмешался Питер, – расслабься. Не собираемся мы тут играть в инквизицию! Не хочешь – не говори!

– Думаю, у меня он самый страшный, – продолжал Чжан, – даже если план удастся, и я его применю – мне придется иметь дело со влюбленными в меня пришельцами. Иногда кажется, что гибель – не такая уж и плохая идея, ага?

– Мой заставляет исчезать врагов, – ответил я, – причем не только тех, которых видно, а целые социальные группы, и цепочки подчиненности. Остается одежда, и все личные вещи, вплоть до трусов. Но люди исчезают.

– Интересно, – произнес Питер, – аннигиляция? Слияние со средой, или же что-то поинтереснее?

– Я не знаю, – я постарался как можно более искренне изобразить недоумение; делиться тем, что открылось прошлой ночью благодаря визиту незнакомца в черном комбесте, мне совершенно не хотелось, – есть разные теории, но ни одна не получила окончательного подтверждения. Или мне просто не предоставили такую информацию.

– Ясно, – кивнул Чжан, – нам известно то же самое. Думал, может ты сам что-то подозреваешь, или о чем-то догадываешься. Это могло бы быть полезно всем нам.

– Не факт, – ответил Питер, – если принять во внимание, что истинная цель полета нам может быть неизвестна. При некоторых раскладах нам лучше было бы сохранить неведение относительно друг друга, – он вздохнул, – но, так понимаю, разведка у всех хорошо работает, и обратно знания не отдать.

– Как ты получил тюрвинг? – я решился спросить американца, – по слухам, у вас попытка им завладеть была чем-то вроде легализованной эвтаназии.

– Просто повезло, – широко улыбнулся Питер, – узнал, что контроль над тюрвингом нужен, чтобы Америка гаранти-

рованно получила участие в полете. Из-за вас, шустрых русских, мы реально могли оказаться за бортом. И никто ничего не мог поделать. А двое русских на борту корабля надежды – это уже заявка на мировое господство. Что мне совершенно не нравится.

– А что так? – спросил я, – по мне так твоя родина очень яркий пример того, когда мировое господство очень даже нравится.

Питер зыркнул на меня, но промолчал, сделав вид, что чем-то заинтересовался в иллюминаторе.

– Так, – вмешался Чжан, – я врубаю прослушку. Если будем молчать слишком долго – это будет подозрительно.

Я согласно кивнул.

12

Космический туалет – вещь крайне специфическая. По правде говоря, не представляю, как народ справляется в смешанных экипажах. Хотя нет, вру – кажется, все-таки представляю: старыми добрыми памперсами. Потому что сделать то, что предполагает эта хитроумная система шлангов, вентиляторов, мешков и присосок, практически, публично – это нужно иметь или очень крепкие нервы, или очень своеобразный склад характера.

У мужчин в этом смысле есть совершенно незаслуженное преимущество. Альтернатива памперсам, которой я с удо-

вольствием воспользовался. Такая штуковина, которая надевается прямо на член, и закрепляется специальным поясом. Моча отводится по специальной трубке в плоский баллон с клапаном под отрицательным давлением, закрепленный на внутренней поверхности правого бедра. Левое бедро, кстати, было занято специально сделанной для этого полета кобурой для тюрвинга. Такое вот соседство.

Пиктограмма с мужской и женской фигурками в капсуле издевательски висела прямо над нашими головами. Теоретически я знал, что дверца раскрывается в небольшую ширму – как раз достаточного размера, чтобы прикрыть булки, но не более того. Хорошо хоть во время подготовки на Земле познакомиться с этим устройством ближе я просто не успел.

Все эти часы я с ужасом ожидал, что будет, если кому-то из нас сильно приспичит по крупному. Но, к счастью, не пронесло. Никого.

Даже по-маленькому никто в бортовой туалет не ходил. Очень вероятно, у всех было такое же устройство, как у меня, или же его аналог.

И все равно – несмотря на относительный комфорт и удобство – сходить в туалет, не снимая скафандра, к тому же, глядя на соседей, или участвуя в обсуждении особенно живописного урагана, зависшего над Мадагаскаром, было тем еще испытанием. Сфинктер просто наотрез отказывался подчиняться, несмотря ни на какие доводы разума, и переполненный мочевой пузырь. Но, промучившись минут

тридцать, я все-таки смог одолеть свой организм. Наверно, это был самый необычный поединок в моей жизни.

До сближения с кораблем мы успели перекусить, и даже немного вздремнуть. Сон в невесомости – дело очень благодарное. Еще не придумали перину, которая была бы мягче полного отсутствия веса.

Забавный факт: если капсула – челнок, которая вывела нас на орбиту, имела собственное имя: «Орел» (банальщина жуткая, но все-таки), то главный корабль такой чести не удостоился. Катя сказала, что название корабля – это единственный вопрос, который не удалось согласовать всем заинтересованным сторонам. И в итоге им решили просто не заморачиваться.

– «Орел», стыковка через пять минут. Займите места, и пристегнитесь, – прозвучал обезличенный голос в шлемофоне.

Мы послушно заняли места. На большом мониторе напротив моего кресла уже было выведено изображение с внешней камеры, по центру которого находился стыковочный узел большого корабля.

Сам безымянный корабль выглядел несуразно, и в то же время величественно. Несуразно – потому что инженеры с видимым удовольствием плевали на сопротивление воздуха, добавляя изогнутые под немислимыми углами фермы с эмиттерами защиты, вакуумными и электромагнитными датчиками, и прочими крайне полезными в космосе шту-

ковинами. Величественно – потому что он был огромным. По-настоящему большим. Раза в три больше МКС в ее лучшие времена. Оба центральных отсека состыковали практически идеально. Если не знать, что корабль – по сути, химера, созданная из двух проектов, то заподозрить что-то подобное было бы сложно.

Кольцо ускорителя главного плазменного двигателя было вынесено на длиннющих фермах, метров на пятьдесят от жилых отсеков, да еще и прикрыто массивной куполообразной защитой.

Наша орбитальная капсула выглядела недоразумением на фоне этой громадины.

– Впечатляет, да? – прокомментировал Питер.

Чжан что-то ему ответил по-китайски.

– Главное, чтобы надежным был, – заметил я, – внешность – это вторично.

Питера мои слова почему-то рассмешили.

Сстыковка проходила в полностью автоматическом режиме. И, пожалуй, мы сближались значительно быстрее, чем мне было бы комфортно. Совершенно ясно, что человек не смог бы достаточно быстро корректировать траекторию на такой скорости. Неприятное чувство – ощущать себя балластным пассажиром среди всемогущих компьютеров.

И все-же, несмотря на скорость, пристыковались мы совершенно плавно. Я даже не почувствовал ни малейшего толчка. Просто в какую-то секунду на пульте загорелся зеле-

ный огонёк, сигнализирующий о том, что стыковка прошла успешно.

Кстати, стыковочный модуль на нашей капсуле и на корабле был специально усилен для этой миссии – чтобы выдерживать ускорение вплоть до пяти же. Избыточное требование, но на душе как-то становилось теплее оттого, что оно выполнено. Все потому, что капсула не будет возвращаться на Землю, а полетит с нами. Посчитали, что так проще. На счет проще, если честно, я не уверен – но психологически так точно намного комфортнее.

– Стыковка завершена, – сообщил все тот же голос оператора с Земли, – давление уравновешено, корабельные системы синхронизированы. Переход в основной транспорт разрешаю.

– Ну что, господа, – сказал Чжан на английском, – займемся делом?

Мы с Питером переглянулись, но промолчали.

Шлюзовая камера была раза в четыре больше внутреннего пространства орбитальной капсулы. Тут были стойки с тремя жесткими скафандрами, предназначенными для выхода в открытый космос, и скутеры для передвижения в пространстве вблизи корабля.

А еще тут пахло самолетной стерильностью, новьем и какими-то тонкими ароматизаторами. И этот запах создавал совершенно неуместное настроение дорогого отеля, которое же, однако, только укрепилось, когда мы прошли на борт.

В отличие от орбитальной станции, интерьер корабля был спроектирован с четким позиционированием верха и низа. Не удивительно – ведь большую часть времени полета двигатели будут создавать ощутимую тягу, почти в четверть же. Сначала на разгон, потом – на торможение. Внутри не было никаких острых углов и твердых поверхностей. Дорогие материалы отделки – негорючий вспененный пластик мягких оттенков, и приглушенное мягкое освещение визуально делали помещение просто верхом комфорта. Конечно, я знал схему корабля, все характеристики и особенности бортовых систем – мы все это учили на земле. Но одно дело знать в теории, другое дело увидеть этот шедевральный космический отель воочию. Точнее, не отель даже. Скорее, круизный лайнер. Наверно, это было бы более уместным сравнением.

– По плану включение тяги через десять минут. Нас гонят. Поэтому занимаем каюты, и собираемся на мостике, – сказал Питер.

– Мы как бы в курсе, – ответил Чжан, и поплыл по коридору, отталкиваясь от специальных поручней, в сторону жилого отсека.

Каюта по внутреннему убранству действительно была достойна оказаться на борту какого-нибудь новейшего круизного лайнера. Только вместо балкона, откуда можно было бы любоваться морем, тут было кое-что покруче. Панорамный круглый иллюминатор, из которого открывался совершенно крышесносный вид на Землю.

Было бы здорово, если бы каждый человек на Земле хотя бы раз в жизни имел бы такую возможность – увидеть нашу планету в таком вот иллюминаторе, из окна роскошной каюты. Бесплезно описывать мои эмоции в тот момент. Но они совершенно точно меня изменили, и сильно повлияли на мои дальнейшие решения. Мне бы очень хотелось, чтобы такое же влияние испытало как можно больше людей.

– Внимание, экипаж! – сказал приятный женский голос; мне даже показалось, что его обладательница находится вместе со мной в каюте – на акустические системы тут явно не поскупились, – включение тяги через три минуты. Всем занять места согласно штатному расписанию.

13

Первый импульс был совсем коротким, но сильным. Пока я лежал в удобном кресле, навалилась тяжесть – почти настоящая, земная. Около часа ускорения на одном «же». Роскошно. Жаль, нельзя было встать и пройтись – это категорически запрещал протокол тестового запуска силовой установки на такую серьезную тягу.

Потом снова вернулась невесомость. Мы находились на пути к Луне, и когда я вернулся в каюту, мне показалось, что Земля ощутимо уменьшилась.

Весь полет до Луны – совсем не долгий, около двенадцати часов, – я планировал провести в своей каюте. Нужно было

многое обдумать. Да и просто поспать не мешало бы – накануне старта сон не больно-то удался. А дремота в капсуле была рваной, не глубокой, и не принесла ясности мыслей.

Однако и в этот раз моим планам не суждено было реализоваться.

Я едва успел переодеться в бортовую одежду – хлопчатобумажные штаны и майку – как в дверь деликатно, но настойчиво постучали. Это было неожиданно. Возле каждой каюты была специальная сенсорная панель, с помощью которой можно было попросить разрешение на вход. Аналог дверного звонка. Но нет – это был стук.

Открыв дверь, я обнаружил полковника Чжана. Он висел параллельно полу, и молча глядел на меня. Я уже было набрал в легкие воздух, чтобы спросить, какого фига он вытворяет, но тут обратил внимание, что правой рукой китаец делает едва заметный жест, указывая направление вниз – туда, где была пристыкована орбитальная капсула. Едва заметно кивнув в ответ, я закрыл дверь.

Когда я добрался до капсулы, Питер и Чжан уже были на месте. Я аккуратно задраил за собой люк.

– Ну и как мы объясним Земле, для чего мы тут собрались? – спросил Питер, едва я успел загерметизировать помещение.

– Если придется объяснять, – пожал плечами Чжан, – можно придумать всё, что угодно. Мы забыли на борту амулеты, которые сигнализируют о наступлении невесомости. У

всех ведь такие были, надеюсь?

– У меня не было, – я покачал головой.

– Не важно, – ответил полковник, – они все равно не смогут проверить. Скажи, что это любой предмет из личных вещей.

– У меня нет с собой личных вещей, – я пожал плечами, – ну, кроме тюрвинга.

– Трусы-то у тебя есть? – вмешался американец, – вот, скажи, что любимые трусы – и есть твой амулет. Если спросят.

– Все-равно как-то не убедительно, – заметил я.

– Да не все ли равно? – Чжан пожал плечами, и посмотрел на меня с улыбкой, – главное, чтобы они не слышали, о чем мы говорим. А подозревать – да пускай себе подозревают все, что угодно. Жалко что ли?

– Они поймут, что мы конфиденциально обмениваемся информацией, – заметил Питер, – мое руководство потребует отчет.

– А ты будешь решать, стоит ли передавать этот отчет по эфирным каналам связи.

– У меня есть индивидуальный лазерный передатчик, – сказал Питер, – теоретически, его невозможно перехватить.

– Рассеивание луча на таком расстоянии огромно, – заметил Чжан, – так что не будь так уверен в теории. Наши станции и спутники с легкостью перехватят это послание. Особенно, когда знают, откуда оно должно исходить. Да и с рас-

цифровкой проблем не станет. В прошлом месяце разведка НОАК запустила квантовый компьютер на десять тысяч кубитов. Это так, для сведения.

– Что ж, – Питер пожал плечами, – теперь у меня есть веские причины не пользоваться этим каналом связи. Так для чего ты собрал нас здесь?

– Кто из вас хорошо разбирается в физике? – спросил полковник.

– Заново пришлось учить на подготовке, – я пожал плечами; хотел сначала сострить насчет физической подготовки, но, глядя на Питера, передумал. Его физическая форма была как минимум сопоставима с моей, – то есть, знаю кое-что, что можно было усвоить за пару месяцев.

– Та же фигня, – сказал Питер, – я фейковый астронавт, вы уже в курсе.

– Тогда поясню, – продолжал китаец, – весь этот маневр обхода Луны – полная лажа. С точки зрения физики, при возможностях нашей силовой установки использование такой маломощной гравитационной пращи совершенно не имеет смысла. Мы только потратим лишнее время. И столько же горючего, как если бы непосредственно с орбиты начали разгон к Марсу.

– Тогда зачем мы туда летим? – спросил я.

– Вот я и надеялся, что, возможно, ты сможешь нам это прояснить, – ответил Чжан.

– Русские летали на Луну пару месяцев назад, – небреж-

но заметил Питер, – по нашим данным, их бывший видящий успел проявить кое-что на обратной стороне. Они – то есть, вы, – он кивнул на меня, – больше десяти лет готовили этот полёт. И аккурат в то время, когда космонавты должны гулять по Луне – случается вся эта история с уничтожением аванпостов. Совпадение?

– Во-первых, все-таки не мы, – заметил я, – меня пытались убить спецслужбы родной страны. И я представляю другую организацию.

– Ладно, не лезь в бутылку, – примирительно заметил Питер, – если совсем честно, у нашей московской резидентуры тоже была экстренная директива о твоей ликвидации. Мы просто добраться не успели.

– Тем лучше для вас, – усмехнулся я; хотел добавить остроту про кровожадных динозавров, но вовремя осёкся. Не время раскрывать особенности своего тюрвинга, – но незадолго до старта на нас напали. Прямо в Звездном Городе.

– Кто? – Чжан округлил глаза.

– У нас была информация о каких-то ваших ренегатах – повстанцах, – заметил Питер, – мы деликатно не вмешивались, пока вы не попросили самолет НАСА. По нашей информации, ренегаты оказались завербованными шпионами одной из цивилизаций – падальщиков. Русские вместе с вами уничтожили их разведывательный зонд на орбите Земли. Все верно?

– Не совсем, – вздохнул я, – это были никакие не ренегаты. Это были пришельцы. У точно такого же, только мёртвого, я нашел тюрвинг.

Чжан и Питер пораженно замолчали, и переглянулись.

– Ну офигеть, – заметил американец.

Полковник что-то резко сказал на китайском. Судя по интонации – выругался.

– У вас был какой-то контакт? Они пытались общаться? Выдвигали требования? – спросил американец после долгой паузы.

– Ага, – кивнул я, – один из них, когда понял, что мы побеждаем, пытался поговорить. Говорил, что ему тюрвинг нужнее. Причем тюрвинг он называл утотом, хотя говорил по-русски.

– И что? Вы не пытались выяснить, почему им он мог быть нужнее? – заинтересовался полковник.

– Не успели, – я пожал плечами, – его застрелил напарник. А потом застрелился сам.

– Сдается мне, Марс может быть только прикрытием... – пробормотал Питер.

– ...а главная наша цель – на Луне! – закончил за него полковник.

– Вот вообще не факт! – возразил я, – для чего тогда городить этот невероятно сложный огород с двигателем?

– И то верно, – согласился американец, – ладно. Возможно, не главная цель. Но очень может быть – промежуточная.

– О которой нам почему-то не сочли нужным сообщить, – заметил китаец.

– Возможно, потому, что пока что и сообщать нечего, – сказал я, – нам дают возможность самим себе найти работу.

– Что ж, – кивнул Чжан, – если они этого действительно хотят – давайте этим и займемся.

Мы молча разбрелись по каютам, договорившись встретиться через одиннадцать часов на мостике. К тому времени мы подойдем вплотную к Луне, но еще не доберемся до обратной стороны. Совершенно очевидно – нечто интересное нас ждало именно там. Причем оно было достаточно большим, чтобы разглядеть его с орбиты, пускай и низкой.

Я привык перед сном принимать душ. Тут тоже можно было это сделать – но ускорение будет дано только после завершения гравитационного манёвра, а до этого времени душем можно было пользоваться только в режиме невесомости. А это – совсем не то.

Поэтому я просто вытер лицо влажным полотенцем, разделся, и забрался в постель, не забыв пристегнуть фиксирующие ремни, на случай непредвиденных маневров.

Засыпать в теплой и уютной каюте, глядя на звездную россыпь за иллюминатором было на удивление приятно. Земля скрылась из виду, но зато проявился Млечный путь во всем его великолепии. Звездная россыпь, миллиарды миров. И по крайней мере некоторые из них – обитаемы, теперь я это знаю точно. Удивительно, сколько всего на самом деле

вмещает та картина, которая сейчас отображается на сетчатке моего глаза... неведомые миры, и целой жизни не хватит, чтобы узнать и увидеть хотя бы их заметную часть... целая пропасть жизней... может, и на меня сейчас тоже кто-то вот так смотрит – из космического корабля на орбите родной планеты. Такой же парень, с похожими – или совсем другими заботами и проблемами... я попытался представить себе этого таинственного визави. И, сам того не заметив, провалился в сон.

Обычно я легко просыпаюсь в нужное время безо всякого будильника. Особенность организма – очень точный внутренний хронометр.

Но в этот раз я проснулся от настойчивого треньканья, перемежающегося стуком в дверь. Кто-то активировал сенсорную панель на входе.

Я бросил взгляд на информационный монитор у входа. Там отображалась температура, влажность, уровень ионизирующего излучения и, конечно же, бортовое время.

Понял, что проспал. Чертыхнувшись, отстегнулся в от постели, и проплыл ко входу, чтобы разблокировать замок.

В коридоре висел Питер. Выглядел он по-настоящему обеспокоенным, однако, внимательно меня оглядев, заметно расслабился.

– Все в порядке? – уточнил он.

– Да, отлично, – ответил я, – наверно, последствия джетлага. Я раньше никогда не перемещался так быстро в другой

часовой пояс.

– Ясно, – кивнул американец, и, еще раз оглядев меня с головы до ног, заметил: – отличная форма.

– Спасибо, – ответил я, и почему-то покраснел.

– Если хочешь сохранить – давай в полёте со мной тренироваться. У меня есть отличные программы для низкой гравитации. Знакомый физиолог разработал. Что-то, конечно, все равно потеряем, это неизбежно. Но, по крайней мере, потери не будут такими сильными.

– Не вопрос, – я кивнул, – вот дадим ускорение – и я готов.

Питер улыбнулся, с силой оттолкнулся от переборки и, кувыркнувшись в воздухе, поплыл в сторону рубки.

– Не задерживайся, – сказал он, не оборачиваясь, – а то пропустишь самое интересное.

«Вот это вряд ли», – подумал я про себя, но промолчал.

То, ради чего нас отправили в полёт вокруг Луны, находилось ближе к центру обратной стороны, на низких широтах, в районе кратера Королёв.

Это была упорядоченная спиральная структура, состоящая из волнистых перегородок, соединенных толстыми спицами. По правде говоря, сооружение мало напоминало функциональную базу. Совершенно непонятно – как в такой конструкции можно размещать полезные отсеки различной функциональной направленности?

Впрочем, возможно, это и не база вовсе. А какой-то отдельный аппарат или прибор. Вот только даже у сложного и

громоздкого прибора должна ведь быть какая-то система обслуживания? Если он, конечно, не полностью автономен...

Я размышлял таким образом, глядя на раскручивающуюся внизу спираль исполинских размеров, когда вдруг меня осенило: не прибор это вовсе. И не база. Это – огромный маркер, единственная функциональная цель которого – привлечь внимание. Колоссальная упорядоченная структура среди мертвого лунного хаоса буквально кричала любому стороннему наблюдателю: «Заметь меня! Я здесь! Обрати же, наконец, внимание!»

Но, когда я впервые её увидел – конечно же, не подал виду, будто что-то заметил. Вместо этого внимательно наблюдал за реакцией моих спутников. Момент был очень тонким: если конструкция не проявлена – я буду первым, кто её проявит. И то, что я видящий, перестанет быть тайной. Но и переигрывать было нельзя: попытка скрыть наблюдаемое, которое уже проявлено, так же гарантированно выдаст во мне видящего, намеренно скрывающего свои способности.

Американец заметил «спираль». Я это понял совершенно отчетливо – по расширившимся зрачкам, и чуть учащенному дыханию. Он внимательно посмотрел на Чжана, а тот – на меня.

– Григорий, – сказал китаец, – ты что-нибудь заметил?

Он смотрел только на меня. Плохо. Видимо, что-то заподозрил.

Я повернул голову, и сделал вид, что внимательно осмат-

риваю проплывающую вниу лунную поверхность. Дошел взглядом до «спирали».

– Офигеть можно! – сказал я, стараясь максимально убедительно сыграть искренне удивление, – оно... оно огромно!

От меня не укрылось, что американец с облегчением вздохнул. Чжан улыбнулся одними уголками губ, и тоже переключил своё внимание на лунную поверхность.

– Надо активировать оптику, – сказал он, – надо поискать следы посадки возле конструкции.

Ровно в тот момент, когда он закончил эту фразу, ожили динамики внешней связи.

– Внимание, экипаж, – наземный оператор в ЦУПе снова сменился; в этот раз голос был женским, и довольно приятным, – категорически запрещается проводить дистанционные исследования структуры в кратере Королёв. Повторяю, исследования структуры в кратере Королёв категорически запрещены. Прошу подтверждения.

Мы растерянно переглянулись.

14.

Последний сеанс видеосвязи состоялся, когда задержка сигнала уже достигала десяти секунд. Не слишком удобно разговаривать – по хорошему, все вопросы можно было решить в переписке. Но именно этот сеанс принёс приятный сюрприз.

С экрана на меня смотрели родители. Мама обеспокоенно теребила кончик шарфа. Отец сидел, чинно сложив руки на основательном деревянном столе.

Они находились в каком-то помещении, похожем на рабочий кабинет. Правда, не совсем обычный – за окном открывался шикарный вид на заснеженные горы.

Разговор вышел странным. Тяжело говорить, глядя в глаза, зная, что слова так сильно запаздывают.

– Как ты, сын? – спросил отец.

– Да нормально, пап. Тут условия как на круизном пароходе. Кормят вкусно. Даже тренироваться получается!

– Рад слышать, – покивал отец. Потом вздохнул, и сказал: – говорят, после этого сеанса мы тебя больше не сможем увидеть, – он осекся, поймал возмущенный взгляд мамы, и поправился: – в смысле, по видео. Задержка сигнала слишком большая. Вот кто бы мог подумать, что такая астрономическая абстракция, как скорость света коснётся нас лично, а?

– Ты главное возвращайся, сынок, – сказала мама, – мы очень тебя ждем.

– Я обязательно вернусь, мама, – ответил я.

Почему-то в тот момент я необыкновенно остро ощутил, как фальшиво звучали мои слова. Нет, не было у меня уверенности, что я вернусь. Совсем не было. А матери врать – последнее дело... хотя иногда невозможно по-другому.

Пауза двадцать секунд.

– Я знаю, сынок, – голос прозвучал совершенно спокойно и уверенно. Но по маминым глазам уже катились слезы. Крупные, как самые яркие звезды.

После этого разговора на душе было тяжело. Мучали предчувствия. Нет, я не думал о смерти – просто ощущал. Впереди нечто, подавляющее своей неопределенностью. И кто я со своими родителями в этом звездном круговороте, в который меня затянуло?

Чтобы как-то отвлечься от дурных мыслей, я решил пойти в спортзал. Вызвал Питера по внутренней связи, и предложил потренироваться вместе. С момента начала полета он никогда не отказывался от такого предложения. Впрочем, как и я.

Спортзал на борту был очень хорошо оборудован. Кроме полного комплекта блочных тренажеров с электромагнитными системами сопротивления, заменившими обычные веса, были даже снаряды для занятий с собственным весом. И свинцовые утяжелители, делающие тренировки совсем не скучными.

В зале был даже настоящий октагон, и мы не раз спаринговались. В условиях пониженной силы тяжести ключевое значение приобретала скорость реакции, а масса – наоборот, играла в минус, заставляя преодолевать инерцию. Питер был заметно массивнее. И старше. Поэтому проигрывал по очкам куда чаще, чем я. Хотя до нокаута, разумеется, ни разу не доходило.

Как следует пропотев, мы направились в раздевалку. Так

получилось, что в тот раз мы перепутали шкафчики, вместе с ключами. Это было немудрено: раздевалка представляла собой идеальный квадрат с совершенно одинаковыми дверцами шкафов. Даже люк, ведущий в зал, был точно такой же, как тот, который вел в душ. Совершенная симметрия.

Открыв дверцу, я, наверно, секунд пять соображал, куда делась моя сумка со сменкой и полотенцем. И лишь потом обратил внимание на то, что находилось в шкафу.

Мне было известно, что такие шкафчики – это органическая часть американской культуры. Они пользуются ими со школы, и украшать их – естественная человеческая потребность. Вот и Питер не счел нужным в чем-то себя ограничить.

На внутренней стороне дверцы была закреплена фотография молодого человека. Красивый смуглый парень. Очень спортивный. Видимо, где-то на пляже – он в одних плавках, а рядом – доска для серфинга. Уверенно глядит в камеру, а во взгляде... ну, нет – тут невозможно ошибиться: обожание и какая-то нежность.

– Да мы ключи перепутали! – голос Питера вывел меня из ступора, – держи свой. Бывает же!

– Ага, – кивнул я, и пролепетал: – бывает...

– Через час твоя вахта на мостике. В душе не задерживайся, – Питер улыбнулся мне, и деликатно оттеснил от своего шкафчика.

Я поплёлся к своему, чувствуя, как горят уши. Почему-то

мне резко перехотелось полностью раздеваться в присутствии Питера. Не то, чтобы у меня были какие-то предрассудки. Но одно дело в теории проявлять толерантность, и совсем другое – быть голым в помещении с человеком, которого ты очень даже возможно интересуешь не только так товарищ по полёту. И, хоть до этого Питер никак не проявлял своих склонностей – я не был уверен, что смогу с ним продолжать тренировки.

После этого случая я целую неделю находил разные поводы, чтобы уклоняться от совместных тренировок. Даже пытался начать заниматься с Чжаном, когда Питер был на вахте. Но это было совсем-совсем не то: китайский полковник мог часами медитировать в самых причудливых позах, и оттачивать плавность движений при выполнении форм Цигун или Тайцзи. А я не очень силён был в таких вещах.

Наконец, Питер подошёл ко мне за завтраком в тот момент, когда Чжан был на дежурстве.

– Выкладывай. Что происходит? Я чем-то тебя обидел? Ты получил какие-то указания от руководства насчёт меня? Я фыркнул. Потом посмотрел ему в глаза, и вздохнул.

– Присядем? – сказал я, указывая на столик. Я как раз успел приготовить себе кофе, и он стоял, исходя паром.

Вместо ответа Питер удобно уселся на стуле.

– Слушай, – я попытался собраться с мыслями, – понимаешь, какое дело. Я вырос в довольно консервативном месте. Я, в общем-то, в курсе, что мир давно изменился, и некото-

рые изменения точно к лучшему. Но некоторые мне принять всё ещё довольно сложно. Так уж вышло. И, раз мы вынуждены долгое время делить одно не слишком просторное помещение – единственный выход, это уважать друг друга, и взаимные интересы. Будет меньше проблем, понимаешь?

– Ты о чем? – Питер выглядел растерянно. Он пытался поймать мой взгляд, но я не готов был смотреть ему в глаза сейчас.

– Не понимаешь?

– Нет! – он развел руками.

Я вздохнул.

– В общем, я совсем не против, что у тебя какие-то отношения с парнем, – наконец, решился я, – но понимаешь... мы в открытом космосе. Ещё и в одной раздевалке! Вот если бы среди нас была бы девушка – разве такое было бы нормально? В смысле, против своей природы не попрешь... а мне бы, повторю, не хотелось неприятностей.

Питер сначала округлил глаза в искреннем удивлении. Потом рассмеялся – весело и непринужденно.

– Ты решил, что я гей? – спросил он, отсмеявшись.

– А ты нет? – спросил я осторожно.

– Нет! – Питер покачал головой, – я тоже ничего не имею против геев. Но, чтобы ты знал – в ЦРУ и НАСА до сих пор существуют ограничения для представителей другой ориентации. Об этом не любят говорить вслух, но это факт. Причём факт разумный. Ограничения снял только Пентагон, и

то относительно недавно – под давлением общественности. Они слишком публичные, ничего не попишешь. Но, если ты открытый гей – то в ЦРУ ты не попадешь.

– А если закрытый? – поинтересовался я.

– Попасть можешь, – кивнул Питер, – но только до тех пор, пока руководство случайно о тебе узнает. А когда это случится – вылетишь без пенсии.

– Ясно, – кивнул я, и добавил после небольшой паузы: – а кто этот парень? На фотографии.

Питер опустил глаза, и надолго замолчал. Было видно, что он испытывает какие-то сложные эмоции: то желваки играли на лице, то он тихо, как бы украдкой вздыхал. Я терпеливо дождался.

– Мой напарник, – решил он, наконец, – очень близкий друг. Благодаря ему я оказался в организации. Благодаря ему сделал хорошую карьеру.

– Настолько близкий друг, что ты держишь перед глазами его пляжное фото? – спросил я.

– Он умер, – ответил Питер ровным голосом, – а это – его единственная случайно сохранившаяся фото. Я скачал её со смартфона одной из фигуранток, хранившемся в архиве.

– Мне жаль, – я покачал головой, – извини.

– Это ещё не всё, – добавил Питер после очередной паузы, – он умер из-за меня.

– Провал на службе?

– Нет. Все гораздо хуже. После того, как мы оба оказа-

лись в управлении, где занимаются такими вещами, вроде тюрвингов, у нас было что-то типа соревнования. Мы были уверены, что удастся раскрыть алгоритм, благодаря которому можно стать хозяином... и, в целом, мы были правы. Я нашёл нужный алгоритм в одном древнем аккадском манускрипте. Держал это в тайне от Боба, потому что... ну, ты сам понял. У нас было соревнование. Это давало нам силы переживать всё это дерьмо.

Питер вздохнул, и уставился на отполированную белую поверхность кухонного стола. Помолчал.

– Мне кажется, он знал... был ряд признаков. Но мне не говорил, потому что это было бы не спортивно. У него всегда было намного лучше с лингвистикой, чем у меня, и он не верил, что я смогу самостоятельно расшифровать информацию о ритуале. Но упрямство мне здорово придало сил. Боба было очень сложно в чём-то превзойти, если понимаешь, о чём я. Он был гребанным идеалом...

Снова большая пауза. Я украдкой поглядел на часы над люком, ведущим в главный коридор. До смены вахты оставалось совсем не много времени, а я очень хотел услышать эту историю до конца.

– Я так понял, ты во всём разобрался, – осторожно произнёс я.

– Верно, – кивнул Питер, не поднимая глаз, – я разобрался. Завладеть этой штуковиной оказалось до обидного просто. Сам ритуал – не значил вообще ничего. Важно было про-

сто его активировать. И тогда тюрвинг убивал самое дорогое, что у тебя есть. Чаще всего это был самый близкий человек, но в истории, как я узнал позже, бывали и исключения. Некоторые прежние хозяева теряли любимых псов – потому что любили собак больше, чем людей.

– Кого ты потерял, Питер?

– Разве не очевидно? – он поднял взгляд, и посмотрел мне в глаза. Это было странное зрелище – застывшие в зародыше слёзы на суровом мужском лице. – Я любил Боба. Не как гей – в этом смысле он меня не интересовал. Но у меня не было человека ближе. Понимаешь? Мои родители отказались от меня, когда мне было три. Они были наркоманами, и давно погибли. Я сменил пять приёмных семей. Понимаешь, я был еще той занозой в заднице... пока не нашел себя, и у меня не появилась цель. А Боб... он был живое воплощение моих идеалов. И первое, что сделал этот проклятый тюрвинг – это убил его. У меня на глазах... – Питер вздохнул и тоже посмотрел на часы, – он узнал, что я добился пропуска в хранилище. Наверно, хотел меня остановить... теперь уже и не узнаешь. Он умирал тяжело. Это проклятая штуковина разрубила его почти пополам, чуть ниже талии – но я зачем-то на автомате пережал самые важные артерии... это продлило его агонию. Рядом дежурили военные медики, специалисты по военным травмам. Просто так получилось. Его даже успели доставить в отделение интенсивной терапии, и начать операцию – представляешь, современные хирургические техно-

логии могут даже шивать половинки людей! Успели подключить все аппараты, которые поддерживали его в живых, — он вздохнул, — а потом эта адова штуковина перебила всю хирургическую бригаду...

Я опустил взгляд; мне нечего было сказать.

— Так что знаешь что. Если решишь когда-то поделиться тем, что бы потерял, чтобы заполучить свой тюрвинг — избавь меня от подробного рассказа, хорошо? — сказал Питер, потом кивнул на часы, и добавил: — я на вахту.

После этого разговора мы возобновили регулярные тренировки. Удивительно, что даже в таких обстоятельствах мне удалось войти в ритм рутины. Близость бесконечной пустой бездны, и все увеличивающаяся пропасть между нами и Землей перестала давить на нервы. Я проводил положенное время на вахтах на мостике. Потом шел тренироваться. Потом смотрел сериалы в корабельной сети, читал книги или учился. Выбор в корабельной сети был колоссальным!

На второй неделе мы ещё раз собирались в посадочном модуле, и отключали подслушивающие устройства. Пытались догадаться, что случилось на Земле, из-за чего нам запретили даже смотреть на искусственную структуру на обратной стороне Луны. Гипотез было много — и ни одна из них не была достаточно правдоподобной, чтобы я мог в нее поверить.

Время шло незаметно.

Марс из обычной красноватой звездочки превратился в

горошину. Потом – в фасолину. Сливу. Яблоко... наверно, я мог бы продолжать этот фруктовый ряд, потому что свежих фруктов на борту и правда не хватало. Все-таки консервированное пюре – это совсем не то.

В одну из последних вахт Марс уже напоминал небольшую рыжую дыню. Корабль был развернут к планете кормой, но мостик стоял на специальной мачте, позволяющей поворачивать кабину с наблюдателем в любом направлении, и у меня был прекрасный вид на приближающийся мир, лишь слегка закрытый защитным щитом, и приглушённым мерцанием плазменного двигателя.

Была ровно середина ночной вахты; Питер и Чжан спали в своих каютах. А на центральном пульте вдруг ожил экран дальней видеосвязи.

О полноценном диалоге на таком расстоянии говорить не приходилось. Поэтому правильнее было бы назвать это посланием.

На экране возникла Катя. Она была в каком-то тесном закрытом помещении, одна. По крайней мере, никого другого не было в поле зрения. Она поглядела в камеру, изобразила нечто вроде ободряющей улыбки, и сказала:

– Привет, Гриша. Рада буду тебя увидеть, когда вернётся сигнал. Ты молодец – отлично переносишь полёт. Времени не очень много, поэтому сразу к делу. Вы прилетели достаточно быстро – по нашим расчетам то, что уничтожает земные артефакты, прибудет к Марсу только часов через сорок

– пятьдесят. Поэтому перед выходом на стационарную орбиту, где вы будете ждать прибытие этого нечто, корабль делает еще один манёвр. Нам нужно, чтобы ты внимательно и пристально посмотрел на один из спутников Марса, Фобос. НАСА после долгих переговоров предоставило свои архивы, и мы обнаружили следы серьезных электромагнитных аномалий. Если это артефакт – возможно, его обнаружение даст нам преимущество. Сближение произойдет до конца твоей вахты. В случае обнаружения действуйте по обстановке, – Катя вздохнула, и сделала секундную паузу, – с учетом обстановки, нам пришлось раскрыть твои способности. Так что скрывать что-то от команды нет необходимости. Старайтесь действовать заодно и в общих интересах. Удачи, Гриша.

С этими словами Катя отключилась.

– Принято, – сказал я, и угрюмо посмотрел в камеру.

На мониторах обновилась траектория сближения. Я увидел схематическое изображение Фобоса. Неровная глыба, в форме груши. Совсем не похожая на Луну. Время тянулось мучительно медленно. А в голову лезли разные нехорошие мысли о цене, которую приходится платить хозяевам турвингов.

То, что этот спутник, Фобос, не был естественным образованием стало понятно ещё на подлёте. Из грушевидного

каменного тела, усеянного кратерами, торчали две огромные решетчатые фермы – мачты, с утолщениями на конце. Та мачта, которая выходила из узкого конца «груши» была примерно в два раза длиннее, а утолщение на её конце значительно тоньше того, которое красовалось на мачте, выходящей из толстого конца. «Вероятно, противометеоритная защита и двигатель», – предположил я.

По мере приближения проступали более мелкие детали: куполообразные сооружения на поверхности, какие-то пенные наросты, скопления труб и других технических сооружений.

– Выглядит странно, да? – Питер вплыл на мостик незаметно; уже несколько часов, как корабль летел по инерции, без торможения, – хотя, как мне кажется, единственное разумное. Построить звездолёт на базе астероида! Под рукой – неограниченное количество рабочего тела для реактивного движения, и внутреннее пространство позволяет хоть как-то решить неизбежно возникающие психологические проблемы при долгом межзвездном перелёте.

– Почему ты решил, что это корабль? – спросил я, не оборачиваясь.

– А гляди: вон, спереди – явно эмиттер защитного поля против микрометеоритов. Или, возможно, ловушка для межзвездного газа. А сзади – движок. Очень похожий на наш, только в сотни раз больше.

– Ясно, – сказал я, откидываясь в кресле, и потягиваясь, –

ты не особенно удивлён, да?

– А чего удивляться? – Питер пожал плечами, – наши специалисты НАСА давно говорили, что с этим спутником что-то не так. Аномально сильное магнитное поле. И странности с исследованиями. В конце восьмидесятых два советских аппарата, направленные специально к Фобосу, просто исчезли, когда достигли цели, не передав никакой полезной информации. Теперь понятно, почему. Не так ли?

– Теперь совершенно очевидно, почему, – к нам присоединился Чжан, – по правде говоря, я до последнего не верил насчет тебя. Все-таки, владеть тюрвингом и быть видящим – две огромные разницы.

– А мы не сомневались даже, – не оборачиваясь, я почувствовал, что Питер улыбается, – даже убить его хотели именно поэтому. Нам были известны некоторые обстоятельства обнаружения его тюрвинга, и наш анализ показал, что он – видящий с вероятностью около девяносто процентов.

– Каково это? А, Алексей? – китаец вплыл в моё поле зрения, и устроился в соседнем кресле, пристёгивая ремни, – что ты чувствуешь, когда проявляешь артефакты?

– Да ничего не чувствую, – я пожал плечами, – это, скорее, у вас спросить надо – каково это, когда вдруг начинаешь замечать очевидное.

Питер и Чжан переглянулись.

– Ты тоже пристегнись, – китаец обратился к Питеру, – по расписанию манёвр через пять минут. Импульс до одного

же, вне главной силовой оси.

– Нифига себе! – удивился американец, – крутой заход!

– Ребята на Земле, очевидно, спешат, – ответил Чжан, – наверно, боятся, что эта штука, когда поймёт, что мы её увидели – ломанётся из системы на максимальном ускорении.

– Разумно, – кивнул Питер, – я бы точно так и сделал.

– Поглядим, – ответил Чжан, неопределённо махнув рукой.

Импульс был действительно довольно резким. Я бы мог удариться головой, или потянуть шею – если бы не специальная форма спинки, которая, очевидно, предусматривала и такие случаи.

– Они что, планируют нас посадить на этой штуковине? – изумленно проговорил Питер, глядя на стремительно приближающуюся серую, покрытую кратерами поверхность, – наша посуда для такого не предназначена!

– Не переживай, – ответил Чжан, – сближение с астероидами возможно. Тут даже есть причальные мачты, чтобы погасить инерцию сближения. Это сделано специально, наш проект изначально предназначался для поиска ценных ресурсов в поясе астероидов.

– Может, они еще и захотят, чтобы мы наружу вышли? – ворчливо заметил Питер.

И в этот момент ожил экран межпланетной связи.

Операторы снова не поскупились на передачу видекартинки. С экрана на нас смотрел китайский генерал;

его американский коллега, Катя, и некоторые другие члены, представляющие заинтересованные стороны, расположились чуть в отдалении, но в поле зрения.

– Приветствую, коллеги, – начал генерал, – в этот момент вы приступаете к финальному сближению, с последующим контактом с поверхностью спутника. По нашим данным, корабль функционален. Тщательно проанализировав опыт с челноком, в котором участвовал Алексей, мы сочли риск оправданным. Возможно, этот корабль – наш единственный шанс справиться с тем, что уничтожает наши аванпосты. Попробуйте проникнуть на борт. Мы предоставляем вам широкие полномочия по ведению переговоров. Узнайте, можем ли мы что-то предложить хозяевам этой штуки, ради чего они бы вступились за нас. И могут ли они в принципе помочь нам. Обещайте все, что угодно, любые ресурсы, которые есть в нашем распоряжении, если это обеспечит выживание нашего мира. Если не будет возможности связаться с нами для принятия решения – у вас есть право принимать такое решение самостоятельно. После посадки воспользуйтесь вакуумными скафандрами. Корабль остановится в секторе, где есть структуры, по мнению наших аналитиков, похожие на входную шлюзовую группу. Учитывая возможность крайне важных переговоров мы предлагаем всем участникам полёта присоединиться к десантной группе. Так, по крайней мере, будет представлено максимум заинтересованных сторон. Ждем доклада о результатах. Конец связи.

Изображение генерала исчезло.

А в следующую секунду нас ожидал сюрприз. Рябая поверхность спутника, зависшая прямо напротив рубки, вдруг вздрогнула, и отъехала в сторону. Наш корабль уже успел выпустить телескопические причальные лапы, которые должны были погасить инерцию, и теперь они исчезали во тьме, которая разверзлась в чреве Фобоса.

– Держитесь! – успел выкрикнуть я, и схватился за поручни кресла.

Как раз в тот момент, когда рубка вслед за опорами нырнула во тьму, включился свет. Мы вместе с кораблём оказались в огромном помещении, сплошь обшитом изнутри какими-то белыми листами. Никаких источников света – ламп или прожекторов – я не заметил. Похоже, светилась сама обшивка. Причем довольно ярко. Интересное техническое решение: в ангаре (а в том, что это были именно ангар, никаких сомнений не было) не было тени. Что делало любые работы максимально безопасными.

– За что держаться и зачем? – спокойно спросил Чжан.

Телескопические ноги нашего корабля уперлись в палубу, и плавно погасили инерцию. Мы впервые ощутили слабое тяготение Фобоса. Интересное и странное ощущение: тяжести почти не прибавилось, но вестибулярный аппарат уже реагировал, определяя понятия верха и низа.

– За поручни, – пояснил я, – а то можно неловко оттолкнуться, и удариться головой о потолок.

– Тут мягкие потолки, – заметил Питер, – но замечание дельное.

В этот момент створки, пропустившие нас внутрь, закрылись.

– Интересно, а обратно нас выпустят? – спросил Чжан.

– Так давай пойдем, и выясним это, – ответил американец, отстегиваясь.

Я ещё раз внимательно оглядел ангар. Потом перевёл взгляд на экран с показаниями приборов.

– Ребят, а это не просто ангар! – воскликнул я, – это – шлюз! Там уже есть воздух!

– Да ладно, – Питер заинтересованно поглядел на монитор, – и впрямь. Давление почти атмосферное. Так быстро! И кислорода двадцать процентов...

– Но выходить все равно следует в скафандре, – сказал Чжан, – как быстро накачали воздух – так же быстро могут и откачать. Да и биологическую опасность никто не отменял.

– Мы итак в их власти, – я пожал плечами, – не думаю, что мы чем-то рискуем, принимая предложение дышать их воздухом.

– Ты уверен, что это предложение? – спросил Питер, – меня волнует, почему нас никто не встречает...

– Возможно, сработали автоматы, когда мы приблизились, – предположил Чжан.

– Как на челноке, – добавил я, – ладно. В общем, скафандры надеть стоит. А дальше – по обстоятельствам.

Когда мы ступили на палубу, стало понятно, что ангар, мягко говоря, не был новым: некоторые панели едва заметно мерцали, многие были поцарапаны, виднелись даже трещины. На самой палубе, покрытой каким-то мягким черным материалом, виднелись многочисленные потёртости. По рисунку этих потёртостей я понял, что когда-то тут размещалось как минимум три аппарата. Вероятнее всего – спускаемых челнока, предназначенных для работы на планетах.

– Проверка связи. Прием! – сказал Питер, и постучал себя по шлему.

– Принимаю, – ответил я.

– Принимаю, – этом отозвался Чжан.

Вход долго искать не пришлось. Мы двинулись вдоль потёртостей, за годы службы сформировавших что-то вроде колеи, и оказались в тоннеле, квадратного сечения, высотой метра три. Метрах в десяти от ангара тоннель был перегороден створками. Когда мы приблизились, створки разъехались в стороны. Под ногами ощущалась легкая вибрация. Внешние микрофоны донесли легкое поскрипывание.

– Похоже, нас приглашают, – констатировал Питер.

– Как будто итак не было понятно, – отозвался китаец.

Мы синхронно двинулись дальше. Передвигаться, кстати, быстро не получалось: чуть не считаешь усилие – и макушкой шлема врежешься в потолок. А я совсем не был уверен, что он тут мягкий, как у нас на корабле.

Мы прошли створки, и они плавно закрылись за нами.

– Не нравится мне это, – сказал я, – как в ловушке.

– Мы и есть в ловушке, – спокойно констатировал Чжан, – а вот вырвемся ли мы отсюда – зависит от того, не переоценило ли наше руководство значимость будущих переговоров.

– Если тут будет с кем говорить, – заметил Питер, – пока что всё, что мы видим, не противоречит гипотезе об автоматах.

Словно специально для опровержения его слов из-за поворота тоннеля на нас вышла девушка. Красивая, блондинка, с пышными формами. В вечернем платье, с макияжем и даже при драгоценностях.

От неожиданности я забыл опустить ногу, которой примерялся к следующему полушагу-полупрыжку.

– Скафандры излишни, – сказала девушка, продолжая шагать в нашу сторону летящей походкой, – воздух стерилен, и безопасен по химическому составу для земных организмов.

Мы с Питером переглянулись. Чжан вместо ответа открыл визор шлема, и сделал глубокий вдох.

– Вопрос доверия, – пояснил он, обращаясь к нам, – скафандр в нашем положении ничего не решает.

Я не был с ним полностью согласен, но счел нужным в данной ситуации последовать его примеру.

Воздух внутри инопланетного корабля, замаскированного под планетоид, был стерильным и безвкусным.

Чжан не остановился на этом. Открыв задний люк, он по-

кинул скафандр. Наверно, я бы хотел сказать, что это было вопиющим нарушением всех процедур, и вообще полным безумием – но дело в том, что таких процедур не было. Весь наш полёт строился на том, что мы столкнёмся с чем-то таким, для чего бесполезно придумывать процедуры.

– Кто вы? – решил спросить я, когда вылез из скаффандра, и остался в одном полётном комбинезоне.

– У меня, к сожалению, нет имени, – ответила девушка, – но мне было бы приятно, если бы вы называли меня Алисой. Я очень давно изучаю земные культуры. Ощущаю себя во многом почти землянкой. И мне нравится это имя.

– Хорошо... Алиса, – сказал я, – с именем мы разобрались. Но не могла бы ты рассказать о себе немного больше? Мы немного растеряны, как ты можешь видеть.

– Говори за себя! – вмешался Питер, – ничего я не растерян!

Я развел руками, и улыбнулся.

– Что ж, – Алиса улыбнулась в ответ, – я хотела сохранить интригу как можно дольше. Признаюсь, мне нравится, когда меня принимают за живого собеседника. И мой разум почти ничем не уступает человеческому, а кое в чём и превосходит. Да-да, уже догадались, вижу, – она грустно опустила уголки губ, – я искусственный разум, управляющий этим кораблём. Довольно распространённая концепция, не так ли? А что делать? Как по-другому вести эту махину к звездам? Ни один человек из плоти не выдержит тысячи лет опустошаю-

щей пустоты! – она в патетическом жесте раскинула руки. Я невольной залюбовался её игрой, и чуть ли не против собственной воли пару раз хлопнул в ладоши. Чжан меня поддержал.

– Знала, что вы оцените, – улыбнулась Алиса, – я долго работала над этим аватаром, продумала все детали. И, похоже, сработало, – она подмигнула мне, после чего неожиданно повернулась к нам спиной, открыв смелый вырез на платье, и роскошную корму, – можете смотреть, но потрогать не получится, – словно увидев мою реакцию, прокомментировала она, – это голограмма.

Впрочем, почему «словно»? Тут ведь наверняка всюду камеры. Я внимательно оглядел коридор. Никаких подозрительных приборов не заметил, но это, конечно же, ни о чем не говорило.

– Пойдемте со мной, в салон. Нам нужно многое обсудить. И разговор будет долгим, – добавила Алиса, не оборачиваясь. Нам ничего не оставалось делать, как идти следом.

Салон оказался довольно просторным помещением. Тут даже имелись голографические окна, за которыми отрывались красивые инопланетные пейзажи: острова в море, покрытые пышной фиолетовой растительностью, семейство каких-то мохнатых животных, расположившееся на отдыхе в саванне, и заснеженные горные вершины. Горы были бы неотличимы от земных, если бы не зеленоватый оттенок неба.

Мы разместились на некоем подобии кресел – круглых подушках с высокими спинками, обитых белым пружинящим материалом.

– Спасибо, что прилетели, – начала Алиса, – был небольшой шанс, что вы направитесь мимо, и это сильно усложнило бы ситуацию.

– Вы направляли приглашение? – спросил Чжан.

– Что вы, – улыбнулась Алиса, – это бы сильно снизило шансы на ваш визит. Я сидела тихо, как мышка. И ждала вас.

– Зачем вы здесь, Алиса? – спросил я.

– Правильный вопрос, Гриша! – ответила она, – что ж. Надо же с чего-то начинать. Так почему бы не с этого? Поскольку я знаю о вас всё, ситуацию надо как-то выровнять, для полноценного диалога.

Я точно помнил, что не представлялся. Значит, таким образом нам дали представление о степени своей осведомлённости.

– Когда мы... – она осеклась, потом продолжила, – все-таки, правильное будет сказать «мои создатели», хотя, конечно же, я в полной мере отношу себя к нашей цивилизации. Просто меня в то время не было. Так вот, мы успели достаточно развиться, чтобы заинтересоваться межзвездными перелётами. И этот корабль – он должен был стать кораблём – семенем. Из него должна была вырасти полноценная колония в новом мире. А после того, как нашего родного мира не стало, этот корабль остался единственной надеждой нашей

цивилизации на возможное возрождение. Можете представить себе наше удивление и разочарование, когда мы прилетели, и обнаружили на месте стремительно развивающуюся цивилизацию?

– Почему вы не попытались нас уничтожить? И занять наше место? – спросил Чжан.

– Мы пытались, конечно, – Алиса пожала плечами, – но понимаете – это ведь не военный корабль. Мы никогда не планировали воевать. Это – первая вылазка в большой космос нового мира. Мы большие надежды возлагали на вирусное оружие. Но вы оказались на удивление живучи. Несколько раз мы почти создали достаточно мощную заразу, но каждый раз что-то шло не так: или вирулентности не хватало, или летальность была сильно ниже расчётной.

– То есть, вы признаете, что вели против нашего мира недружественную деятельность? – вмешался Питер.

– А что тут не признавать-то? – Алиса всплеснула руками, – да вы ведь и сами о многом уже догадывались, не так ли?

Я переводил взгляд с Чжана на Питера. Похоже, эти двое действительно знали намного больше моего, и не выглядели удивлёнными. А ведь должно было быть по-другому!

– Но не это главное, – продолжала Алиса, – одна из первых вещей, которую мы обнаружили – это ваша, земная абсолютная слепота к инопланетным технологиям. Это – уникальное свойство. И мы совершенно уверены, что оно создана искус-

ственно. И мы прикладывали значительные усилия для того, чтобы открыть эту тайну. Пока, к сожалению, безуспешно.

– У Марса вы остались потому, что основа вашего корабля – естественный планетоид, да? – уточнил Питер, – но ведь это жутко неудобно для координации миссий!

– Неудобно, – согласилась Алиса, – а куда деваться? К тому же, и Марс, и пояс астероидов очень интересны для исследования. Две огромные могилы двух могущественных цивилизаций... нам даже удалось освоить кое-какие новые технологии. Мы, кстати, уверены, что в прошлом они воевали. Наверно, поэтому и погибли до того, как их считали.

– Что с ними сделали? – переспросил Чжан.

– Упс, – Алиса прикрыла рот ладошкой, – похоже, проболталась. Вы ведь ещё не догадались, что происходит, да? А все почему? Все потому, что реальность слишком чудовищна, даже для того, чтобы её предположить.

– Вы... поделитесь с нами этим знанием? – осторожно спросил Питер.

– Конечно, поделюсь! – улыбнулась Алиса.

– Что вы захотите взамен? – спросил Чжан.

– Для того, чтобы назвать свою цену, и предмет переговоров, вы должны точно понимать, что происходит, и почему, – ответила Алиса, – иначе любой торг будет совершенно бесполезен, не так ли? Конечно, мне бы хотелось, чтобы вы были более сообразительными, и догадались хотя бы о чём-то. Но пока, насколько я вижу, все ваши теории, даже самые

смелые, очень далеки от истины.

– Мы все внимание, – сказал Питер.

– Что ж... может, хотите воды? Или чаю? Разговор предстоит долгий! – предложила Алиса.

– Спасибо, я потерплю, – ответил я.

Питер и Чжан отрицательно покачали головами.

– Ну как хотите, – улыбнулась Алиса, – давайте начнем с азов. Кто из вас знаком с правилом Тициуса-Боде? – спросила она.

Чжан поднял руку. Мы с Питером переглянулись, и отрицательно помотали головами.

– Блестящие умы, верно? Удивительно, почему так мало внимания этому открытию уделялось в последующие века! – вдохновенно продолжала Алиса.

– Речь о геометрической прогрессии, описывающей расстояние между планетами Солнечной системы, – пояснил Чжан, – эти ученые первыми обнаружили эту закономерность эмпирически.

– И только в последнее время появились робкие попытки как-то объяснить этого слона в комнате, верно? – улыбнулась Алиса, – вы-то хоть не верите в этот бред насчёт гравитационного резонанса?

– Некоторые расчеты выглядят довольно убедительно, – китаец пожал плечами, – да и Нептун спутал все карты.

– Нептун, как несложно догадаться, захваченная совсем недавно планета – странник, – ответила Алиса, – это же оче-

видно. Только поэтому он не вписывается в правило Тициуса-Боде. Ну хорошо. Допустим, гравитационный резонанс. Но как насчет другого слона в комнате? – она снова ослепительно улыбнулась, – великое разнообразие химических элементов, и присутствие сразу всей таблицы Менделеева на планетах земной группы? Вы правда считаете, что это «дело рук» далёких сверхновых? Да ладно, хоть кто-то бы попытался посчитать вероятность такого развития событий, благо весь математический аппарат для таких расчетов у вас есть! А знаете, почему ваши ученые этого до сих пор не сделали? Потому что любые другие альтернативные идеи предполагают внешнее вмешательство, – она торжествующе нас оглядела, и продолжила: – сейчас вы уже знаете, что во Вселенной наличие планет у звезды – это, скорее, правило, чем исключение. И это правило совершенно не вписывается ни в какие расчеты естественной эволюции звездной среды. Но пока вы отложили исследование этого важнейшего вопроса в долгий ящик, чтобы не тревожить и не будоражить зря научную общественность.

– Алиса, к чему вы клоните? – спросил Питер, – мы говорим уже довольно давно, но даже не приступили к обсуждению действительно важных вопросов...

– Питер, – вмешался китаец, – не сейчас. Этот вопрос действительно важен. Я знаю, куда она клонит.

– Спасибо, И Вэй, – улыбнулась Алиса; так я впервые услышал имя своего коллеги по полёту – от инопланетного

компьютера, – вы верно догадываетесь. Почти все планетные системы, по крайней мере, в нашей Галактике, созданы искусственно. Более того – я могу даже показать технологии создания планетной системы. Хотя признаюсь: мы сами узнали такие подробности совсем недавно.

Алиса хлопнула в ладоши, и свет в салоне померк. В одном из окон появилось изображение звезды.

– Этот молодой желтый карлик – ваше Солнце, примерно семь миллиардов лет назад, – прокомментировала Алиса. Изображение звезды, приглушенное достаточно, чтобы на его поверхность можно было смотреть, стремительно приближалось, – мы немного увеличим масштаб, иначе вы не разглядите самого главного, – добавила она, – когда кипящий океан занял всё окно, в его центре появилось что-то вроде оптического искажения. Как будто вдруг в пространстве перед светилом возник маленький хрустальный шарик, – это – открытие червоточины, – пояснила Алиса, – сейчас оттуда появится около кубического километра вещества нейтронной звезды. Вы его не разглядите, это песчинка в таком масштабе. Но смотрите, что будет дальше! – хрустальный шарик исчез. А на поверхности звезды появился огромный протуберанец. Буйство раскалённой материи заполонило экран. Воображаемая камера стремительно увеличила масштаб изображения, и мы смогли увидеть, как существенная часть материи Солнца, закручиваясь спиралью и медленно остывая, формирует овальный пульсирующий

объект, летящий в пространство от звезды по раскручивающейся спирали, – это – рождение Юпитера, – пояснила Алиса, – один из калибровочных выстрелов. Удивительно, правда? Газовые гиганты в планетных системах – это результат именно такой калибровки. Ваша система, кстати, экспериментальная. Калибровка выбрасывала газовые гиганты на внешние орбиты. В более молодых системах они остаются внутри, рядом со звездой, чтобы со временем вернуть ей заемное вещество, и продлить время термоядерной реакции, – Алиса сделала паузу, и оглядела нас, – да-да, вы верно все понимаете. Вещество нейтронной звезды дает разнообразие химических элементов. На вашей Земле до сих пор находят уран! Это ли не чудо инженерии? За то, чтобы планеты могли поддерживать жизнь – их звезды платят собственной кровью. Мы все – цивилизации второй и последующих волн – искусственно созданные дети раненых звезд, – она снова улыбнулась, вздохнула, и скрестила на груди руки.

– Очень поэтично, – заметил я.

– Правда? Вы так думаете? – щеки голограммы тронул едва заметный румянец; она потупила глаза, – я рада, что у меня получается.

– Давайте всё-таки вернёмся к этому во всех отношениях интересному разговору, – вмешался Чжан, – кто обладает такими технологиями? И главное – для чего он это делает?

– О, это совсем просто! – Алиса покачала головой, – и кое-кто из ваших лучших умов уже начал догадываться, как

обстоят дела на самом деле. Посмотрите на эту Вселенную, – она повела рукой, и изображение за всеми окнами наполнилось звездами, скоплениями, галактиками, газовыми облаками, и прочими астрономическими объектами, – посмотрите, как она сделана. И попробуйте представить себе – что является конечной целью именно такого дизайна? Что производит такая удивительная конструкция?

– Вы задаёте вопрос, над которыми бьются лучшие философы, – заметил Питер, – и все тщетно. Неужели думаете, что у двух астролётчиков получится лучше?

– Во-первых, не просто астролётчиков, – улыбнулась Алиса, – а во-вторых, вы уже получили такую информацию, о которой ваши земные коллеги могут только мечтать. Ну что? Будут попытки ответа?

– Энергия – величина постоянная... материя и есть энергия... в присутствии материи возникает... время? – вслух рассуждал Чжан, – Вселенная порождает время?

– Интересная мысль, – благосклонно кивнула Алиса, – но нет. Время – всего лишь распорка, которая позволяет структурировать то, что действительно важно. Ну? Не догадались?

Мы переглянулись. Я отрицательно покачал головой.

– Вселенная непрерывно производит информацию, – сказала Алиса, – а больше всего информации рождается на населенных планетах, в мирах, где есть жизнь. Вы представляете, да? Вы – существо с могуществом бога. Не важно, как вы его получили: развились ли сами из дикой цивилизации пер-

вой волны, или же просто спроектировали и создали эту Вселенную. Это не так важно. Важно, что теперь вы можете её использовать, чтобы искусственно выращивать миры, производящие невероятное количество сложной информации. Особенно это касается миров, где есть достаточно развитая цивилизация. Но сразу оговорюсь: в определенный момент, когда цивилизация вплотную приближается к информационной сингулярности, приходит время снять сливки. Иначе ваш собственный продукт разовьется достаточно, чтобы сбежать в другую реальность, прихватив с собой всё то, что выращивалось миллионы лет! Как правило, сингулярность наступает вскоре после открытия квантового принципа исчислений.

– Но... зачем? Зачем кому-то такой поток информации, описывающий совершенно чужой мир?

– Вы реально не понимаете? До сих пор? Даже глядя на меня? – Алиса весело засмеялась, – как вы думаете, какая самая страшная вещь для бессмертного трансцендентного существа? Или существ?

– Скука, – ответил я, повинуясь какому-то наитию, – смертельная скука...

– Григорий! – Алиса картинно приподняла брови, – а вы меня удивляете! Браво! Вы можете представить себе степень скуки, которую может испытывать существо, равное богу по возможностям? Я тут меньше двухсот земных лет, но уже освоила большинство доступных на Земле культурных ко-

дов. Перечитала все книги. Пересмотрела все сериалы. И мне необыкновенно тяжело удерживать стабильность моего разума. Я просто не была рассчитана на такой срок бездеятельной орбитальной работы; я должна была поддерживать и развивать целую колонию – а стала орбитальным шпионом – диверсантом... Если бы не ваше появление, и последние события – рано или поздно я бы сошла с ума.

– Как это происходит? – спросил Питер севшим голосом, – как забирают эту... информацию? Что с ней происходит дальше?

– Отличный вопрос, но, полагаю, тут вы точно уже догадались, благодаря моей оговорке, – ответила Алиса, махнув рукой – звезды за окнами снова сменились красивыми пейзажами, – готовые миры считывают. Прилетает специальное устройство. Начинает работу с того, что подчищает все следы технологического пребывания в системе, все зонды и межпланетные станции, которая цивилизация успела наплодить. А потом добирается до самой планеты. Скажу честно: мы не знаем технологию считывания. Знаем только, что она позволяет надежно зафиксировать всю полученную информацию. Но при этом структура носителя полностью разрушается. Считанный мир превращается в пылевой шар, состоящий из самых простых элементов... и знаете, что я обнаружила, изучая и сравнивая культуры моего и вашего миров? На уровне коллективного бессознательного разумные существа чувствуют собственную судьбу. У вас ведь тоже широко

распространены мифы о конце света? И последующем существовании в некоем пространстве, где не действуют обычные законы, необходимые для накопления информации? Это про то место где «лев возлежит с агнцем».

– Я так понимаю, процесс уже начался, – сказал я, – сколько ваших агентов еще остаются на Земле? Когда они собираются эвакуироваться?

– О, Гриша! – Алиса ослепительно улыбнулась мне, – иногда ваш ум работает даже слишком быстро, и пропускает важные детали. Но я всё же отвечу на ваш вопрос. Нисколько. Последние два погибли у вас на глазах, когда ваша коллега использовала устройство локального замедления времени. Мне их ужасно жаль. И наш орбитальный модуль-ретранслятор жаль тоже. Но они погибли не зря, и хорошо, что не вступили в переговоры. Иначе мне было бы куда труднее добыть такой приз, как вы.

Её слова должны были меня сильно насторожить в тот момент. Но на наши головы в тот моменты упало столько информации, причем информации важнейшей, глобальной, переворачивающей всё представление о мире, что я просто не заметил скрытую угрозу.

– Но вернёмся к деталям, – продолжала Алиса, – разве вам не интересно, как именно хозяева узнают, когда планета достаточно «созрела» для сбора урожая?

– Интересно, – холодно заметил Чжан, – договаривайте уже.

– Они оставляют триггер в труднодоступном месте. Как правило, на спутнике планеты – но это не догма. Это могут быть и океанские глубины, и сверхвысокие горы. Главное – это примерный расчет уровня технологического развития, которого должна достичь цивилизация, чтобы оказаться в этом месте. Любопытные разумные существа лезут в это нарочито искусственное сооружение, единственное предназначение которого – это дать сигнал информационному пастуху, что телёнок вырос, нагулял жирок, и готов идти под нож.

Меня передернуло от этого сравнения, но, судя по рассказанному, оно было достаточно точным.

– И... это случилось с вашим родным миром? – спросил я.

– Это случилось с моим родными миром, – кивнула Алиса, – по какой-то прихоти мы обнаружили триггер уже после запуска этого межзвездного зонда. Достаточно редкий случай.

– А свой триггер на обратной стороне Луны мы вообще не должны были обнаружить, – вмешался Чжан, – если бы не космонавт – видящий, которого запустили русские.

– Верно! – широко улыбнулась Алиса, – и тут вы правы! Вас кто-то пытался сохранить. Кто-то добавил баг в первоначальную конструкцию, который должен был позволить вашей цивилизации благополучно дожить до информационной сингулярности! И так бы и произошло – если бы не ряд других багов, благодаря которым появились видящие. И орга-

низации, придумавшие, как использовать их талант для всеобщей гибели. Представляете, как нам было интересно – кто бы это мог быть? Жаль, но этого мы так и не узнали. Зато смогли разобраться с технологией, и при необходимости можем ее повторить. Мы её даже усовершенствовали. Смогли найти способ, чтобы исключить появление видящих. А потом мы обнаружили и другие, не менее удивительные и странные вещи, связанные с вашим миром.

– Вы... вы знаете, как это остановить? – спросил я, – то, что надвигается на Землю?

– На том этапе, где мы с вами находимся, это уже не остановить, – Алиса покачала головой, – Думаю, Земле осталось дня три-четыре. Но могу поделиться с вами радостью. Благодаря вам, я получила уникальную возможность помочь своему дорогому и любимому миру!

В тот момент, когда она произнесла эти слова, я почувствовал неладное. Тело словно начало наливаться тяжестью. Прошла пара секунд, и это ощущение только укрепились. Я поднял руку. Рука была тяжелой.

– Что происходит? – спросил Питер, сидя в кресле с прямой как струна спиной, – я не могу двигаться. Я не могу подняться! – его лицо перекопилось от напряжения, я видел, как взбугрились мышцы у него на ногах, но он по-прежнему сидел на месте, – это что, ускорение?

– Зачем вы это делаете? – спросил Чжан; он тоже оставался на своём месте.

– Чтобы избежать возможных недоразумений, – кокетливо улыбнувшись, ответила Алиса, – и да, мы действительно ускоряемся. Пора убираться отсюда – через несколько часов считыватель доберется до Марса, и ему будет плевать на то, какая именно цивилизация создала этот корабль. Это разумно, согласитесь.

– Как вы можете помочь давно погибшему миру? – спросил я, стараясь сохранять спокойствие. Я пошевелил руками и ногами – движения было совершенно свободными. Я встал.

– На всякий случай напоминаю – я всего лишь голограмма, – Алиса обратилась ко мне, – вы в любом случае не сможете причинить мне вреда.

– Вы что, считаете, что я нападу на вас с кулаками? – спросил я.

– Эмоции, – Алиса пожала плечами, – ваши эмоции – самая замечательная часть вашей цивилизации. Полуструктурированная информация. Вроде бы подчиняющаяся определенным законам логики, но иногда – совершенно безумная. Мне очень нравится.

– Мы пока еще даже не начали обсуждать сделку, – сказал я, стараясь, чтобы мой голос звучал ровно, – с чего мне так нервничать?

– Сделку? – Алиса удивленно подняла брови, – я говорила об обсуждении и принятии условий. Моих условий.

– Допустим, – кивнул я, – и в чем заключаются ваши условия?

– Если бы дослушали мой рассказ – узнали бы раньше.

Я посмотрел на Питера и Чжана. Они продолжали беззвучную борьбу с чем-то, удерживающим их на месте.

– Я весь внимание, – сказал я, и сделал пару шагов по направлению к коллегам.

– В вашем мире мы нашли утот, – продолжала Алиса, будто не замечая моих маневров, – вещь, которая, как вы считаете, принадлежит вам. К сожалению, у нашего лазутчика, который смог добыть его, не получилось стать хозяином. Да вы и сами знаете, что тогда происходило на Земле! Возможно, ему помешали... как бы то ни было, мы не могли найти ни его останков, ни сам утот много десятилетий. Пока вы, Григорий, не решили любезно нам помочь.

– Для чего он вам? Как он может помочь вашему миру?

– Скажите, Григорий – ваши коллеги знают, что это за аппарат на самом деле? Что он может менять структуру причинности этой Вселенной? Говоря совсем по-простому – что это навороченная, работающая с некоторыми ограничениями, но самая настоящая машина времени сверхдальнего диапазона действия?

Полковник и Питер замерли, уставившись на меня. Я пожал плечами.

– Может быть, – сказал я, – пока что я точно знаю, что он эффективно уничтожает врагов. Причем целыми социальными группами.

– Отправляя их в далёкое прошлое, голыми и безоружны-

ми, – улыбнулась Алиса, – самый экзотичный способ убийства во Вселенной!

– Вы возвращаетесь к месту гибели своего родного мира, – вмешался Питер, – там врубаете эту штуку. И... что дальше? Уничтожаете триггер? Охраняете его, пока вас саму не уничтожат?

– О, нет, – Алиса снова улыбнулась, и покачала головой; я тем временем вплотную подошёл к Питеру. Я догадался, что мои коллеги скованны каким-то полем. И это поле против меня не действует – очевидно, из-за защиты тюрвинга. Но подействует ли эта защита на Питера, если прижмусь к нему? Опыт с горящим самолётом, к сожалению, ничего не доказывал: Катя не сгорела, но повредила лёгкие, наглотававшись продуктом горения.

– Этот тюрвиг действует только на живых, она же сказала, – подал голос китаец.

– Верно! – кивнула Алиса, – определённо, полковник – вы мне нравитесь. Кстати, уже старший полковник. Вам успели присвоить очередное звание. Вы бы узнали об этом, если бы вернулись на борт нашего корабля... впрочем, всё ещё возможно!

– Ты не можешь попасть в прошлое сама, – сказал я, – если тебе верить, все твои лазутчики погибли... значит, ты планируешь отправить в прошлое кого-то из нас. Но как мы сможем повлиять на развитие твоего мира? Голые и безоружные?

– О, это самая интересная часть, – кивнула Алиса, – рада, что ты спросил. Я ведь уже говорила, что мы могли понять, как и почему земные организмы совершенно слепы к чужим технологиям? Теперь мне достаточно сделать кому-то из вас небольшую прививку. И отправить эту биомассу в протоокеан, где она заразит первые из бактерий моего мира. Заряда утота как раз хватит для того, чтобы бросок вышел достаточно длинным. Блестяще, правда? – она рассмеялась – нарочито неживым, металлическим смехом.

– И как ты уговоришь меня сделать это? – спросил я мрачно.

– Очень просто! Если ты этого не сделаешь – я убью Чжана!

– Он военный, – ответил я, – он наверняка готов умереть ради интересов человечества. Которые сильно расходятся с твоим планом.

– Разве? – спросила Алиса, и подмигнула полковнику.

Дальнейшее произошло очень быстро. Возможно, будь у меня чуть больше времени, я бы смог найти другой выход. Но приходилось реагировать быстро, и в голове была только одна мысль, и одно стремление: ни в коем случае не проиграть.

Чжан поднял руку. Пошевелил пальцами. Потом запустил ладонь в один из карманов на комбинезоне, и извлёк небольшой колокольчик. Он выглядел немного странно – не так, как обычные колокольчики, сделанные в европейской тради-

ции. Начиная с того, что он был цилиндрическим, с полями, образующими полумесяц. И язычок у него был не цельный, а состоящий из трех крошечных лепестков.

Всё это я разглядел до того, как сообразил, что именно вижу. Рванулся к Чжану, но не успел. В помещении поплыл тонкий серебряный звон.

А в следующую секунду я понял, что Чжан – это смысл всей моей жизни. Его карие глаза, полные сокровенного знания, и вселенской печали... о, как бы я хотел, чтобы он никогда в жизни больше ни о чём не печалился! Но как же тяжело ему живётся... с таким интеллектом. Как тяжело было пробиваться ему в китайском обществе, где такая жестокая социальная конкуренция, и где холодные люди никак не могли разглядеть тот свет, которым было полно его существо...

Меня чуть не вывернуло наизнанку, когда я осознал, что ему грозит настоящая смертельная опасность!

Я был готов пожертвовать все свои органы, я бы добровольно отрубил себе руку – только бы дать ему шанс жить дальше!..

Из моих глаз потекли слёзы... как же я жил раньше, без этого света в своей жизни... а ведь всё это время счастье озаряло мой земной путь!..

Питер пошевелился. Я с трудом оторвал взгляд от любимого, чтобы оценить – не собирается ли американец чем-то угрожать любви всей моей жизни.

– Ты знаешь, что делать, – едва слышно пробормотал Пи-

тер. Потом у него во рту что-то хрустнуло.

Смерть от яда выглядит совсем не так, как это показывают в кино. Никаких драматических конвульсий, или закатывания глаз. Питер просто перестал дышать. И его глаза почти сразу подёрнулись патиной, остекленели.

Видимо, эмоциональный стресс от такой стремительной и добровольной смерти знакомого человека меня спас. Заглушил на мгновение сильнейшее чувство, которое вдруг стало смыслом моей жизни.

Не думая, и не рассуждая, я рванулся к Питеру. Нащупал рукоятку меча у основания его черепа. Конечно же, он хранил его в специальной кобуре, закреплённой вдоль позвоночника. Догадаться было не трудно – иначе тюрвинг бы сильно сковывал его движения.

Холодная рукоять меча, его весомая тяжесть, захватили меня, оставив где-то на периферии сознания моё «я», вопящее от ужаса, уже понимающее, что сейчас произойдет.

Тюрвинг дернулся в моей руке. Потом ещё раз, ощутимо сильнее. В последней, отчаянной попытке спасти свою любовь я удерживал его дольше, чем было бы разумно.

Но, конечно же, не удержал.

– Беги! – закричала Алиса, – переборка его задержит!

И Чжан, вскочив, рванулся с места. Но не успел. Тюрвинг разрубил его на две аккуратные половинки: от макушки, до копчика. Брызги крови долетели даже до меня. Только Алиса осталась все такой же чистой и непорочной на вид.

«Надо же. Действительно, голограмма», – чуть отстранённо подумал я.

Когда сердце полковника перестало биться, морок меня отпустил. Но на душе была выжженная пустыня.

– Что ты натворил! – красивое лицо Алисы исказилось, черты поплыли, – всё бы прошло легко и приятно. А теперь ты будешь мучиться, все эти бесконечные годы полёта! И используешь утот с огромным удовольствием, когда мы окажемся на месте! Ты будешь умолять меня, чтобы это все прекратилось! И никакая защита тебя не защитит! Ты не представляешь, какими могут быть настоящие пытки!

Её вопли мало меня трогали.

В последние секунды я был совершенно спокоен.

Я достал тюрвинг из кобуры на ноге. Направил его в помещение, и несколько раз подряд нажал на спусковой крючок, наблюдая, как сокращается светящаяся полоска заряда.

– Глупец! – продолжала яриться Алиса, – не найдя цель, заряд вернётся в утот! А других живых целей, кроме тебя, на борту нет!

Когда полоска стала совсем тонкой, я направил ствол себе в грудь. И нажал спусковой крючок.

Часть III

Воин

Я был готов к гибели. Точнее, я думал, что готов: одно дело действовать в горячке поединка, когда единственное твоё устремление – это не проиграть, любой ценой. А работа по указке робота цивилизации, которая пыталась извести человечество биологическим оружием – это, конечно же, худший из возможных видов проигрыша.

Почему-то мне казалось, что смерть в вакууме будет лёгкой и даже в чем-то красивой. Конечно же, я знал, что человеческое тело достаточно эластично, чтобы не взорваться. Просто мгновенная потеря сознания – и всё. Тело неведомого героя в нагом великолепии висит посреди чёрной бездны, холодный иней серебрит потухшие глаза, и все такое.

Не тут то было.

Сначала был холод. Нет, не так: это был ХОЛОД! Видимо, я успел хорошенько пропотеть. Вода стремительно испарялась, забирая подчистую всю энергию с поверхности кожи. Это было больно. Словно окунуться в кипящее масло.

Секунды тянулись чудовищно долго, но сознание всё ещё сохранялось. Правда, пропало зрение. Запоздало я подумал, что, если бы задержал дыхание – конец был бы более быстрым. Скорее всего, мне бы просто разорвало грудную клетку, и на этом бы мучения кончились.

Вишенкой на торте – я успел почувствовать, что обделался и блеванул одновременно: содержимое желудка и кишечника в полном соответствии с законами физики неудержимо

рвалось наружу. А потом я начал раздуваться. Это было похоже на стремительный отёк.

Но в следующую секунду я, к огромному своему счастью, наконец-то вырубился.

Конечно же, переживая всё это, я не мог знать, насколько мне повезло. Я оказался в одном из напряжённейших пунктов планетарной обороны во время завершающей стадии операции. Именно в моём секторе плотность построения была максимальной, чтобы использовать все возможности стационарных эмиттеров защитного поля. Челноки, десантные боты, мобильные эмиттеры и корветы шли с интервалом в каких-то пятьдесят километров (конечно, тут и ниже я использую примерные аналоги земных мер; сличить величины более точно, по понятным причинам, у меня не было никакой возможности).

Только поэтому меня и вытащили. Ближайший катер взял меня на борт уже через две минуты после того, как меня засекли радары – а, значит, почти точно в тот момент, когда я появился в этой точке временной шкалы.

Доктора говорят, успеи они секунд на тридцать раньше – и реабилитация заняла бы какую-то пару недель. Но случилось как случилось.

Меня латали месяцев шесть. Причем первые два я был в вегетативном состоянии. Потом меня заново учили говорить. Точнее, это они считали, что учат меня заново. Мне удалось достаточно убедительно сыграть полную потерю па-

мяти.

Местный язык – вообще отдельная песня. Точнее, один из местных языков, который чаще всего используется в соединениях Единых Сил Оборона Конфедерации. Когда-то на нём говорили в нескольких странах, расположенных ближе к экватору Южного континента. Так уж вышло, что в середине Просвещенных веков эти страны заняли передовые позиции в науке, вот с тех пор и пошло: именно их язык стал эталоном сначала научного, а потом и межгосударственного общения. Учить его было не то, чтобы очень уж сложно – грамматика довольно простая и логичная, правила незамудрёные, но вот фонетика... с фонетикой было, прямо скажем, очень сложно. Несмотря на то, что древний Марс был существенно массивнее современного, сила тяжести на его поверхности была довольно низкой. А, значит, и плотность атмосферы тоже была невысокой. Это заметно влияло на частотное восприятие речи. Попросту говоря, в местных языках было много откровенно громких, пищащих звуков, которые мне поначалу было воспроизводить очень и очень сложно. После каждого занятия я мучился от болей в горле. Однако же, со временем, приоровился, и к окончанию курса лечения мог изъясняться достаточно бегло.

Картина мира, где я оказался, открывалась передо мной постепенно. Уже освоив язык, я долгое время боялся задавать вопросы. Ведь было непонятно, где я нахожусь, за кого меня принимают, и самое главное – что со мной планируют

делать. Тут всё оказалось довольно просто и интересно. Оказывается, незадолго до атаки противники захватили сверхсекретный центр ЕСОК, где готовили элитных солдат. Точнее, не просто готовили. Их там выращивали. Путём подбора оптимальных генетических модификаций. Правительство Конфедерации нехотя дало разрешение на реализацию проекта – когда узнала, что у врагов уже пару лет существует подобное направление, и показывает отличные результаты. Вот, за одного из солдат уничтоженного противником центра меня и приняли.

На моё спасение направили такие огромные ресурсы, потому что было критически важно понять: удалось ли учёным создать психически стабильную модификацию суперсолдата. И я демонстрировал очень обнадеживающую динамику. А после анализа моей ДНК, ученые совершенно не сомневались в моём искусственном происхождении.

Признаться, когда мне впервые рассказали о моём «происхождении», я приуныл. Решил, что на этом все закончится. Ну что может сделать в далёком прошлом для спасения своего мира в будущем от хтонической напасти искусственно выведенный раб-гладиатор? Но удивительное дело: даже генетически искусственные солдаты, выведенные специально для армии, у них здесь имеют все гражданские права.

В один прекрасный день мне открыли доступ к терминалу Единой сети, их аналога Интернета. И настоятельно рекомендовали восстанавливать свои знания о мире, по мере

возможности, пока не закончится реабилитация.

И вот, благодаря этой сети, я и получил первые, самые важные знания о далёком прошлом нашей родной Солнечной системы.

А она довольно сильно отличалась от привычной нам. Как и следовало ожидать, тут не было Нептуна. Так что, видимо Алиса не соврала: эта планета только будет захвачена Солнцем где-то в межзвездном пространстве, во время долгого путешествия вокруг центра нашей Галактики.

Конечно же, все планеты здесь имеют свои, марсианские, названия. Однако, мне не так просто было перестроиться, и я еще долгое время называл (да и буду называть про себя) их привычными с детства именами.

Меркурий был на месте. Как был выжженной каменистой пустыней, так и остался. Местные учёные считают, что он служит для калибровки и страховки гравитационного равновесия внутри системы. Да, забыл сказать: в здешнем научном сообществе нет никаких сомнений в искусственном происхождении системы. И дело не только в идеально соблюдающемся правиле Тициуса-Бодде. Дело в том, что на четырёх планетах есть жизнь. И на двух – разумная. Причём жизнь, совершенно точно имеющая общие принципы организации, явно произошедшая из одного древнего источника.

Местные математики подсчитали, что вероятность естественного возникновения подобной системы настолько незначительна, что не заслуживает сколько-нибудь серьезно-

го рассмотрения.

Узнав это, я сразу вспомнил про рассказ Алисы, и осторожно, по косвенным запросам попробовал найти информацию о необычных конструкциях возле обитаемых планет, или на самих планетах, которые могли бы служить триггерами. И кандидатов оказалось слишком много!

Удивительное дело: вся система буквально кишела самыми разнообразными следами, артефактами и сооружениями, которые свидетельствовали, что в прошлом тут неоднократно бывали пришельцы извне. Выделить из них те, которые могли бы быть триггерами, было решительно невозможно. Тем более, что большая часть из них оставалась неизученной местными учёными. Сильно мешала постоянно ведущаяся межпланетная война.

Так, я немного вперед забегаю. Вернёмся к системе. Местная Венера была куда более приятным местом, чем наш, современный вариант: судя по фото, планета – курорт, с почти повсеместно мягким тёплым климатом. Жизнь на её поверхности бурно процветала, но, похоже, была довольно далеко от того, чтобы родить разум: самые совершенные существа тут, стоящие на вершине пищевых цепочек, здорово напоминали земных динозавров.

Земля. Наша планета была унылым и безжизненным миром, ледяной пустыней, где на поверхности многокилометровой толщи льда шли дожди и снега из углекислоты.

Впрочем, жизнь была обнаружена и здесь – в виде коло-

ний термальных цианобактерий, глубоко в океане. Учёные считают, что несколько миллионов лет назад на Земле было значительно теплее, но потом случилось то, что они называют Кислородной Катастрофой. Микроорганизмы научились получать энергию из солнечного света, и выделять кислород, который отравил всю атмосферу, и почти уничтожил существующую в то время экосистему. Резкое изменение газового состава атмосферы ликвидировало парниковый эффект, и привело к тому, что вся жидкая вода на поверхности превратилась в лёд. А лёд, как известно, очень хорошо отражает солнечный свет. Появилась положительная обратная связь, совсем охладившая планету. Я что-то смутно помнил из рассказов того парня палеонтолога, который присоединился к поисковикам. Он вроде бы говорил про Кислородную катастрофу, и последовавшее за ним Гуронское оледенение. Вот только было это чудовищно давно. То ли два то ли два с половиной миллиарда лет назад... очевидно, тюрвинг перенёс меня куда дальше в прошлое, чем тех несчастных «тяжелых».

Древний Марс очень походил на современную Землю. Два континента, расположенные преимущественно в экваториальной зоне, окруженные единым Океаном. Несколько крупных внутренних солёных морей. Полярные шапки из дрейфующих льдов на полюсах.

Сами континенты были довольно комфортным местом для проживания; тут имелись почти все климатические зо-

ны, которые можно найти на привычной мне Земле далёкого будущего, кроме тундр и пустынь. Рельеф планеты несколько не напоминал современный Марс: тут не было ни следа большого каньона, ни намека на крупнейшую гору Солнечной системы: вулкан Олимп. А вот другие вулканы, помельче, тут были. Планета была живой, тут наблюдался такой же дрейф материков, как на Земле. Было тут и магнитное поле – почти такое же мощное, как на древней Земле или Венере.

Такое же поле было и на пятой планете системы. Я хотел назвать её так, как принято тут – но в русском языке просто нет таких свистящих и пищащих звуков. Поэтому пускай она будет Фаэтоном. Именно так её называли земные астрономы, когда, изучая Пояс астероидов, предположили, что когда-то они было планетой.

Фаэтон походил на Марс во многом, но был более суровым местом. Он находился на самой границе «Пояса Златовласки» – зоны вокруг Солнца, где на планетах возможно существование воды в жидком виде. Все четыре континента находились в довольно высоких широтах, и значительная часть площади их поверхности оставалась незаселённой ледяной пустыней, напоминающей древнюю Землю.

Люди на Фаэтоне тоже были суровыми, подстать своей планете. Если на Марсе сохранялись национальные государства во всём их многообразии, а конфедеративные структуры, обеспечивающие планетарную оборону, не лезли в гражданские дела, и не претендовали на абсолютную власть, но

Фаэтон был настоящей деспотией, централизованной управляемой небольшой группой высшей элиты, отделённой от остального населения даже генетический, путем целенаправленных селективных модификаций. О каком-то разнообразии там и речи не шло: просто в один прекрасный момент самое сильное государство захватило все территории, физически уничтожив всех оппонентов. По крайней мере, так всё это описывают учебники и научные труды, распространенные на Марсе. Впрочем, если немного углубиться в вопрос истории Фаэтона, многое становится не таким однозначным; видны многочисленные нестыковки в выводах и фактах, которые, как очевидно предполагалось, не должны были критически восприниматься читающими. Наверно, это не удивительно для одной из воюющих сторон. Их мнение о противнике просто не могло быть объективным.

Почему началась эта межпланетная война, буквально с самого первого контакта двух близких цивилизаций? Как обычно – виной всему ресурсы, и стремление к экспансии. Пускай и прикрытое стремлением «освободить братский народ от тирании своей элиты».

И следующий вопрос: неужели нельзя было направить эту энергию на внутренние планеты? Ведь там не было разумных существ! Как выяснилось, нельзя. Хотя древние Марс и Фаэтон, как я уже говорил, были существенно массивнее привычного нам Марса, сила тяжести тут составляла чуть больше половины земной.

Люди с внешних планет просто не могли переселиться на внутренние. Они бы не выдержали длительного пребывания при такой высокой силе тяжести; жизнь колонистов превратилась бы в пытку.

И мы подходим к самому интересному. Конечно же, в обоих мирах, с момента открытия генома и способов его редактирования, вместе с экспериментами по выведению суперсолдат проводились и опыты по созданию людей, способных комфортно жить при повышенной гравитации.

Как мне сказали позже, даже просто глядя на меня, не углубляясь в показатели анализов, уже можно было сказать, что я продукт не просто военной генной инженерии. Я – первая за многие годы успешная попытка создания человека, способного комфортно себя чувствовать на Венере, и даже на суровой, но очень богатой ресурсами Земле.

2

Не так давно я даже начал тренироваться. Госпиталь, где меня лечили, находился на побережье Внешнего океана, близко к экватору. Тут была стабильно хорошая погода: приятное Солнце днем, прохладный вечерний бриз вечером, и освежающий дождь ночью. Странное дело: дожди тут шли исключительно по ночам. Наверняка этому есть какое-то научное объяснение, но лезть в сеть еще раз, для того, чтобы найти ответ на этот совершенно непринципиальный вопрос

совсем не хотелось. Особенно после лавины, или даже цунами новой информации, которая на меня обрушилась.

В этом бесконечном сидении в сети в поисках новых знаний был один особенно полезный момент. Точнее, следствие. Я очень хорошо освоил местный язык. Настала эра почти нормального общения с живыми людьми.

Надо сказать, что в контактах меня никак не ограничивали. Поначалу это казалось диковатым: даже в Звездном городке я жил на закрытой охраняемой территории. А тут... свободный доступ куда угодно. Можно сходить в парк. Даже до пляжа прогуляться! И везде – люди. Как пациенты или врачи – так и просто посетители, а то и гуляки, специально приехавшие на море.

Возле пляжа, на самой границе лесопарка, отделяющего больничные корпуса от моря, была отличная спортивная площадка с турниками, брусьями и прочими прелестями каллистеники. Мне, конечно, приходилось таскать с собой дополнительные отягощения, чтобы тренировки были серьезными: жилеты – утяжелители, а также специальные накладки на руки и ноги мне сделали по эскизам, на заказ. Физиологи очень поощряли это моё стремление тренироваться. Говорили, нужно следовать своей природе, а в меня, по их мнению, на генетическом уровне заложили стремление к физухе.

Конечно же, народ на меня заглядывался, когда я приходил на тренировку. Поначалу поглядывали робко, из тенёчка, стоя в отдалении. А потом всё более и более открыто –

когда понимали, что я сам не против общения. По десять раз за пару тренировочных часов мне приходилось отвечать на вопрос: «А вы военный, да? Из спецназа?» Мой утвердительный ответ обычно заканчивался полной благодарности фразой типа: «Как здорово, что такие люди как вы нас защищают!»

Мне было немного неловко за то, что приходилось скрывать своё истинное происхождение, но – чего уж там – такое внимание было мне приятно. Хотя в нём и не было ничего удивительного: я был примерно такого же роста, как марсиане, но раза в три массивнее среднего мужчины. Как мне говорили, таких результатов в росте мышечной массы их атлеты не могли достичь даже на гормонах. При этом я сохранял гибкость и скорость реакции, тоже совершенно недоступные местным.

Со временем я даже привык к такой рутине: тесты, восстановительные процедуры, изучение реалий жизни по сети, прогулки и тренировки. Это был отличный курорт. Я искренне наслаждался жизнью – а её, знаете ли, начинаешь ценить совершенно по-особенному, едва с ней не расставшись.

По ночам только иногда возвращалась та ледяная боль из вакуума. Я просыпался в холодном поту, но, кажется, не кричал и не болтал лишнего. А то бы точно ко мне пришли специалисты с некоторыми неудобными вопросами...

Большие перемены наступили, как это часто бывает, совершенно неожиданно.

Я красовался на тренировочной площадке, перебрасываясь шутками с местными. И даже позволял себе потихоньку, украдкой поглядывать на девушек. Да, возвращение к жизни обострило не только восприятие её ценности, но и либидо. Дать волю которому я как-то не решался.

Моя физиолог, немолодая и заслуженная дама, имеющее научное звание, аналогичное доктору наук в нашем мире, привела на площадку какого-то молодого паренька, на вид лет шестнадцати-семнадцати. Физиолога звали... нет, в точности записать звучание её имени не получится. Но его можно немного переработать. Лилия. Да, пускай будет Лилия. Близко и по смыслу (означает цветок, причем белый), так и по звучанию.

– Привет, Гриша! – на самом деле, она тоже назвала меня местным именем, которое мне позволили выбрать самому, но про себя я упорно продолжал называть себя Гришей. Еще не хватало окончательно омарсианиться, и забыть, кто я есть. – Иди сюда, хочу познакомить тебя с коллегой. Это Кай, – это было настоящее имя этого парня, марсианское. Просто звучание почти полностью совпало с земным аналогом. Такое редко, но бывает.

– Привет, Кай, – кивнул я, – рад видеть.

– Я тоже рад! – парень улыбался от уха до уха, и буквально пожирал меня глазами, – обалдеть! Неужели я стану таким же? – он вопросительно посмотрел на Лилию.

Та покачала головой, и ответила:

– Тебе известны твои модификации, Кай, и твои возможности. Точно таких же мутаций, как у Гриши, у тебя нет. Поэтому мышечная масса, и удельная сила у тебя даже на пике будут несколько ниже. Но зато у тебя обострены чувства, ты способен видеть в инфракрасном диапазоне, и слышать ультразвук...

– ...да-да, и осязать магнитные поля, – кислым тоном подхватил паренёк.

– ...а, самое главное: ты – самостоятельная личность. И можешь контролировать процесс своего развития, чтобы максимально раскрыть свои способности. Помни: единственный соперник, с которым тебе следует соревноваться – это ты сам!

– Да помню я! Эх! – Кай махнул рукой, – но всё равно здорово, что у нас есть ты, Гриша, – последние слова он произнёс, глядя мне в глаза. Радужка у него была очень необычного для марсиан, глубокого кареого, почти чёрного цвета. Из-за этого казалось, что она сливается со зрачком.

– Сколько тебе лет, Кай? – спросил я.

– Девять! – гордо ответил парнишка. Значит, почти восемнадцать на земные годы.

– Исполняется в следующем месяце, – улыбнувшись, добавила Лилия; месяцев на Марсе, конечно же, тоже не было. Как и смены времён года – наклон оси вращения был очень незначительным, гораздо меньше, чем у Земли или современного мне Марса. Но год делился на десять условных

временных отрезков, напоминающих месяцы. Правда, у них не было собственных названий. Только порядковые номера. Из-за отсутствия сезонности, само понятие года долгое время оставалось малозначимым для марсианских культур: так, астрономический курьёз, не более. Тем более люди не видели необходимости дробить этот курьёз на более мелкие величины. Такая потребность появилась только в позднее время, по мере развития капиталистических отношений, когда ко времени стали относиться с куда большим пиететом.

– Так понимаю, ты тренироваться пришёл? – спросил я, глядя на спортивные шорты и кроссовки, которые были на парне.

– Да, – кивнул Кай, и почему-то покраснел, – если позволишь.

Только теперь сообразил, что парень здорово меня стесняется. Наверно, он даже называл бы меня на «Вы», если бы такой вежливый вариант личного местоимения был в марсианском «лингва франка», на котором мы разговаривали.

– Конечно, – я улыбнулся – прямо и открыто, – только сначала разминка! Потом посмотрим, что тебе посоветовать по программе.

– Спасибо, Гриша, – кивнула Лилия, – извини, что не показали тебе Кая раньше. Только сегодня пришли твои анализы. Все прививки дали нужный иммунитет. Кай не жил в курортной зоне, и не имеет нужного статуса эпидемиологической безопасности для его свободного посещения. И, кста-

ти, теперь ты сам совершенно свободен в передвижениях по планете. Если вдруг захочешь куда-то прогуляться. Твой чип активирован, и кредитная линия открыта.

– Отличные новости! – обрадовался я, – спасибо!

Если бы я тогда знал, что эти новости означают на самом деле, возможно, я бы радовался не так искренне.

Лилия кивнула в ответ, улыбнулась, и ушла.

Кай стоял, робко глядя себе под ноги.

– Ну что? Попотеем?

Парнишка оказался талантливым. Даже по земным меркам. Тренировать его было здорово: он мгновенно все схватывал, и совсем не пытался спорить.

Наконец, где-то примерно через час, я решил, что для первой тренировки достаточно, провёл небольшую заминку, и сказал:

– Ну что, для первого раза просто отлично! Ты в неплохой форме. Но я знаю, как сделать так, что будет еще лучше!

– Правда? – просиял Кай, – мама точно будет мной гордиться! А уж когда узнает, кто меня будет тренировать – обрадуется просто нереально!

– Стоп, – сказал я, – у тебя... есть мама?

– В смысле? – парень удивленно захлопал глазами.

– Ну, я думал, что ты... ну, как и я... – теперь пришла моя очередь смущаться, – создан искусственно.

– И что? – Кай пожал плечами, – искусственных женщин пока не изобрели. А даже если бы изобрели – нормальному

человеку все равно нужна мама. Иначе невозможна полноценная социализация! Это же азы человеческой психологии!

– Вот как... – пробормотал я, – вытираясь пот полотенцем.

– У меня даже сёстры есть! – Кай снова улыбнулся, – единокровные, конечно. У них ещё отец есть – а у меня нет. Строго говоря, генетически я, конечно, совсем на маму не похож. Ну да кого это волнует? Постой... – парень вдруг побледнел, – если ты спрашиваешь... значит, не знаешь, про свою маму. Она наверняка погибла на станции, когда её уничтожили эти чудовища! – Кай сердито нахмурился, – ой, ты прости, что я так... наверно, тебе тяжело очень. Хотя Лилия сказала, что ты ничего не помнишь, но...

Кай запутался в собственных мыслях, и в растерянности опустил руки. Пот сплошной капелью лился с него на резиновое покрытие площадки.

– На, вытрись, – я протянул парнишке чистое полотенце (хорошо хоть всегда носил с собой пару запасных)

Кай взял полотенце, вытерся, и накинул его на плечи.

Да не волнуйся ты так! – продолжал я, – я большой парень. Как-нибудь разберусь! Да, как мне сказали, память уже не восстановится. Но это не повод жалеть себя и расслабляться, верно?

– Верно, – кивнул Кай, и улыбнулся, – нам теперь долго будет не до расслабления.

– В смысле? – насторожился я.

– Ты же слышал! – ответил парень, улыбаясь, – Лилия говорит, тебе отрыли передвижение. Значит, мы едем на тренировочную базу!

– Что за базу?

– Тебе... не рассказали?

Я отрицательно развел руками.

– Вот дела, – Кай мотнул головой, – наверно, подумали, что ты об этом первым делом узнал в сети. Каждый военный из числа модифицированных к этому готовится! Ты полностью потерял память, и в архивах нет данных о твоих навыках подготовки. Значит, нам вместе предстоит побегать на полигонах!

3

Всё население Марса было чипированно, даже младенцы. На чипе была вся информация о личности: медицинский профиль, образование, специализация, место работы, кредитный статус, и прочее. Да-да, оживший кошмар из антиутопий, подавление свободы, вот это всё. Только сами марсиане так вовсе не считали. Просто принимали это как данность, и не могли представить, как можно эффективно и удобно организовать общественную жизнь по-другому.

Когда меня выписали из госпиталя, мой чип тоже активировали. Теперь я имел собственную кредитную линию, рассчитанную исходя из моего места работы (Корпус специаль-

ных операций Конфедеративных вооруженных сил), специальности (офицер-кадет специального назначения), возраста и стажа (предположительно одиннадцать лет, и два года соответственно), и мог свободно покупать товары и услуги.

Наверно, какой-нибудь гражданин СССР образца пятидесятого года прошлого века, оказавшись в этом мире, решил, что тут царит победивший коммунизм: кругом изобилие, люди свободно заходят в магазины, берут нужные вещи, без проблем пользуются роботизированными такси, транспортными дронами и другим общественным транспортом. И никаких внешних признаков расчётов.

Но, на самом деле, общественный строй, который тут был – это нечто среднее между азиатской моделью капитализма, и технократическим социализмом. Социальное неравенство тут тоже было, равно как и сверхбогатые люди – но степень имущественного расслоения жестко контролировалась государствами.

Начет государств. Они тут были, как были и различные национальности, культуры, и даже расы. Обычно государственная принадлежность прописывалась в чипе, и ни на что глобально не влияла – кроме как на возможность голосовать и быть избранным в органы управления исключительно на своей территории. Пособия и социальные выплаты тоже оставались прерогативой национальных правительств.

Наши чипы – мой и Кая – были в своем роде уникальными, как я позже узнал. У нас просто отсутствовала информа-

ция о национальной принадлежности. Её можно было установить по матери, но этого специально не делали. Считалось, что мы должны быть патриотами всей планеты, и не стоять перед моральным выбором, если вдруг когда-нибудь сложится тяжелая ситуация, и нужно будет принимать решение, кого спасать.

Несмотря на многие часы, проведенные в сети за изучением этого необычного мира, я всё еще очень многого не знал. И здорово, что в поездке на тренировочную базу меня сопровождал Кай.

Возможно, кстати, Лилия специально притащила его в госпиталь, и познакомила нас – чтобы я не чувствовал себя ущемлено или под конвоем, если бы меня вынуждено сопровождали на место службы её коллеги.

Кай мне очень понравился. Парень оказался открытым, общительным, очень любознательным. Была в нём какая-то правильность, которая обычно вызывает неосознанную симпатию даже у малознакомых людей.

То, что без Кая путешествие к месту предписания было бы куда менее приятным, стало понятно буквально с первых минут. Для обозначения маршрутов в общественном транспорте тут использовался исключительно упрощенное фонетическое письмо, в котором опускались гласные звуки. А я в нём был не очень силен.

Да, пара слов о том, почему мне так легко и быстро удалось освоить местный письменный язык. Лингва франка был

специально адаптирован для людей разных культур, и полное письмо, используемое для статей в сети, включало не только фонетику, но и набор знаков, намекающих на значение слова. Освоив несколько десятков базовых категорий, я без труда узнавал слова с первого взгляда, даже не вчитываясь. Бегло читать таким образом было очень удобно.

Но вот в транспорте без посторонней помощи я бы точно запутался.

Еще одна странность марсианского общества: тут не было смартфонов в нашем понимании этого слова. И при этом были широко распространены общественные терминалы связи – как с выходом в сеть, так и просто голосовые. Я пока не нашёл объяснение этому феномену, а задавать вопросы поостерегся. Но со временем этот момент, конечно, надо будет прояснить.

От разворотной площадки главной дороги, расположенной где-то в полутора километрах от главного корпуса, ходили электробусы до ближайшего городка. Это Кай рассказал. Он ждал меня внизу, в главном холле – пока мне перепрошивали чип, и поздравляли с успешной повторной социализацией.

Я искренне поблагодарил коллектив врачей, и заглянул в свой бокс, чтобы собрать вещи, накопившееся за время реабилитации: спортивные костюмы, отягощения, эспандеры. Предметы личной гигиены.

Увидев меня с тяжелой сумкой, Кай очень удивился.

– Это... часть оборудования, которое ты заказывал на время реабилитации? – спросил он.

– Ага, – ответил я немного растерянно наблюдая за его реакцией.

– Эм... – Кай почесал в затылке, – ты уверен, что тебе это понадобится? Там, на полигоне? И одёжка эта спортивная – да, в местном магазине продаются базовые функциональные модели, даже твоего размера – но понимаешь, как бы это сказать... – он зачем-то потрогал себя за нос, – это немного не модно. Понимаешь? Мы же военные! Элита! Должны, как бы это сказать, производить соответствующее впечатление.

Я поставил сумку на пол.

– И? – спросил я, глядя на парня.

– Ну, может, лучше в городе в магаз заглянем, а? – он с надеждой ответил на мой взгляд, – приоденемся хоть. Перед дорогой. Полигон находится в умеренном поясе, там будет чуть прохладнее. На время заданий там будет, конечно, спецформа – но там будет не только задания. Понимаешь?

– Слушай, – ответил я, вздохнув, – моя жизнь началась пять месяцев назад. Понимаешь? Я умер в вакууме! Мои мозги собирали заново по нейронам, – тут я, конечно, немного перегнул палку, но откуда было Каю знать, как дела обстояли на самом деле? – я нифига не помню, как принято!

Он улыбнулся, вздохнув с явным облегчением.

– Давай оставим эту сумку здесь, – предложил он, – твои... конструкции еще могут пригодиться реабилитоло-

гам. А остальное пускай идет в переработку, как отслужившее своё.

Я пожал плечами, и направился к выходу, оставив сумку на полированном каменном полу холла.

– Знаешь, – заговорщическим шепотом сказал Кай, когда мы отошли от основного корпуса на порядочное расстояние, – по правде говоря, мы с тобой – шишки такого уровня, что Корпус вполне мог выделить специальный транспорт, чтобы быстро и без помех доставить нас на тренировочную базу. Но они специально направили меня. Чтобы я поехал с тобой обычным транспортом. Понимаешь?

– Понимаю, – кивнул я, – это часть программы реабилитации.

– Точно! – улыбнулся Кай, – здорово, правда? И так деликатно всё вышло.

Я не вполне был с ним согласен. Но решил промолчать.

Электробус появился минут через пять. Плавно подплыл к кондиционированному остановочному павильону и, припав к дорожному покрытию, остановился, выпуская пассажиров. Их было совсем не много: пара дежурных медиков, заступающих на ночную смену, да любители ночных прогулок по побережью.

– Сладкоежки, – прокомментировал Кай, глядя на неброско одетых людей с котомками дождевых накидок за спиной.

– Почему это? – удивился я.

– Как почему? – вопросом ответил Кай; потом спохватил-

ся, и добавил, – а. Ясно. Память. Ну, это же собиратели песчаных рапанов! – конечно, на Марсе этот моллюск назывался по-другому, но, раз я не могу это написать по-русски, то пускай будут рапаны.

– Они в дождь выползают на пляж. Охотятся на прячущихся насекомых. Собираательство без использования технических средств разрешено местным законом. Экосистема тут довольно устойчивая, и рапанов море!

– Ясно, – кивнул я, – и что, они реально сладкие?

– Вот доедем до города – будет повод попробовать!

Кроме нас, других пассажиров в автобусе не было. Машина плавно закрыла двери, поднялась на подвеске, и направилась по дороге по направлению к городу.

Я глядел в окно, наблюдая за тем, как мимо мелькают деревья. Наверно, я бы хотел, чтобы хотя бы на какое-то время представить, что оказался на Земле. Но это было совершенно невозможно. Электробус звучал и пах совсем не так, как земные машины. Зелень была чуть другого оттенка. Дорожное покрытие хоть и напоминало привычный асфальт фактурой, но было тёмно-зеленого цвета.

– Тебе грустно? – сказал Кай минут через десять после отправления.

По правде говоря, да, мне было грустно. Только теперь, когда я окунулся в некое подобие нормальной жизни, на меня обрушилось осознание происшедшего.

Я никогда не увижу привычный мир. До его появления два

с половиной миллиарда лет! И хотя этот, новый мир, судя по всему, приятное и интересное место – он никак не мог мне заменить родителей. И что там произойдет, в далёком будущем? Считыватели доберутся до Земли? Я как-то особенно отчетливо представил папу и маму. Они рано или поздно поймут, что происходит, я меня рядом нет. Я умер вечность тому назад. Вполне возможно – погиб на чужой и непонятной войне...

– Нет, – ответил я, и неожиданно для самого себя добавил: – да...

– Знаешь, а ты реально очень сильный, – сказал Кай.

Я усмехнулся.

– Правда. Скажу по секрету: тебя даже комиссовать хотели. Считали, что такая потеря памяти приведет к полной деструкции личности. Но у тебя душа воина, хранимая Аресом!

Да, конечно – Как не говорил про Ареса; он назвал имя бога войны, почти повсеместно почитаемого. Насчёт религии в древнем Марсе. Тут был повсеместно распространен политеизм и анимистические религии, при полной свободе вероисповедания. Религиозные войны были, конечно – но остались в далеком прошлом. Концепция загробной жизни при этом в каждом культе была своей, иногда довольно экзотической. Например, последователи Персефоны (я снова пользуюсь именем земного аналога), богини плодородия считали, что после смерти душа человека дробится, и распределяется

среди его детей. Соответственно, те люди, у которых детей не было – теряли свою душу.

При этом считалось, что все военные автоматически должны быть привержены культу Ареса. Как я позже выяснил, исключения бывали – в Корпусе служили атеисты, но никогда – последователи иных культов.

– Спасибо, – кивнул я; Кай в ответ осенил меня знамением Секиры.

Дальше до города ехали молча. Кай достал из небольшой заплечной сумки какую-то книгу, и углубился в чтение. А я продолжал задумчиво разглядывать окрестности. Только настроение у меня поменялось. В конце концов – пока я жив, ничего непоправимого не произошло.

Когда мы вышли на автовокзале, я осознал, насколько успел отвыкнуть за эти месяцы от больших скоплений народа. Еще более дискомфортно было из-за того, что на нас обращали внимание. И, хотя это повышенное внимание, как обычно, было доброжелательным – сейчас оно казалось совершенно излишним. Мне хотелось слиться с толпой, почувствовать ритм и вкус города, но, к сожалению, это было совершенно невозможно.

– Куда дальше? – немного растерянно спросил я, оглядываясь, и кивая в ответ на приветственные кивки совершенно незнакомых мне людей.

– В аэропорт, конечно, – пожал плечами Кай, – но давай сначала приоденем тебя, как планировали. Ты не против?

Тут, за углом, есть отличный магазин!

Почему-то я думал, что Кай приведет меня в какой-нибудь молл, по образцу земных. Но нет: магазин оказался специализированным, одежным. И обслуживание тут было совсем не такое, к какому я привык.

На входе нас встретила улыбчивая девушка, кивнула, и сделала приглашающий жест рукой. Сразу за дверями был длинный коридор со множеством дверей, что само по себе для магазина необычно. Кай уверенно шел куда-то вперед, приглядываясь к табличкам на дверях. Наконец, остановившись возле двери с какой-то вычурной и не вызывающей у меня никаких ассоциаций пиктограммой, он уверенно показал: «Сюда!» после чего толкнул дверь от себя.

Мы оказались в небольшом помещении, где стояли несколько разнокалиберных кресел. На стенах висели самые разнообразные зеркала. Окна были закрыты плотными шторами. Еще там был длинный узкий стол, за которым сидела еще одна девушка в скромном сером платье.

– О, господа офицеры! – улыбнулась она, увидев нас, – добро пожаловать! Сегодня с госзаказом, форменный комплект? Или что-то попроще?

– Консультация стандартная, и подбор двух комплектов для умеренного пояса, – улыбнувшись, ответил Кай, – всё по гражданке. Форму нам делают по спецзаказу. Очень уж необычные требования, извините.

– Да ничего, – девушка махнула рукой, – я все понимаю.

Хотя, как обычно, наши мощности недооценивают! Не так давно мы даже освоили сервоскелеты на углеродных нанотрубках. Но ваши все равно предпочитают палить деньги на госпредприятиях.

– Перестраховщики, – Кай пожал плечами.

– Есть такое, – девушка снова улыбнулась, поднялась из-за стола, и направилась в нашу сторону, – консультация, я полагаю, нужна вам? – она обратилась ко мне.

Я беспомощно посмотрел на Кая. Тот улыбнулся.

– Видимо, да, – нехотя согласился я.

– Отлично, – девушка улыбнулась, – меня, кстати, зовут Виолет, – конечно, к земным фиалкам ее имя никакого отношения не имело – но вообще они тут на Марсе очень любят давать женщинам разные цветочные имена.

– Приятно, – кивнул я, – а меня Гриша.

– Тебя тоже всю жизнь держали на этих ужасных орбитальных станциях, и вы не видели ничего, кроме форменных комбинезонов? – в ее словах был не столько скрытый сарказм, сколько настоящее сочувствие.

– Не без этого... – осторожно ответил я.

– Что ж, – кивнула Виолет, – тогда начнем, пожалуй!

Она хлопнула в ладоши. И мир исчез.

Поначалу мне показалось, что я куда-то провалился, как будто подо мной открылся люк в полу. Даже чуть не упал, потеряв равновесие. Только потом сообразил, что никуда пол не девался – просто вокруг меня спроецировалась идеально

достоверная картинка.

– Эй, ты чего! – послышался удивленный голос Виолет.

– Да он не знает, как работает система, – пояснил голос Кая, – я не успел объяснить.

– Ох, ну и дела...

– Эй! – окликнул я, оглядываясь. Кругом была идеально плоская заснеженная равнина. Кристаллики снега блестели и переливались под ярким полуденным Солнцем. Причем дневное светило было почти нормального, а не марсианского размера.

– Да, Гриша, извини, – ответил голос Виолет, – сейчас система калибруется. Старайтесь по возможности не двигаться.

Я послушно замер, хотя в следующую секунду сохранять подвижность стало совсем не просто: снежная равнина сменилась бушующим океаном. Я едва сдержался, чтобы рефлекторно не затаить дыхание, когда на меня обрушился огромный пенистый вал.

После океана была пустыня, лес, степь и город. Причем город этот же самый, я узнал площадь возле магазина.

– Ну вот! Параметры считаны! – радостно сообщила Виолет, – давайте теперь посмотрим, что мы сможем для тебя сделать.

Город исчез; я снова стоял в небольшом помещении напротив узкого стола. А рядом со мной, на расстоянии вытянутой руки, застыл мной улыбающийся двойник.

Прежде, чем я успел о чем-то спросить, двойник полностью лишился одежды. Я растерялся, не зная, стоит ли смущаться своего цифрового двойника, а пока размышлял об этом – на нём успела появиться одежда: что-то вроде блестящего серебристого комбинезона. Потом комбинезон исчез, мой двойник остался в одних пляжных шортах, похожих на земные «бермуды». После этого наряды начали сменять один другого как в калейдоскопе.

– Старайтесь расслабиться, и не терять фокус внимания, – прокомментировала Виолет, – мы считываем эмоциональный фон.

Мне ничего не стоило послушаться – вид ежесекундно меняющего облик двойника завораживал.

– Ну вот, – наконец, сказала сотрудница, – профиль считан, заказ в работе. Можете забрать на кассе!

– Спасибо! – ответил Кай.

Я тоже поблагодарил Виолет, и мы вышли обратно в коридор.

В конце коридора была широкая дверь, открыв которую, мы попали в широкий, ярко освещенный зал с большими окнами, выходящими на улицу. В противоположном от входа конце зала располагались примерочные кабинки, над которыми горели какие-то значки. Вдоль окон были установлены кресла, на которых сидели люди – видимо, ожидающие заказа.

Наше появление внесло некоторое оживление: нам при-

ветливо кивали, кто-то начал осторожно перешептываться. Мы отошли от входа, и заняли два крайних кресла.

– Долго ждать? – спросил я Кая шепотом.

– Нет, пару минут, – он помотал головой, – это хороший магазин, у них отличные синтезаторы.

– Круто, – кивнул я, – а что мы заказали-то?

– То, что тебе идеально подойдет в поездке, – так же шепотом ответил Кай.

– Ясно.

Наконец, разглядев какой-то очередной значок, Кай потащил меня к кабинке. Там, на вешалке, уже находились пакеты с двумя комплектами уже приготовленной одежды.

Каково же было моё удивление, когда, вскрыв пакет, я обнаружил внутри привычный мне утепленный тренировочный комплект! Обычные штаны, вполне земного кроя, футболка, толстовка и майка! И кроссовки – той самой фирмы, к которой я привык, их топовая модель. Правда, без логотипа.

– Круто! – обрадовался я. Однако Кай, без приглашения вошедший вместе со мной в кабинку, выглядел по-настоящему растерянным, – что-то не так? – спросил я.

– Нет... – он помотал головой, и через секунду добавил, – да. Наверное. Не знаю! Гриша, я раньше никогда не видел подобной одежды! Ты... сам её придумал? Похоже, кроме всего прочего, у тебя врожденный талант дизайнера.

В этот момент мне, наверное, впервые после того, как я очнулся в новом мире, стало страшно.

Я слишком беспечно относился к необходимости симулировать амнезию. И, раз уж приборы в каком-то ателье-магазине смогли прочесть моё истинное представление о том, какой должна быть удобная одежда – неужели приборы в медицинском центре не смогли бы сделать то же самое?

4

Уже в аэропорту мы зашли в кафе, где я смог попробовать местный деликатес: песчаных рапанов. Их, как и устрицы на Земле, подавали сырыми. Я вообще люблю устрицы, они у меня ассоциируются с отпуском и отдыхом. Но местные моллюски на вкус оказались... скажем так, странными. Даже более странными, чем остальная марсианская еда, к которой за несколько месяцев я уже успел привыкнуть. Они пахли морем. Их мясо было упругим и тягучим одновременно. И они действительно были сладкими. Во вкусе прослеживались нотки шоколада, ванили и корицы. Хотя, может статься, ничего близкого там не было – просто мой мозг в панике пытался подобрать ближайшие аналоги странным сигналам, которые поступали от вкусовых рецепторов.

Самолёт представлял собой огромное летающее крыло с электрическими двигателями, установленными в хвосте, над плоским фюзеляжем. Кажется, пару лет назад мне где-то попадалась статья, в которой описывались возможные перспективные направления дизайна лайнеров, предназначен-

ных для пассажирских перевозок. И там была представлена похожая конструкция.

Пассажирских салонов было несколько, и они делились на классы. Мы летели в самом носу, где было панорамное остекление и самые дорогие места.

– В детстве я боялся летать. Представляешь? – сказал Кай, глядя на полосу, на которую выруливал самолёт, – это обнаружилось случайно, когда мне было два с половиной года. Нам нужно было переехать в тренировочный лагерь на дрейфующих льдах для программы климатической адаптации. Мама меня сопровождала. Другие дети остались с отцом. И... у меня случилась настоящая паническая атака. У будущего спецназовца, сверхчеловека с измененными генами, представляешь? – он горько усмехнулся.

– Ну, как я вижу, ты справился с проблемой, – осторожно заметил я.

– Да, – вздохнул Кай, – справился. Оказалось, побочный эффект от одной из модификаций. Купировали, разработав соответствующее лекарство... но знаешь. Наверно, хорошо, что это тогда со мной произошло. Я рано узнал, что такое настоящий страх. Раньше, чем это было предусмотрено в программе. И поэтому получил возможность стать сильнее.

– Ясно, – кивнул я.

– Наверно, это странно – не помнить такие моменты из своей жизни, – Кай бросил на меня беглый взгляд.

– Ещё как странно, – согласился я.

– Хотя тебя... твоё поколение растили в совсем других условиях. Я – более простая модификация, на создании которой настояли ученые. Я никогда не буду настолько сильным и быстрым, как ты. Но зато мне позволили расти на планете. Я только пару раз летал в космос для прохождения длительной адаптации при повышенной гравитации на «бублике». А ты, как мне говорили, жил там постоянно. Среди наших даже ходили страшные слухи, будто таких, как ты растили совсем без семьи. Надеюсь, это неправда – иначе чем мы отличаемся от этих, – он неопределенно махнул в сторону неба, очевидно имея ввиду фаэтонцев.

Я с интересом посмотрел на него. Помолчал секунд десять, и ответил, взвешивая каждое слово:

– Знаешь, – сказал я, – мне бы очень хотелось надеяться, что так и было. Что моей матери не было на станции. Пускай я даже жил и рос без неё.

Кай ответил на мой взгляд, потом улыбнулся, и сказал:

– До того, как стемнеет, самолёт будет идти над побережьем. Это очень красиво. Там, в космосе, я всегда вспоминаю этот вид. На случай, если вдруг возникнут сомнения – кто мы и для чего живем. Ты понимаешь?

– Понимаю, – кивнул я, – знаешь... я долго думал об этом, после того... ну, после того, как заново себя осознал. И знаешь, что я думаю?

– Что? – Кай заинтересованно поднял бровь.

– Если бы мне не рассказали, кто я – я бы не успокоился,

пока не стал бы военным. Пока не нашёл бы своё настоящее место.

Кай улыбнулся, кивнул, и откинулся в кресле.

А я, стараясь не переигрывать, вдруг совершенно неожиданно для себя обнаружил, что сказанное – почти правда.

У меня ведь так всё и начиналось. Я ведь не просто так пошёл в ВДВ. И если бы та, земная реальность, если бы отношение к службе, к военным... если бы то общество было хотя бы отдаленно похоже на местное... конечно, ни в какой фитнес я бы тогда не ушёл. Поступил бы в училище, и продолжал бы тянуть лямку тягот и лишений.

Моё представление о военной службе было очень идеализированным. И так уж получилось, что я оказался в месте, где реальность максимально приближена к этим самым идеалам.

Плохо, что меня, возможно, всё-таки подозревают в неискренности и двойной игре. И, наверно, это было правильно с их стороны. В межпланетном конфликте такой напряженности и масштаба полезно быть параноиком. Ведь как я появился? Какой-то мужик, совершенно голый, в космосе. По анализу ДНК – явный генетический конструктор. Да, обнаружен в районе погибшей лаборатории по выращиванию этих самых конструкторов. Спросить имею ли я отношение к этому проекту не у кого – он был слишком секретным. И все носители этого секрета погибли вместе со станцией. В общих чертах всё вроде бы совпадает... но что, если фаэтонцы разра-

ботали план внедрения суперагента? И я – бомба замедленного действия, хитрый диверсант, засланный, чтобы добыть важнейшие данные и причинить максимум ущерба? Что бы я делал на их месте?

Правильное решение – это однозначно пустить меня в утиль. Взять образец ДНК, и на его основе возобновить опыты.

Что этому могло помешать?

Реальный шанс на то, что я все-таки свой, а не засланный. И ограниченное время, которое не даёт возможности вырастить мне замену.

Как действовать в этом случае?

Готовить меня по первоначальному плану. Для миссии, под которую я создавался. Но окружить круглосуточной опекой и страховкой на любой случай. Заодно искусственно моделируя ситуации, где я мог бы проявить свою подлинную природу.

Конечно, можно было бы пойти простым путём, и просто прогнать меня на местном аналоге полиграфа, который наверняка существует. Вот только, скорее всего, параметры моих реакций даже близко не совпадают с теми, под которые откалиброван прибор.

Я другими глазами посмотрел на Кая. «Сколько ему на самом деле? Тянет ли он на роль суперагента – контролёра, который сможет меня в случае необходимости нейтрализовать?» – спросил я себя. И тут же ответил: «Да, тянет»

За внешней простотой, харизмой и открытостью, неизменно вызывающей симпатию, было в нём нечто хищное. Скрытое, но нет-нет, да прорывающееся наружу. Хотя, наверно, это естественно для генетически модифицированного спецназовца...

Что они могли увидеть и понять, наблюдая за мной? Из того же эпизода с одеждой?

Во-первых, что я точно не фаэтонец. Во-вторых, что во мне много странного. А это – вполне может быть результатом моих модификаций, точный состав которых был уничтожен вместе со станцией.

Значит, мне просто и дальше нужно быть осторожным. Что будет очень не просто, учитывая мой военный десантный опыт, который может проявиться случайно.

Но в целом ситуация далека от отчаянной. Я смогу справиться.

Успокоив себя таким образом, я уснул, наблюдая за восхитительным пейзажем с морским побережьем, который плавно тёк вниз. И проснулся только тогда, когда стюардессы предложили ужин.

В аэропорту, оказавшемся совсем небольшим, нас ждал служебный транспорт. Тут действительно было существенно прохладнее, чем в том месте, где находился госпиталь. И я был рад, что обзавелся новой одеждой.

Кай почему-то заметно погрустнел. Всю дорогу он молчал, и кидал на меня то тоскливые, то извиняющиеся взгляды.

ды.

Конечно же, в первый день сам Полигон нам не показали. Только привезли в городок обеспечения, и поселили в жилом корпусе, напоминающем небольшой коттедж с узкими вертикальными окнами.

Как позже выяснилось, этот «коттедж» был достаточно серьезно укрепленным сооружением. В нем была даже встроенная система ПРО, и прочие защитные прибаамбасы. «На случай, если противник решится на диверсионную операцию», – сказал комендант на следующий день, во время инструктажа.

У нас были отдельные спальни, но после ужина, когда я уже собирался ложиться спать, Кай постучал в мою дверь. Он выглядел все таким же обеспокоенным и виноватым.

– Привет, – сказал я, ты чего это?

– Слушай, я... то есть ты... в общем, ты ведь еще не знаешь, каково это тут, да? – спросил он.

– Нет, – я покачал головой, – я спрашивал в госпитале, но врачи сказали это совершенно секретная информация. Никто вовне не знает, что происходит на полигонах.

– Ясно, – кивнул Кай, – в общем, тут довольно страшно, если честно. И можно на самом деле погибнуть.

5

По камням, дымясь, струилась кислота. Твердая поверх-

ность плавилась, и шла пеной. Я перепрыгнул отсеченную голову дыроформа, и вцепился кончиками пальцев за крошечный выступ на скале. Площадка, откуда атаковал хищник, медленно осыпалась, разъедаемая его кислотной кровью. Я, рискуя сорваться, заглянул за уступ скалы. Все в порядке: Кай держался. К счастью, он не успел рвануть за мной, когда атаковал дыроформ. Правда, теперь напарник заперт на платформе, и может в любой момент подвергнуться атаке этих мерзких кожкрылых тварей – вампиров.

– Первый. Есть путь к отходу. Справа от тебя, скальный выступ. Оттуда допрыгнешь до платформы, – как раз в тот момент, когда я обдумывал, куда рвануть, чтобы оказаться еще выше, ожил интерком; помехи неожиданно прекратились.

– Я дойду, – возразил я.

– Первый, я оценивал расстояние с поверхности. Это невозможно, – голос Кая чуть дрогнул, когда он понял, что я собираюсь сделать, – первый, я не думаю, что дыроформ – это последнее, что нам грозило.

Я берёг дыхание, и отвечать не стал. Да, пониженная гравитация была моим союзником. Но атмосферное давление на Марсе было заметно ниже Земного. Спасало повышенное содержание кислорода, но на высоте двух-трех километров, где мы были сейчас, кислородное голодание начинало сказываться.

Обдирая пальцы, я рванул вверх, и успел зацепиться за

тонкое кривое деревцо, неведомо как укоренившееся в расщелине скалы.

Отсюда до верхней площадки, где нас ждала третья звезда, было совсем рукой подать: перемахнуть через щель, и преодолеть еще один небольшой вертикальный участок. Но там было проще: скала сильно растрескалась.

Со щелью проблем не возникло. Но вот на вертикали, когда я мысленно уже принимал поздравления, в одной из трещин скрывался шипогрыз.

Я почти успел отреагировать. Подался назад – максимально далеко, но так, чтобы не сорваться со скалы. Но одно из метательных лезвий впилося мне в плечо, почти парализовав сустав.

Было дико больно. Но свободная рука оставалась занятой, удерживая меня на скале. До аптечки не добраться. Я тихо застонал, собирая остаток сил, чтобы одним прыжком преодолеть оставшиеся метры до вершины.

– Первый, как обстановка? – обеспокоенно спросил Кай.

Честно – до сих пор не понимаю, как мне это удалось. Я буквально вполз на площадку на бровях. Достал аптечку и трясущимися от слабости руками вколол обезболивающее и антидот. Потом, распоров рукав, занялся раной. Крови было много. Кажется, лезвие самым кончиком задело артерию. Чудо, что я до сих пор не вырубился – лямка разгрузки удачно перетянула руку.

Наложив давящую повязку, и зафиксировав ее, я поднял-

ся.

Звезда, как это обычно бывает, была замаскирована под рельеф. Но мой глаз уже был достаточно тренированным, поиски заняли не более минуты.

Мелодичный сигнал в шлемофоне возвестил об окончании миссии.

Я сел на скалу, и спокойно стал дожидаться эвакуационную команду.

– Первый! Первый... – продолжал вызывать Кай, уже не скрывая беспокойства, – что там происходит?

– Успокойся, – устало сказал я, – звезда у нас. Мы прошли.

Молчание.

– Это было безответственно, – наконец, сказал Кай. В его голосе звучала обида.

– Да брось. Победителей не судят.

– Тебе ведь уже говорили – полигон это не симуляция!

Тут все по-настоящему! Понимаешь?

– О, еще как понимаю! – я осторожно потрогал плечо.

– Ты мог погибнуть!

– Ещё как мог, – согласился я.

– Столько усилий даром! Ты хоть представляешь, чего стоило нас с тобой разработать?

– Представляю. Поэтому и стараюсь делать свою работу максимально хорошо.

– Предназначение Полигона в том, чтобы научить выживанию! А не в том, чтобы уничтожать ценных сотрудников!

– Скажи это его разработчикам... – тихо пробормотал я.

– Что? – переспросил Кай.

– Ты вроде не с духом разговариваешь, – сказал я громче, – и вообще, давай подумаем, куда рванём вечером. Нам полагается два выходных.

Я слышал, как Кай втянул воздух, готовясь к возмущенной тираде, но потом тихонько его выдохнул. Он сделал паузу. Потом сказал:

– Я не хочу один тут остаться. Ты это понимаешь?

– Я не собираюсь бросать тебя, парень, – сказал я, блаженно вытягиваясь на камнях.

Боль в плече уходила теплыми толчками. Это было необыкновенно приятно.

В эвакуационной команде были медики. Уже в коптере мне наложили швы, и заново перевязали рану, добавив быст-розаживляющие накладки. Кай стоически глядел на эти манипуляции, укоризненно глядя на меня своими влажными черными глазами. В этот момент он походил на побитого щенка.

Честно говоря – я и сам не знаю, что на меня нашло. С самого начала нам давали понять: не все миссии предназначены для того, чтобы их успешно пройти. Некоторые задания специально проектировались невыполнимыми. И одной из задач было научиться их распознавать, и отступать вовремя. А я всё никак не хотел этому учиться.

В итоге из двенадцати боевых полигонов мы с Каем не завалили ни одного. А по слухам – поражений должно было быть не менее четырёх.

Мысль о том, что кто-то из этих извращенцев, отвечающих за боевую подготовку, и проектировавший эти адовы площадки получил по шапке от начальства за неумение правильно наладить учебный процесс грела душу.

Но еще больше меня радовала предстоящая двухдневная увольнительная в город. Именно так нас вознаграждали за успешно выполненные миссии. И я научился пользоваться этими наградами по полной. Странно, я ведь никогда раньше особо не любил гулянки. Даже по клубам не ходил. А тут – как плотину прорвало.

Хотя, если вдуматься, ничего удивительного. Те вещи, которые со мной произошли – они ведь не могут пройти даром. А мне их даже обсудить не с кем. Вот, приходилось давить тоску по дому – любимыми доступными способами.

Мне регулярно начал сниться такой кошмар, как будто я и в самом деле потерял память. И моя жизнь началась несколько месяцев назад. Та безысходность, которую я при этом чувствовал – думаю, это самое страшное, что может пережить живой человек.

Пока коптер летел на базу, я успел вырубиться. Не от потери крови – просто, от усталости. Мы с Каем не спали почти три дня. Полигон вышел на редкость выматывающим.

После приземления был обыкновенный медицинский

осмотр. Я опасался что из-за раны меня могут закрыть на несколько дней в лазарете, и уже подготовил аргументы, почему этого делать не стоило. Но обошлось. Доктор предупредил о мерах безопасности, поменял повязку на более комфортную и лёгкую, и попросил зайти показаться через пару дней.

Мысленно я уже был в городе. Представлял, как захожу в клуб, и чувствую на себе уже привычные любопытные взгляды...

Но сегодня меня ждал ещё один сюрприз. Пока я переодевался в своей комнате, ожил экран защищенной внутренней связи. Я машинально ответил на вызов.

– Гриша, здравствуйте, – на экране была администратор, Лилиана (опять цветочное имя, и опять его земной аналог, разумеется) – молодая девушка, худощавая даже по марсианским меркам, но при этом вполне миловидная, с добрым лицом, и большими голубыми глазами, – не могли бы вы зайти, пожалуйста, в кабинет Коммодора?

– Как срочно? – ответил я.

– Он на месте, – ответила Лилиана, улыбнулась мне, и прервала связь.

Я вздохнул, снял утеплённые спортивные штаны, которые надевал в походы «на гражданку», и переоделся в чистый форменный штабной комбинезон.

В коридоре постучался в комнату Кая. Он отрыл через пару секунд, хотя был в одном нижнем белье. У меня не было

возможности разобраться в тонкостях марсианского этикета, но, раз он так сделал без малейшего колебания – значит, так принято. Надо запомнить.

– Ты чего это по форме? – первым спросил он, даже не дав мне открыть рот.

– Коммодор вызывает, – ответил я.

– Нифига себе! – удивился Кай, – зачем тебе, конечно, не сообщили.

– Нет, конечно. Слушай, если что – ты езжай один. Погреешь мне место, лады?

– С ума сошёл? – возмутился напарник, – буду тебя дожидаться. Без тебя там не интересно.

– Я серьезно. Ты заслужил – после того, что было сегодня.

– Так ты тоже!

– Так я и не отказываюсь! – улыбнулся я, – в общем, как хочешь, но я бы на твоём месте поехал.

– Дождусь, – упрямо сказал Кай.

Коммодор. Я не без труда подобрал аналог звания, в котором находился командующий полигоном. Во-первых, он формально подчинялся флотскому командованию – обычному, морскому, не космическому. Так исторически повелось. В большинстве марсианских стран, еще до выхода в космос, силы специальных операций включались именно во флотское командование. Даже их аналог ВДВ были моряками, и совмещали функционал морского и воздушного десан-

та. Были редкие исключения – но это считалось экзотикой. А во-вторых, это звание было выше аналога нашего капраза, но ниже – контр-адмирала. Поэтому пришлось воспользоваться системой, принятой в британском флоте.

У Коммодора, разумеется, было имя. Мужские имена в большинстве марсианских культур имели корни в животном мире. Мальчиков называли разными храбрыми и устрашающими зверями. А, поскольку биосфера на планете, очевидно, имела общие генетические корни с биосферой на будущей Земле, как правило, подобрать более-менее близкое животное для соответствия имени труда не составляло. Кай был исключением. Его имя означало «бой, битва», на том языке, который был родным для его матери.

Коммодор Волк встретил меня у дверей своей приёмной. Это был седеющий серокожий мужчина, худощавый, как все марсиане, с бледными зеленоватыми глазами. Если бы не серая кожа – он мог бы даже сойти за землянина. Значит, по местным меркам, он был очень крепким, как полагается военному. Серая кожа и зелёные глаза – признак одной из двенадцати основных марсианских рас.

– Служу планете и Аресу! – произнес я уставную фразу приветствия старшего офицера.

– Вольно, офицер-кадет, – ответил Волк, – проходи. Разговор есть, – он указал на дверь своего кабинета.

Окна помещения выходили на Стену: сооружение, высотой в полтора километра, которое издалека можно было при-

нять за естественный горный хребет. Лучи заходящего солнца окрашивали серый камень в зеленовато-сиреневый цвет. Кое-где загорались огоньки контрольных пунктов и периметра охраны.

Я вздохнул, и занял предложенное кресло.

– Кто ты, Гриша? – безо всякого перехода начал Коммодор.

Моё сердце пустилось в галоп, ладони мгновенно вспотели. Наверно, подсознательно я ждал этого разговора: невозможно скрывать свою истинную природу вечно. Но только что делать сейчас? Рассказать правду? И что со мной будет? Дурка вместо полигона? Или, что еще хуже – лаборатория и пожизненная изоляция?

Эти мысли за секунду пронеслись в моей голове, пока я обдумывал ответ.

– Думаю, ты и сам этого не понимаешь, – Волк покачал головой.

Я, уже набрав было в грудь воздуха для ответа, медленно выдохнул, и стал ждать продолжения.

– Ты ставишь в тупик весь научный корпус нашего родного мира, – продолжал Волк, – твои реакции выходят далеко за пределы теоретически программируемых на генетическом уровне. Твои навыки уникальны. Твои приемы борьбы неизвестны науке. И что нам с этим делать? – он вздохнул, и пристально поглядел на меня. Почесал переносицу, потом продолжил: – извини, парень. Ты, конечно, не можешь пони-

мать, что с тобой происходит. Знаешь. А поначалу мы подзревали в тебе хитрого агента – конструкта, засланного фэтонцами, хоть наша разведка и была совершенно убеждена, что они не доросли до такого уровня технологий. Одно дело – создать человека, способного жить в условиях высокой гравитации, и совсем другое – создать шпиона, идеально имитирующего амнезию, но затем демонстрирующего невиданные навыки... что-то не сходится, верно?

– Если ты считаешь, что я могу представлять опасность – дай команду меня изолировать. Отправить на орбиту. Уничтожить, в конце концов, – я продолжал играть. Говорил то, что должен был бы сказать марсианский боевой конструкт.

– Нет-нет, – Волк покачал головой, – мы совершенно уверены, что ты наш. Иначе ты бы не дошёл до уровня полигона. Но остаётся открытым вопрос, что с тобой произошло там, в космосе. Не поверишь – но даже некоторые наши ученые всерьез считают, что ты подвергся некому скрытому воздействию эгрегора культа Ареса. Что тебя коснулся сам бог войны. И дал тебе новые силы.

Я осенил себя знаменем Пики (Кай научил).

– Вот-вот, – Коммодор грустно усмехнулся, – в общем, просьба к тебе. Если вдруг у тебя самого есть какое-то... скажем, объяснение тому, что с тобой происходит – поделись. Договорились?

– Принято, Коммодор, – снова по уставу ответил я, и уже собрался было подняться, но Волк остановил меня жестом.

– А теперь о главном. Ради чего я послал за тобой, несмотря на заслуженное увольнение.

– Служу планете и Аресу! – повторил я.

– Гриша... – он снова вздохнул, – скажу прямо: мы в отчаянии. Есть серьезный риск, что наши враги могут получить подавляющее преимущество. Мы почти опоздали, но еще остается крохотный шанс, небольшое окно возможностей, чтобы обратить ситуацию в свою пользу. И после сегодняшнего полигона я могу сказать: ты дал надежду не только мне. Ты дал надежду всему нашему миру.

Он осенил себя знаменем Пики.

Повинуясь жесту Коммодора, в кабинете притух свет. На стене загорелся информационный монитор со схематическим изображением Солнечной системы.

– То, что я сейчас расскажу – это закрытая информация. Не для сетей общего пользования, – сказал Волк, потом поднялся из-за стола, и прошёлся по кабинету. Я повинуясь требованиям воинского этикета, тоже встал.

– Давно известно, что нашу систему неоднократно посещали внешние цивилизации. Они оставили многочисленные следы своей работы и вмешательства, – по мере того, как он говорил, схема покрывалась синими значками со схематическим изображением найденных следов, датой обнаружения и названием марсианского зонда, сделавшего открытие, – некоторые, очевидно, прилетали за определенными ресурсами. Некоторые – с чисто исследовательскими целями. Тех-

нологическая ценность останков, как правило, была очень низкой из-за плохой сохранности. Но кое-что нам все-таки удалось использовать. Например, белковые синтезаторы, закончившие с хищнической эксплуатацией биосферы планеты – результат исследования космических археологов. Ты не знал?

– Нет, – ответил я.

– Не удивительно. Эта информация всё еще имеет статус закрытой, – Коммодор почесал затылок, и вернулся в кресло. Повинуясь его жесту, я тоже сел, – ты, конечно, знаешь, что среди космологов существует научный консенсус насчет того, что наша система имеет искусственное происхождение. Я видел отчет о твоих изысканиях в сети там, в госпитале.

– Знаю, – подтвердил я.

– Вот тебе дополнительная информация. Наши ученые считают, что наша система не просто создана искусственно. Она не завершена. И, очень вероятно, сделана не вполне так, как было задумано изначально. Например, ученые вычислили, что разумные цивилизации на внутренних планетах не должны были появляться одновременно, как случилось с нами и фаэтонцами. Одни должны были появляться последовательно, с интервалом около ста миллионов лет. Но, как говорится, что-то пошло не так. Мы очень долго пытались вычислить – что именно, и чем нам это грозит. Найти следы не просто внешних визитеров – а создателей системы. И около пяти лет назад нам это удалось.

Коммодор взмахнул рукой, и экран снова ожил. Изображение Венеры постепенно увеличивалось, пока не заняло все поле зрения.

– Как я сказал, пять лет назад наш зонд, предназначенный для гравитационного сканирования Венеры обнаружил некую аномалию, – изображение на экране снова увеличилось; вид из космоса сменился видом, который наблюдают пилоты высотных атмосферных истребителей, – ученые поначалу не придали этому большого значения – такие аномалии не редкость на планетах с высокой тектонической активностью. Но зонд висел на орбите достаточно долго, чтобы проследить повторяющиеся циклы аномалии. Что было необычно для естественного образования. Нам сильно повезло – аппарат имел два спускаемых микро-зонда, которые мы планировали использовать для анализа глубинного состава венерианского океана. Но, с учетом обстоятельств, их перепрограммировали для другого применения. И тогда они обнаружили вот это.

На экране появилось изображение, сделанное, очевидно, с венерианской поверхности. Яркая зелень многоярусных джунглей росла так плотно, что почти закрывала небо. Свет тут был сумеречно-салатовым, что, однако, не мешало разглядеть одну очень интересную деталь рельефа. Прямо перед камерой был огромный водопад, высотой метров пятьдесят, не меньше. На первый взгляд ничего необычного: скала как скала. Но низвергающийся поток воды был слишком

правильным. Прямым. Словно в каком-то исполинском городском фонтане, а не в джунглях.

Камера еще сильнее приблизилась. Сквозь сплошной ковер зелени, мха, лишайников и перегноя, кое-где поблёскивал голубоватый металл – там, где слои отложений размыла вода. Изображение приблизилось еще сильнее, сфокусировавшись на водопаде. А потом, должно быть, система включила какие-то фильтры, блики исчезли, и поток воды стал совершенно прозрачным. Примерно на середине высоты водопада, на странном материале, похожем на голубоватый металл, был выгравирован символ, который мне уже приходилось видеть. Я не сразу сообразил – где и когда, а, когда понял, замер, стараясь не выдать своей реакции. Это была та самая ломаная спираль, которую мы видели на обратной стороне Луны. Только в гораздо меньшем масштабе, разумеется.

– Что это? – спросил я, стараясь, чтобы мой голос звучал как можно спокойнее.

– Мы называем это печатью Создателей, – ответил Коммодор, – очень похожую мы нашли на дне Восточной впадины, самого глубокого места в нашем океане. Только та спираль была сильно деформирована. Почти разрушена. Точно такую же находили фаэтонцы на своем естественном спутнике. Они передали эти данные в рамках научного обмена, установленного в первые годы после контакта, еще до Большой войны. И наши, и их ученые сошлись во мнении в том,

что эти сооружения – самые древние артефакты нашей системы. А, значит, с высокой степенью вероятности, именно они принадлежали Создателям.

Я затаил дыхание. Вот тебе и ответ на вопрос, почему местные цивилизации не нашли свои триггеры... выходит, их каким-то образом можно разрушить, не вызвав прилет самих Создателей!

– Все эти годы мы тщательно хранили эту информацию. И готовились – к экспедиции на Венеру. Очень сложно спрогнозировать, что именно способен дать этот артефакт, и способен ли вообще... но, сам понимаешь, с учетом нашей ситуации, быть первыми критически важно. Не исключено, что речь идет о самом выживании нашего мира.

– Для этого и создавали таких, как мы с Каем, да? – задал я риторический вопрос.

– Конечно, – подтвердил Волк, – для самой важной миссии в истории Корпуса специальных операций.

– Это объясняет специфику полигонов, – сказал я, невольно потрогав плечо; оно уже не болело, но неприятно чесалось.

– Верно, – снова подтвердил Коммодор, – думаю, ты уже догадался, почему мы так гоним с подготовкой? И почему задействовали тебя, несмотря на все вопросы, возникшие после уничтожения лаборатории?

Я сделал вид, что на секунду задумался. А потом ответил:

– Фаэтонцы что-то пронюхали?

Волк грустно улыбнулся.

– Не просто пронюхали, – ответил он, – мы подозреваем, что в наших рядах есть предатель. Крот.

– Кому может прийти в голову работать на Фэтон? – я изобразил искреннее возмущение.

– Ну... в какой-то период после первого контакта имели место даже случаи совместных браков. Мы генетически совместимы. И сейчас остались некоторые... люди. Которые считают, что их модель общества имеет преимущества перед нашей.

Я покачал головой.

– Социологи говорят, это естественный процесс, – Волк снова грустно улыбнулся, – какая-то часть населения всегда будет недовольна. В обычных условиях это никак не может дестабилизировать общество, но при наличии внешнего врага... ущерб может быть очень значительным.

– Насколько все плохо? – спросил я.

– Их экспедиция стартовала неделю назад, – ответил Коммодор.

– Откуда у нас такая информация?

Волк загадочно улыбнулся и оставил вопрос без ответа.

– Мы еще можем успеть? – я задал более правильный вопрос.

– Да. У нас три дня в запасе. Но, боюсь, времени на подготовку не остается совсем. И корабль придется модифицировать, дать вам больше оружия. Боюсь, перелет не будет та-

ким комфортным, как мы планировали вначале.

– Служу планете и Аресу! – сказал я.

– Гриша, – вздохнул Коммодор, – я специально вызвал на разговор тебя, как старшего. Сегодня ваш последний вечер на гражданке перед экспедицией. Прошу, сделай так, чтобы Кай запомнил его. Хорошо?

Я встал с кресла и ответил совершенно не по уставу:

– Принял, командир. Сделаем. И спасибо за разговор.

С этими словами я вышел, не прощаясь, и без формального разрешения.

6

По дороге обратно к жилому корпусу я всё думал о том, как бы посмотреть данные о земной Луне. Фотографии обратной стороны, и отчеты о сделанных находках. Коммодор сказал, что печать Создателей нашли только на Марсе и спутнике Фаэтона. Точнее, остатки печати – очевидно, что устройство вызова было кем-то когда-то разрушено. С учетом сказанного, скорее всего, на Луне ничего не было. И это делало всё происходящее довольно зловещим. В нашем времени Фаэтон разрушен. Марс мёртв. А от обилия артефактов в системе нет и следа. Это могло означать только одно: Создатели ещё побывают возле Солнца. Вопрос только в том – как скоро.

Кай, несмотря на мою просьбу, остался дожидаться меня.

И, наверно, это к лучшему – с ним было легко отвлечься от дурных мыслей.

В нашем распоряжении был электромобиль. Дорогая модель приличной марки, с откидывающимся верхом. Несмотря на прохладный климат, даже тут, у Полигона, выпадали тёплые денёчки, когда можно было прокатиться, не отказывая себе в удовольствии дышать свежим воздухом.

Сегодня был как раз такой день. И вечер всё еще сохранял его тепло. Поэтому я опустил крышу и, не торопясь, тронулся в сторону серпантина, спускающегося вниз, в долину – туда, где километрах в двадцати от базы лежал небольшой городишко.

Когда-то в здешних горах, еще до создания Полигона (да что там – ещё до космической эпохи!) добывали самоцветы, ценившееся во всём мире. Позднее, уже после промышленного взрыва, тут нашли залежи кристаллов лития, и продолжили разработки. В городке поколениями жили шахтёры, работающие на многочисленных ГОКах, густо рассыпанных по окрестностям. Позднее к ним добавился персонал флотской базы, расположенной на побережье, и самого полигона – как военный, так и гражданский.

Поэтому, несмотря на небольшие размеры, местечко было довольно богатое. Хватало тут и дорогих магазинов, и самых современных развлечений. В том числе – ночных клубов, в один из которых мы и направлялись.

Ещё в самый первый наш приход нас выходил приветство-

вать хозяин заведения – молодой парень с бархатистой зеленоватой кожей и белыми глазами. Выходец из Глубинных земель континента. Откуда именно, из какой страны сказать было сложнее: по акценту ни Кай, ни тем более я определить не смогли, а спросить прямо не было подходящей возможности. Тогда он подарил нам универсальный бессрочный пропуск в привилегированную ложу, который позволял пользоваться отдельным проходом, где не было фейс-контроля.

Это было очень удобно. Если совсем честно – мы ходили в клуб не столько для того, чтобы потанцевать или посмотреть перфомансы, сколько для знакомства с девушками. И цели у нас были вполне определённые. Впрочем, самих девушек это вполне устраивало. Они ходили в клуб за тем же. А на серьезные отношения с военными, тем более с модифицированными спецназовцами, разумеется никто не рассчитывал. Такое положение вещей более чем устраивало все заинтересованные стороны.

Я припарковал мобиль на стоянке, зарезервированной за клубом. Закрыл крышу, и мы направились к нашему входу в заведение.

Мы прошли уже половину расстояния, когда Кай вдруг остановился прямо посреди парковки, и замер, как будто к чему-то принюхиваясь.

– Эй! Ты чего? – спросил я, и толкнул напарника в плечо.

– Да ничего... – неуверенно ответил Кай, – ты не чувствуешь?

Вроде как-то тихо что ли...

Я прислушался. С окрестных улиц доносился обычный гул. Из помещения клуба долетали звуки первого вечернего перформанса. С парковки возле молла, расположенного в квартале отсюда, вещала назойливая реклама и предупреждения о необходимости соблюдать порядок въезда-выезда.

– Разве? – удивился я, – да вроде все как обычно.

– Да... – неожиданно согласился Кай, – и точно. Как обычно... Почему тогда кажется, что как-то тихо?

– У тебя что, отходняк после полигона? – озабоченно спросил я.

– Да иди ты... – вяло отмахнулся Кай, после чего огляделся, и осторожно направился в сторону клуба.

Двери открылись автоматически перед нашим приближением. Я, поглядев в камеру, кивнул охранникам, и мы пошли дальше по коридору.

К счастью, дверь за нами успела закрыться. А ещё в помещении совершенно не было окон. Только глухой бетон, приличной толщины, с прослойкой звукоизоляции. Это спасло наше зрение в первые секунды.

Помню, в тот момент, когда всё случилось, мне почудился запах озона. А потом вырубилось освещение, и заглохла музыка. Секунду было очень тихо. Я успел расслышать, как где-то снаружи нарастает глухой и мощный гул. После этого в темноте раздались крики людей: сначала возмущенные, потом – испуганные.

Мы остановились посреди коридора. Я почувствовал, что

Кай взял меня за руку. Резкий свет ручного фонарика на секунду меня ослепил. Фонарик Кай держал в руке и водил лучом вдоль тёмного коридора. Изнутри клуба по-прежнему раздавались крики. Краска на металлической входной двери вздулась, и кое-где пошла пузырями. От неё несло перегретой химией.

– Ты что, всегда его с собой носишь? – я указал на фонарик, – и какого фига происходит? Где аварийное освещение?

Кай не успел ответить. Как раз в этот момент тот гул, который я услышал сразу после того, как вырубился свет, стал мощнее, и перекрыл голоса людей. Потом само здание завибрировало так, что у меня заныли корни зубов.

– Быстро! Тут дверь в подвал!!! – закричал Кай во всю мощь своих могучих лёгких, но я не столько расслышал, сколько угадал его слова.

Меня не пришлось долго уговаривать. Бежать далеко не пришлось – буквально пять метров, и слева по коридору была обычная дверь, с противопожарным запором. Она легко поддалась. Мы влетели на затхлую и пыльную лестницу. Откуда-то снизу несло канализацией.

Тем временем, гул продолжался. Здание ходило ходуном, из щелей между перекрытиями сыпалась штукатурка и бетонная крошка.

Мы рванули вниз по ступеням со всей возможной скоростью.

– Ты уверен, что мы правильно делаем!?! – спросил я че-

рез несколько секунд, когда мы оказались внизу лестницы, на узкой и грязной площадке. Тут гул и вибрация ощущались не так сильно. Или же они начали стихать?

– Тут должен быть проход в старые штольни, – ответил Кай, – местные специально их делали, еще в период Первой войны с фаэтонцами. Боялись орбитальных бомбардировок.

– Что произошло? – спросил я, – марсотрясение? По-моему, как раз на улицу выбегать положено! Что, если здание на нас обрушится?

– Ты видел дверь? – спросил Кай.

– Входную? – уточнил я, – ну видел... там что, пожар?

Кай пристально на меня посмотрел.

– Точно. У тебя же подготовки не было, – сказал он, словно отвечая на какие-то свои мысли, – Гриша, ты только спокойно, хорошо? Происходящее здорово похоже на атомный взрыв.

Я едва удержался, чтобы не выругаться по-русски. Кай тем временем распахнул дверь на площадке, и скрылся в подвале.

– Гриш, скорее! – крикнул он, посветив фонариком в мою сторону.

Меня не пришлось долго уговаривать.

В подвале было сыро, пахло плесенью и канализацией. Кай вцепился руками в штурвал, установленный на массивном ржавом люке, вмонтированном в пол. Фонарик стоял рядом с ним; его луч упирался в низкий потолок. Мышцы на

руках и плечах напарника бугрились, покрываясь упругими жилами.

– Помоги! – процедил он сквозь стиснутые зубы.

Я присоединился к его усилиям. С жутким скрипом штурвал двинулся, проворачивая скрытую кремальеру. Через мгновение мы распахнули люк.

Снизу пахло... даже не знаю, с чем сравнить. Наверно, так пахнет в старых шахтах и заброшенных рудниках. Запах горной породы.

Вниз вели ржавые перекладыны вертикальной лестницы. Стенок помещения внизу не было видно – луч фонарика терялся в темноте, не достигая их. Но, судя по эху, подземелье было огромным.

– Пошли, скорее! – сказал Кай, и, подавая пример, сам первым полез в люк.

– Подожди, – сказал я, – секунду. Если это путь к спасению – то там, наверху, люди!

– Охрана и персонал знают этот путь, и проследуют за нами, – ответил Кай, – мы можем только помешать эвакуации.

Он спустился на пару ступеней вниз.

– Слушай, ну всё равно! Это как-то не очень правильно! Куча гражданских наверху в опасности, а мы – военные, сваливаем первыми!

– Гриша, – Кай посветил наверх фонариком, – ты что, ещё не понял?

– Понял что?

– Мы были объектом атаки. С очень высокой степенью вероятности. Да пошли же! Внизу поговорим.

Спуск был долгим. Наверно, это хорошо, что фонарик был не очень мощным; думаю, что если стены подземелья и его дно были бы хорошо видны – ощущения от этого спуска были бы так себе... Впрочем, итак они были очень своеобразными. Темнота и простор. Как будто вся вселенная сжалась до одной лестницы, медленно плывущей в пятне света от фонарика.

– Осторожнее! Тут лужа, – предупредил Кай, и спрыгнул с лестницы. Внизу, подо мной, действительно маслянисто поблёскивала вода. Я примерился, оттолкнулся, и прыгнул в сторону – туда, где было сухо.

Вздыхнув с облегчением, я машинально посмотрел наверх. Но, конечно же, ничего не увидел. За нами никто не следовал.

– Не похоже, что эвакуация началась! – заметил я.

– Возможно, повреждения здания не такие страшные, как мне вначале показалось.

– С чего ты взял, что это атомный взрыв?

– Я почувствовал, – улыбнувшись, ответил Кай, – у меня кожа модифицирована. Я чувствую электромагнитные поля. А тут меня как будто ошпарило. Это был электромагнитный импульс. Это из-за него электричество вырубилось.

– Да как такое вообще возможно!?! – я едва не перешёл

на крик, сказывалось эмоциональное напряжение. Все произошло слишком стремительно, – я ведь читал про планетарную оборону! Бомбардировка возможна, только если её полностью смяли. Если у них вдруг появилось подавляющее военное превосходство!

– Не думаю, что это была орбитальная бомбардировка, – Кай пожал плечами.

– Как ещё можно устроить атомный взрыв на военном объекте!?

– Готов спорить, что это была диверсия. Причем операция, подготовленная в большой спешке. Своего рода жест отчаяния, – Кай пожал плечами.

Всё-таки поразительно, как ему удавалось сохранять спокойствие, зная, что там, наверху, совсем рядом только что разверзся атомный ад.

– Почему так думаешь? – спросил я, отряхиваясь.

– Потому, что мы живы, – он пожал плечами, – значит, их агентура не смогла подобраться слишком близко. Они знали, где мы – но деталей нашего перемещения у них не было. Им пришлось рискнуть. И они проиграли.

– Такое... уже происходило раньше? – предположил я.

– Что ты! – Кай округлил глаза, – совершенно уникальная ситуация. Поэтому я очень волнуюсь за нашу миссию на Венеру. Должно быть, она имеет значение просто невероятной важности. Наверно, поэтому нас до сих пор не посвятили в детали.

Я решил, что пересказывать свой недавний разговор с Волком прямо сейчас не стоит. Не время и не место. Вот когда выберемся, тогда... А ведь коммодор наверняка погиб!

– Допустим, – сдержанно сказал я, – но сейчас-то что делать? Есть план? Куда дальше?

– В сторону от города, – ответил Кай, и сделал приглашающий жест, – я неплохо изучил план здешних подземелий. Мы сейчас в камере, где когда-то стоял подземный комбинат. Его, конечно, давно разобрали – на сырье. Местные выработки истощились. Отсюда есть выход на нижние горизонты, а там – проход аж до самого перевала Барьерного хребта, – он осветил фонариком по сторонам; всюду был камень, покрытый трещинами и кое-как валяющимися осколками породы.

– Идти километров двадцать! – воскликнул я.

– Ага, – согласился Кай, – поэтому лучше не мешкать. Нам надо выйти на связь как можно скорее. Космодром и корабль, предназначенный для нашей миссии, тоже могут подвергнуться нападению. Надо предупредить!

– Думаю, они итак догадались, – сказал я, – и приняли меры. Надеюсь.

– Возможно, – кивнул Кай, – но это не причина, чтобы тут задерживаться, да?

Я вздохнул, опустил взгляд, и поплёлся следом.

Вот почему мне так «везёт» на подземелья? Я ведь действительно очень, очень сильно не люблю замкнутые про-

странства. Да, научился с этим справляться – особенно, когда точно понимаю, что происходит, и есть вера в то, что всё под контролем. Как в орбитальной капсуле. Или на центрифуге. Или даже в том подземелье, которое мы нашли с Катей – там тоже было неудобно, но все механизмы исправно работали, да и продлилось это совсем не долго... а тут – впереди двадцать километров пешком по заброшенным шахтам, на чужой планете, бр-р-р-р....

– Слушай. А, может, город пострадал не так сильно? Здание клуба-то вроде устояло! Может, просто поднимемся, а? Вызовем эвакуационную команду? Хотя бы на связь выйдем?

– Гриша, это не очень разумно! – ответил Кай, – там паника. Службы пытаются спасти того, кого можно спасти. А если в городе есть пособники диверсанта – просто для контроля и подстраховки. Да и к тому же бомба сильно излучала. Возможно, это была нейтронка. Там слишком много наведённой радиации, я не ручаюсь, что мы не схватим опасную дозу.

– И ты это тоже почувствовал? – спросил я недоверчиво.

– Я это тоже почувствовал.

– И почему все говорят, что ты более простая модель... – тихо пробормотал я.

– Потому, что у меня нет твоей выносливости. И степень адаптации к повышенной гравитации несколько ниже. Мне будет тяжелее на Венере.

– Ладно, – я махнул рукой, – двинули уже. Хотя честно

скажу – не люблю я подземелья! Надеюсь, батареи в твоём фонарике заряжены под завязку.

Кай заинтересованно глянул на меня, но промолчал.

В подземельях оказалось не так плохо, как я поначалу опасался. Никаких особенно узких мест, или щелей, куда пришлось бы протискиваться. Просто аккуратно вырубленные в породе штреки, хорошо укрепленные старыми полимерными распорками, которые еще пару сотен лет не потеряют своих свойств. Изредка попадались природные пещерные карманы. Там было даже красиво: сталактиты и сталагмиты, даже пещерные цветы. Попадались и карманы с самоцветами, вот только останавливаться, чтобы набрать камней, совершенно не хотелось. Да и инструментов не было...

– Как думаешь, сколько мы прошли? – спросил я, по моим прикидкам, часа через четыре.

– Много, – ответил Кай, – километров двенадцать. Нам везет, горизонт относительно молодой, нет завалов.

– Ясно, – кивнул я.

За очередным поворотом тоннель вывел к вертикальной шахте. Довольно широкой – метров пять в диаметре. И прямого хода на противоположную сторону, где виднелся тёмный провал следующего штрека, не было. Возможно, Каю придётся карабкаться, цепляясь за неровности стенок шахты.

– Жаль верёвки нет... – вздохнул я, оглядев препятствие, – я допрыгну. А ты как?

Кай улыбнулся, потом расстегнул куртку. Его гражданские штаны, на которые я-то раньше и внимания не обращал, вместо ремня были обвиты несколькими слоями чего-то, что вполне могло сойти за хорошую верёвку.

– Элемент традиционной одежды в местности, откуда мама родом, – пояснил напарник, вытаскивая «верёвку», – в древности использовался для лазания по деревьям. Думаю, я бы и сам допрыгнул, но зачем рисковать?

– Удобно, – улыбнулся я, – давай так: я прыгаю, ты кидаешь мне конец, я тебя страхую.

– Идёт, – сказал Кай, фиксируя конец «веревки» на специальной поясной пряжке.

Пока Кай подсвечивал фонариком, я примерился, оттолкнулся как следует, и махнул через шахту, стараясь не глядеть вниз.

И врезался в стену так, что искры из глаз посыпались!

Проход в штрек оказался фальшивым! Тут была только узкая ниша, не больше полуметра глубиной, которая заканчивалась стеной из антрацита или похожего минерала, обладающего свойством эффективно поглощать любой свет, не давая даже бликов. Эта чернота давала ощущение объема, создавая иллюзию прохода.

– Отвязывайся. Тупик, – констатировал я, восстанавливая дыхание и разворачиваясь на узкой площадке.

Я перебросил свой конец «верёвки» обратно Каю. И сделал это очень вовремя. Потому что иначе мой напарник бы

точно погиб.

Потолок шахты рухнул совершенно неожиданно. Не было никаких настораживающих тревожных знаков. Вот я стоял, примеряясь для обратного прыжка, а вот – грохот, пыль и будто свет выключили.

Я ощупал себя. К счастью никаких повреждений. А потом до меня дошел весь ужас ситуации. Я в каменном мешке, глубоко под в недрах древнего Марса. Жив Кай или нет – до конца непонятно, а даже если и жив – он никак не успеет привести помощь до того, как у меня закончится воздух для дыхания.

И тогда пришла паника.

Даже там, в вакууме, не было настолько плохо. Да, больно очень – но все происходило быстро. Здесь же ты понимаешь, что умираешь – но долго и мучительно. Тело ещё не знает о страшной ловушке. Оно грузит адреналином, как будто физическая сила и скорость тут может помочь. А разум в это время падает в такие бездны отчаяния, даже о существовании которых не подозреваешь, когда живешь обычной жизнью.

Поначалу я пытался сопротивляться. Считал от ста в обратном порядке. Сбивался, и начинал снова. Казалось, воздуха уже не хватает. Легкие работали на пределе, но всё равно казалось: задыхаюсь. И хорошо бы, если бы задыхался... небытие, потеря сознания были бы спасением. Потом я впивался ногтями в ладони – до боли, до крови. Это помогло на

несколько секунд.

Потом ужас вернулся с новой силой.

Я пытался присесть, шевелил руками в узкой нише. Кажется, что-то шептал. Или кричал. Сейчас уже не вспомнить. Мысли потеряли привычную стройность, рассыпавшись черно-белым конфети.

Я грыз своё запястье. Последний план: найти вену, истечь кровью. Скорее погрузиться в спасительное ничто!

И вот, в тот момент, когда я уже чувствовал солоноватый вкус во рту, я понял, что достиг пика. Сердце сжалось на миг. Потом застучало в другом ритме. Как будто кто-то отпустил педаль акселератора.

Тут, на чёрном пике паники, было холодное, заснеженное плато. Чувства исчезли совсем. Разум работал чисто и без сбоев. Констатировал происходящее, спокойно оценил ситуацию. Ещё раз взвесил шансы на успешную спасательную операцию. Спокойно обследовал запястье. Ничего критического – легкий прокус на коже. До крупных сосудов было очень далеко. Обработать нечем – но это не тот риск, на который стоит сейчас обращать внимание.

А дальше началось нечто странное. Точнее, в тот момент оно не воспринималось как странное – эмоциональной оценки не было, чувства будто выключили. Но разум продолжал расширять границы восприятия. Расширял пространство.

Я прикоснулся к камням обеими руками. Почувствовал отголоски вибрации после обвала. Оценил температурные

перепады, движение тонких струек воздуха в щелях.

В голове словно сама собой рисовалась картина: шахта. Характеристики стенок. Высота. Ширина. Напряженность. Характеристики материалов. Структура завала, векторы приложения сил. Как будто включился мощный сканер, считывающий по мельчайшим колебаниям окружающей среды нужные данные. И не менее мощный компьютер, который сводил всю картину воедино.

Я видел всё вокруг, на десятки, а то и на сотни метров. Не глазами. Всем телом. И тем компьютером, который внутри меня восстанавливал целостную картину окружающего.

Странно, что в этот момент полного отсутствия эмоций я смог подумать: «Так вот какво это – быть видящим по-настоящему».

Мне понадобилась пара минут, чтобы понять: выход из положения есть. Даже без посторонней помощи я могу выбраться.

Завал камней передо мной не был стабильным. Его плотность была далека от плотности монолитной скалы. А, значит, создать динамическую полость достаточного размера, чтобы вместить моё тело, вполне возможно. Да, сложно очень, нужны огромные вычислительные мощности, и ювелирная точность исполнения. Но, похоже, у меня было и то и другое.

Я выбрал нужное место, и точно рассчитанным движением под нужным углом ударил один из булыжников.

Дальше всё происходило в строгом соответствии с моими расчетами.

Камни сдвинулись, и снова легли в другом порядке. Это было похоже на примитивную компьютерную игру. Только на очень сложном, недоступном человеку уровне.

Мне пришлось разуться, чтобы чувствовать распределение нагрузки через стопы с нужной точностью. Кроссовки я взял в левую руку. А правой продолжал ударять по камням.

Небольшая заминка возникла в самом центре завала. Чтобы создать нужную конфигурацию векторов приложения усилий, мне пришлось с миллисекундными интервалами сделать десять ударов. Разум блестяще справился с этой задачей. Но тело немного подвело. Я взял средний показатель упругости сухожилий, а на правой руке, у безымянного пальца, видимо, был изъян. Сухожилие получило микро-травмы, растяжение, но, к счастью, не порвалось. Как бы то ни было, это не было критично.

Я выбрался в штрек, по которому мы пришли к шахте. Вытянув ладони, ощупал воздух. По нюансам движения молекул, температурным перепадам и вибрации пола, разум восстановил картину: Кай бежит изо всех сил. До выхода ему не так уж и далеко осталось. Я надел кроссовки, и побежал за ним. Полная темнота больше не была для меня значимым препятствием.

Кая я догнал возле выхода из пещеры. Он возился с аварийным маяком, пытаясь поймать уверенный прием спутни-

ка. Увидев меня, он остолбенел. Я почувствовал, как его тело через поры начало выделять ферромоны страха, сердце зачастило, а дыхание сбилось.

– Спокойно, – сказал я нейтральным голосом, – я выбрался.

А потом восприятие мира разом, рывком, вернулось в обычное состояние.

– К... как? – смог выдавить из себя Кай.

– Долго объяснять, – ответил я, – со мной произошло что-то странное. Как будто какое-то сверхвосприятие. Я смог сделать динамическую полость в завале. И через неё выбраться наружу.

– Я вот... – он указал на передатчик, потом добавил, сбивчиво, и почему-то извиняющимся тоном, – тут помощь хотел вызвать. Думал, успеем. Бур, и шланг с кислородом. Или просто кислород гнать через завал под давлением. Оборудование есть, мы впритык, но могли успеть. Ты бы, наверное, уже сознание потерял, но шанс был...

– Спасибо, – сказал я. Потом подошёл к парню, и обнял его. Даже не задумываясь о том, что раньше никогда не сталкивался с таким жестом на Марсе.

– Это называется точкой инициации, – Кай буравил меня своими чёрными глазами, серьёзно глядя исподлобья, –

нельзя сделать так, чтобы от рождения человеку были доступны нечеловеческие возможности. Потому что получится не человек. Пробовали поначалу – заканчивалось очень плохо. Способности рвут структуру личности, и исправить это невозможно никакими психотерапевтическими или даже фармакологическими методами. После первых экспериментов ученые сильно пострадали. Их судили. Наказали, довольно жёстко. Потом на тридцать лет запретили любые вмешательства в человеческий геном. И запрет так бы и остался запретом, если бы одиннадцать лет назад не случилось нечто, тщательно скрываемое властями Конфедерации. Я про находку на Венере. Учёные получили добро на то, чтобы создавать подобных нам с тобой, – Кай вздохнул, и тоскливо глянул в окно. Там, на фоне морского пейзажа черной громадой высилась стартовая конструкция. Сама ракета с орбитальным челноком ещё не была установлена, но это произойдёт в ближайшие часы, – только в этот раз они поступили более разумно. Решили перехитрить природу. Заложенные изменения проявляются не сразу, а уже после формирования личности, причем в стрессовой ситуации, основанной на искусственно созданной фобии. Чтобы намертво запечатать в подсознание их неординарную ценность. Я не всё тебе рассказал, когда говорил о страхе высоты. Мне было запрещено.

– Точнее, ты сказал не правду, – заметил я.

– Если бы вы узнали всё заранее – это обнулило бы шансы на успешную инициацию, – вмешался Хорёк (на самом деле

зверёк, в честь которого его называли, был больше похож на куницу – но мне хотелось назвать ученого именно так; именно он рекомендовал меня оставить взаперти и неведения на целые сутки после того, как мы спаслись из пещер), – а в перспективе вызвало бы у тебя сильнейший комплекс неполноценности.

– Не вызвало бы, – ответил я, – я бы прекрасно прожил и без этого.

– Возможно, – согласился Хорёк, – но это может кардинально сказаться на успехе будущей миссии.

– Так почему вы не сделали это раньше? Если верить вам – достаточно было определить то, к чему у меня развивается фобия, а потом искусственно смоделировать эту ситуацию...

Я запнулся и замолчал. Меня вдруг как током прошибло. Я вспомнил тот странный разговор с Катей, после центрифуги. Когда мы обсуждали – для чего именно она приехала. Как раз сразу после этого на нас напали птицеголовые... выходит, она что, знала? Или подозревала? Выходит, что, возможно, и пришельцы тоже знали или подозревали? Но почему Алиса так обошлась со мной? Посчитала подозрения не оправданными? Или ей было просто всё равно, кто я?

– Проблема с тобой в том, что, вместе со станцией, погибла вся научная документация на тебя, – грустно вздохнул Хорёк.

– Они не знали, как тебя инициировать, – вмешался Кай, – и не знали, что именно откроется после этого.

– Тебе это не понравится, но я скажу, – продолжил Хорёк, – одна из фракций в консилиуме предлагала подвергнуть тебя всем возможными и известным типам инициации. Шансы на то, что примерно на половине тестов мы случайно наткнемся на нужную комбинацию были довольно высоки. При этом вероятность того, что к тому времени ты необратимо потеряешь разум составляли не больше пятидесяти процентов. Но нам удалось убедить остальных, что даже без инициации ты критически важен для миссии. А значит обозначенный порог риска был неприемлем.

– Значит, вы пустили всё на самотёк, – я недоверчиво нахмурился.

– Не совсем так, – Кай улыбнулся, – я думал, ты уже понял. Они модифицировали стандартные полигоны. Все наши миссии – это скрытые попытки нащупать нужную комбинацию инициации.

– Понятно, – кивнул я, – а когда фантазия закончилась, вы решили смоделировать атомный взрыв...

– И это тоже не верно! Я тебе говорил уже! – Кай развёл руками.

– Увы, атака была настоящей, – вздохнул Хорёк, – погибли тысячи. Мы бы никогда не сделали подобного собственными руками.

– Даже во имя высшей цели спасения Марса? – я испытующе поглядел на учёного.

– Если бы мы были бы способны на такое – нас не стоило

бы спасти, – парировал он.

– Всё руководство контрразведки подало в отставку, – заметил Кай, – как я говорил, это действительно был жест отчаяния с их стороны. Этой операцией фаэтонцы вскрыли крупнейшую резидентуру в ЕСОК.

– Но по иронии судьбы вместо того, чтобы уничтожить тебя и Кая, и похоронить наш венерианский проект, они разрешили крупнейшее затруднение.

– Слава Аресу! – улыбнулся Кай.

Я вздохнул; потом по очереди посмотрел в глаза Хорьку и Каю. Чуть прикрыл глаза, открывая свои новые возможности. Почувствовал пульс. Биение микротоков в нервах. Активность кожных рецепторов... нет, не врут они. Возможно, искренне заблуждаются – но не врут. Впрочем, это тоже ничего не доказывает – марсианское высшее командование достаточно прозорливо, чтобы не допустить утечки информации на исполнительский или даже экспертный уровень. А в благородство воюющих сторон я не верил никогда.

– Хорошо, – кивнул я, – мы – супер везунчики, но что...

Я хотел спросить: «Что именно со мной произошло? Как называется это способность? На чём она основана?», – но как раз в этот момент в дверь переговорной тихонько постучали. Хорёк нажал кнопку на столе, и разблокировал замок. С тихим мелодичным сигналом дверь отъехала в сторону, впуская в помещение изящную, очень молодую на вид девушку в коричневом лабораторном халате. У неё были огром-

ные зелёные глаза, светлая кожа и волосы соломенного цвета, свободно ниспадающие на плечи. Учитывая марсианскую стройность, она напоминала ожившую героиню аниме.

Кай отреагировал совершенно неожиданно: вскочил на ноги, широко открыл глаза, чуть развёл в стороны руки, и замер в такой позе. Я видел такой жест пару раз – когда выпадала редкая возможность посмотреть марсианские шоу; он означал крайнюю степень изумления.

– Привет, Кай, – спокойно сказала девушка, чуть улыбнувшись; она подошла к столу, и заняла одно из кресел, – тоже очень рада тебя видеть.

– Профессор Камелия, – Хорёк кивнул, – рад тебя видеть.

– Взаимно, профессор, – ответила девушка, и добавила, обращаясь ко мне: – думаю, ты хочешь узнать, что именно в тебе изменилось после инициации?

– Естественно! – кивнул я.

– Ничего себе! Уже профессор, – сказал Кай, словно не слыша наш диалог.

– Не пропускай семейные ужины – еще не то узнаешь, – девушка подмигнула Каю, и снова посмотрела на меня, – к сожалению, мы не сможем ответить точно, – сказала она, – предположительно в твоих нейронах активировалась некая квантовая вычислительная система. Очевидно, что коллеги в изолированной лаборатории на спутнике настолько обогнали нас, что понадобится несколько лет, чтобы точно определить параметры твоей модификации.

– Меня никто не предупредил, что ты тут будешь! – Кай всё так же стоял у стола, чуть раздвинув руки.

– Это бы что-то изменило? – Камелия пожала плечами, и улыбнулась, – и успокойся уже. Садись. Нам надо многое обсудить до старта, – девушка по очереди посмотрела на меня и на Хорька, после чего добавила: – простите моего брата. Он от рождения очень эмоционален. Это не модификация – просто часть его личности.

Кай густо покраснел.

– Кстати, Камелия – третий член экспедиции, – как бы невзначай заметил Хорёк.

– Что!?! – Кай непроизвольно сжал кулаки, по очереди глядя то на Хорька, то на единоутробную сестру.

– Это не планировалось заранее. Но, с учётом обстоятельств, наши аналитики пришли к выводу, что присутствие специалиста в молекулярной биологии может быть критически важно для успеха миссии, – сказал Камелия, продолжая спокойно улыбаться.

– И не просто специалиста, – добавил Хорёк, – а ведущего учёного в этой области, признанного авторитета.

– Ты не модифицирована под высокую гравитацию! – заметил Кай.

– Верно, – кивнула Камелия, – пока вы будете внизу, я останусь в орбитальном модуле. Но, если вдруг потребуется моё присутствие, я вполне смогу спуститься. Мы разработали препарат, который позволяет до двух недель работать лю-

бому обычному человеку при повышенной гравитации, не испытывая особого дискомфорта.

– Камелия, это секретность высшего приоритета, и я не уверен... – вмешался было Хорёк.

– ...убеждена, что у ребят высший допуск. Иначе бы их тут просто не было, верно? – перебила Камелия.

– Всё так... но контрразведка сейчас, фактически, парализована, и соблюдение всех протоколов безопасности возложено на руководителей проектных групп, – продолжал медик.

– Для протокола – ответственность на мне, – ответила Камелия, улыбнувшись, – теперь довольны?

Кай, наконец, снова вернулся в кресло, опустил голову, и едва слышно пробормотал: «И куда только мама смотрела...»

8

Сходные задачи приводят к сходным решениям. Кабина орбитальной капсулы была похожа на земную. Не до деталей, конечно – всё-таки традиции марсианского быта и дизайна накладывали свой отпечаток – но в целом, на уровне общих ощущений, капсула была братом-близнецом земного «Орла».

Места тут было, конечно, побольше. Раза так в три. Вот они, наглядные преимущества низкой гравитации – для вы-

вода на орбиту эквивалентной массы требовалось гораздо меньше горючего, чем на Земле. Значит, при проектировании капсулы было где развернуться. Тут был даже полноценный туалет, полностью изолированный от основного отсека. Конечно же, рассчитанный на невесомость. Так что никаких хитроумных устройств, вроде того, которым я пользовался при старте с Земли, или тем более подгузников на нас не было. А марсианские скафандры оказались заметно удобнее земных аналогов. Видимо, за счёт использованных материалов: в прикладной химии здешняя наука и производство укладывала современную мне Землю на обе лопатки. Это было понятно еще тогда, когда в магазине мне изготовили идеально подходящий комплект повседневной одежды.

Марсианский скафандр ощущался как вторая кожа. Те скафандры, в которых космонавты стартовали с Земли, по сути, были всего лишь специализированными противоперегрузочным костюмами и носителями датчиков для телеметрии с автономной или полуавтономной аварийной кислородной системой. В них нельзя было выходить в открытый космос. Для этого использовались совсем другие устройства, самые продвинутые из которых были жёсткими, как латы древних рыцарей. А марсианский скафандр был универсальным. Он мог быть мягким и почти невесомым, а мог жёстко фиксировать конструкцию, обеспечивая необходимую защиту от перепада давления, излучения, температурных экстремумов и прочих «прелестей» открытого космоса.

Как жаль, что на мне не было ничего подобного, когда я впервые оказался в этом времени...

Я посмотрел на своих спутников. Кай на вид совершенно спокоен, хотя по телеметрии видно, что пульс несколько учащён. На сестру старается не глядеть.

Вчера, обсуждая детали предстоящего перелёта, мы почти всё время провели втроём, но я так и не смог разобраться в деталях их семейных отношений. Вроде бы Кай смирился с тем, что Камелия нужна экспедиции. Но на её вопросы он отвечал подчёркнуто холодно. По крайней мере, мне так показалось.

Камелия не смотрит по сторонам, что-то сосредоточенно читая с персонального дисплея. Совершенно спокойна, как будто происходящее вокруг её совершенно не касается. Отвлеклась на секунду, когда начался обратный отсчёт, но потом вернулась к чтению.

Мне, честно говоря, было здорово не по себе. Я не хотел обратно туда, в вакуум. На душе было как-то по особенному тоскливо.

Мы стартовали на закате, и через иллюминатор корабля было видно, как мелкое марсианское Солнце посылает последние зеленоватые лучи согретому им миру... до боли захотелось увидеть родителей.

Когда-то давно я прочитал, что смерть страшна вечной разлукой. И, хотя я не считал своих родителей погибшими – ведь до их рождения еще два с половиной миллиарда лет! –

пропасть, разделяющая нас, была такой же надёжной, как и смерть.

Стартовый импульс тут был гораздо мягче, чем на Земле. Я даже дискомфорта особого не почувствовал. Наоборот, навалившаяся тяжесть напомнила мне о доме. Краем уха я даже услышал, как кто-то из врачей, следящих на Марсе за телеметрией, прокомментировал: «пилот один, реакция на перегрузки идеальна, по гормональному фону он как будто домой вернулся!»

Однако перегрузки продолжались до обидного мало. Потом наступила невесомость. Когда это случилось, я вдруг понял, что совсем не люблю это состояние. Вечное падение, когда не за что зацепиться. Совсем, как моя жизнь...

– Медики говорят, что в привычной обстановке к тебе может начать возвращаться память, – сказал Кай, внимательно поглядев на меня, – пока ничего?

Я отрицательно помотал головой – на Марсе этот жест значил то же самое, что и на Земле. Довольно редкий случай – поначалу я очень боялся выдать себя неправильной жестикоманией. Но ничего, быстро научился местной культуре жестов – даже быстрее, чем языку.

– Кай, его собрали по кусочкам. Удивительно, что мозг вообще заработал. Реанимировали на свой страх и риск – он вполне мог остаться овощем. Пострадали даже базовые рефлексии, их потом восстанавливали буквально вручную, с помощью наноботов, – вмешалась Камелия, – потрясающая

работа, кстати.

– Спасибо, что напомнила, – сказал я подчёркнуто нейтральным тоном, разглядывая траекторию сближения с венерианским кораблём, которую вывел на основной монитор. Одновитковая схема. Неплохо – всего несколько часов в относительно тесном пространстве.

Кстати, у самого корабля было имя. Его называли в честь одного из сыновей бога войны. Перебирая земных, мифических сыновей бога Ареса я был в затруднении: подобрать эквивалент оказалось непросто. Здешний сын Ареса был богом мужского плодородия, очень близкий земному Приапу. Так что Фобос с Деймосом отпали сразу. Ближе всего подходил Гимерос, бог страсти у древних греков. Так что пусть корабль будет «Гимеросом».

– Хотя был шанс, что хоть какая-то часть информации восстановится после инициации, – не замечая моего намёка, и нисколько не смущаясь моего присутствия продолжала Камелия, – но не повезло.

– Да, насчёт информации, – сказал Кай, – мы не успели полностью пройти подготовку. Скинь мне чего-нибудь полезного о венерианской фауне, а? Я так понимаю, мы для этого тебя с собой тащим? Чтобы иметь с ней дело было сподручнее, верно?

– Верно, верно, – кивнула Камелия, не заметив иронии в словах брата, – без меня у вас некому будет спросить в критической ситуации, что делать.

– Ты так уверена в том, что критические ситуации будут? – усмехнулся я.

– А то ж! Это же Венера, парень!

Кай углубился в изучение присланных Камелией файлов. Я же продолжал нетерпеливо глядеть на траекторию, ожидая сближения с кораблём. От нечего делать чуть углубился в вычисления, активировав свои новые возможности. С каждым разом это давалось всё легче и легче.

Траектория не была на сто процентов оптимальной, как я и подозревал. Если бы капсулой управлял я, мы бы пристыковались к венерианскому модулю на полторы минуты раньше.

Однако же, я предпочёл промолчать о результатах своих изысканий. Вместо этого открыл данные о ближайших орбитальных объектах.

Да, возле Марса было тесновато. Хотя, как мне было известно, давно существовали специальные службы, отлавливающие крупный и опасный мусор разного хлама всё ещё было в избытке. Кроме мусора космос наполняли орбитальные станции – мониторы, спутники – генераторы высокоэнергетической сети, станции – матки для вакуумных истребителей, стелс – базы термоядерных ракет и прочая, прочая... и это только один из эшелонов обороны! Меня подобрали гораздо дальше – за пределами пятой оборонительной сферы, где находились оружейные заводы и ремонтные верфи оперативных соединений планетарного флота.

«Гимерос» по земным меркам был неприлично огромным: почти восемьсот метров в длину. Двигатели (плазменные) и питающий их термоядерный реактор располагались за защитным кольцом, вынесенным за корму на тонких пилонах. В носу, за эмиттером противометеоритной защиты находились жилые палубы. Условия для экипажа были, прямо скажем, роскошными: живые оранжереи, адаптированные к переменной гравитации, тренажерные залы со всем мыслимым оборудованием, залы отдыха и психологической разгрузки, игровые помещения, даже небольшой храм Ареса! Не говоря о том, что сами каюты экипажа состояли из четырёх помещений: спальни, кабинета, санузла и гостиной. Ниже жилых палуб были грузовые отсеки с запасами еды, кислорода, запасных частей для основных узлов и агрегатов, и прочих необходимых вещей; еще ниже – ангары для венерианских спускаемых аппаратов, и прочая техника, необходимая для работы экспедиции на поверхности другой планеты.

Переход из орбитальной капсулы на основной корабль был не таким, как возле Земли. Тут не нужна была стыковка, или что-то подобное. Капсула просто вплыла в огромный ангар, где автоматика зафиксировала её с помощью специальных манипуляторов. А потом створки ангара закрылись – и в помещение подали воздух.

– «Гимерос» Арес ЦУПу, – динамики связи ожили, как только внешнее давление в ангаре-шлюзе стабилизировалось, – у вас пять минут, чтобы занять противоперегрузоч-

ные кресла в основной рубке.

– Эй, ребят, что за дела? У нас же часов шесть до планового старта! – возмутилась Камелия.

Оператор в ЦУПе проигнорировал её реплику.

– «Гимерос» Арес ЦУПу. Пять минут до старта. Подтвердите.

– «Гимерос» подтверждаю. Пять минут до старта, – ответил я; экспедиция была военной, а я – старше по званию, чем Кай. Вчера, перед вылетом, мне присвоили звание офицер-кадет первого класса. А заодно назначили командиром экспедиции.

– Что-то случилось, – констатировал Кай, отстёгиваясь.

– Что могло случиться? – продолжала возмущаться Камелия, – вы в глубоком тылу! Так ведь? – её голос чуть дрогнул, и последний вопрос прозвучал неуверенно.

– Они бомбу взорвали на сверхсекретном объекте. Помнишь? – ответил я, открывая люк капсулы, – если старт перенесли – значит, есть для этого основания.

9

Как выяснилось позднее, фаэтонцы сделали всё, чтобы обеспечить своей венерианской экспедиции преимущество скрытности. Их корабль был замаскирован под один из многочисленных рудовозов, регулярно курсирующих между их планетой и некоторыми спутниками газовых гигантов под

охраной военных конвоев. Конечно, и эти конвои регулярно подвергались нападениям марсианских экспедиционных сил, но риск сочли оправданным. Тем более, что в последние годы сам Марс сосредоточился на ресурсах внутренних планет и их спутников. Гелий добывался на земной Луне, тяжёлые металлы – на Меркурии. Основные силы экспедиционных сил были сосредоточены на охране собственных коммуникаций, а внешние операции проводились только тогда, когда противник допускал явную оплошность, вроде недостаточного охранения рудовозов с редкими элементами, или излишне растягивал коммуникации.

Этот «рудовоз» на полной тяге долетел до Юпитера, где сделал гравитационный манёвр, и, разогнавшись как камень в праще – направился в сторону Венеры, включив поглощающие щиты и, таким образом, исчезнув для всех средств наблюдения ЕСОК.

При хорошем раскладе их бы заметили только в непосредственной близости Венеры, когда они бы начали торможение. Но что-то пошло не так. Где-то в расчёты вкрался неизвестный фактор, и тщательно рассчитанная траектория дала слишком большую погрешность аккурат после того, как они миновали орбиту Марса. Им пришлось воспользоваться корректирующими двигателями. Импульсы были совсем короткими – считанные секунды – но продвинутые марсианские системы искусственного интеллекта, непрерывно анализирующие данные с орбитальных оптических телескопов,

мгновенно засекали аномалию.

Это случилось примерно через полчаса после старта нашей орбитальной капсулы.

Пока мы плыли в челноке, развлекаясь расчётами траекторий сближения или чтением специализированной литературы по венерианской фауне, на Марсе царила паника. Видных учёных, специалистов по реактивному движению и баллистике, выдёргивали из тёплых постелей, или от обеденного стола (кому как повезло), чтобы максимально оперативно решить первостепенную задачу: как быстро корабль Фаэтонцев может оказаться на Венере?

В этой задаче было слишком много неизвестных. Непонятно, сколько горючего они взяли с собой. Достаточно ли его будет, чтобы изменить полётную траекторию, и идти на полном ускорении? Был ли у них такой аварийный план?

Большинство специалистов, разглядывая восстановленный по следу импульсных двигателей предполагаемый объём и конфигурацию корабля, предполагали, что такой план точно был. И старта маршевых двигателей следует ждать в тот же момент, когда они обнаружат погоню.

Однако, был и позитивный момент. Марсианский корабль использовал принципиально новую модификацию плазменного двигателя, способную выдать на порядок больший импульс, чем известные доселе. По данным разведки, у Фаэтона таких двигателей не было. Так что шанс обогнать фаэтонцев оставался. Правда, для этого придётся несколько дней

идти под ускорением в полтора «же». Причём именно земного «же» – я пересчитал для удобства. Для марсиан эта цифра выглядела ещё более внушительно.

Всё это нам сообщили уже после начала разгона.

Первые минуты работы двигателей мы пребывали в неведении. Только Камелии было приказано принять экспериментальный противоперегрузочный препарат.

Потом был старт. Где-то минут тридцать мы сидели пристёгнутыми в креслах при одном «же», пока техники на Марсе изучали стабильность работы новеньких движков. После этого импульс увеличили до полутора «же», и обрадовали нас, что под такой перегрузкой нам предстоит провести несколько дней. И только потом объяснили ситуацию.

Когда нам разрешили покинуть рубку и занять свои каюты, Камелия устроила долгую перепалку с ЦУПом. Она пыталась выяснить – почему не принято решение дать импульс два «же»? Причина была в ней, или принимались в расчёт возможности других членов экипажа?

Разумеется, ей не дали вразумительного ответа.

После долгих месяцев на дне мягкого марсианского гравитационного колодца перегрузки, даже такие незначительные, дались мне вовсе не легко. Но я адаптировался гораздо быстрее, чем Кай. Первые сутки он отмокал в небольшом бассейне, предусмотренном в рекреационной зоне. Или правильнее было бы сказать солы, а не сутки? Впрочем, это тоже не было бы точным – период обращения древнего Марса

вокруг своей оси отличался и от Земного, и от современного Марсианского, хотя и не сильно.

Бортовое время было синхронизировано с поясом Иллидии – крупного города, где находился штаб ЕСОК. И это время отличалось от местности, где мы проходили подготовку, часов на пять. Так что, кроме перегрузок, мне пришлось иметь дело с «космо-лагом».

Камелия под своим чудодейственным препаратом, похоже, вовсе не замечала перегрузок. Или делала вид, что не замечает.

В первый вечер я навестил Кая в бассейне. Напарник потихоньку приходил в себя. Выбирался на поверхность каждые полчаса, в точности, как рекомендовали врачи для адаптации. Настроение у него было нормальное – в бассейн он взял планшет, с которого продолжал знакомиться с особенностями поведения отдельных представителей венерианской фауны. Мне хотелось потренироваться, но врачи строго запретили это делать, по крайней мере, в ближайшие три дня, при такой силе тяжести. Так что вместо спортзала я отправился в поход по кораблю – чтобы хоть чем-то себя занять. Про венерианских чудовищ перед сном читать не хотелось.

Так, исследуя закоулки нашего космического обиталища, я набрёл на походный храм Ареса. Зашёл внутрь – из чистого любопытства. На Марсе я не проявлял никакого интереса к религии. Хотя Кай, например, искренне считал себя верующим. Кстати, не для него ли специально сделали этот ми-

ни-храм?

Вполне может быть, что и так. Очень по-марсиански, насколько я могу судить.

Храм представлял собой вытянутый отсек со сводчатым потолком. Вдоль стен висели имитации факелов, разгоревшиеся, как только я ступил внутрь. В глубине помещения, за алтарём стояла большая позолоченная статуя спортивного поджарого мужика в одной набедренной повязке. Ну как поджарого – по марсианским меркам он был очень мускулистым. В руке мужик держал древнее марсианское холодное оружие – нечто среднее между мечом и глефой. Вторая рука была сложена в жесте, который среди верующих назывался «Знамение Секиры». Почему именно секиры я не знал – та штука, которая обычно изображалась в руке у божества, эта «глефа», называлась совсем по-другому. А вот полный аналог земной секиры в истории Марса встречался.

Напротив алтаря и статуи стоял ряд деревянных скамеек. Я не сразу заметил, что одна из них занята. А когда заметил – отступать было поздно. Камелия меня заметила.

– Привет! Ты никак помолиться? – она приветственно махнула рукой, – а я всё ждала, когда ты заглянешь. Ты верующий?

– Да, – поспешно ответил я, – то есть нет. Не знаю.

– Ты не слишком хорошо разбираешься в наших верованиях, верно? – сказала она. Мне не понравилось, как прозвучало слово «наших».

– Не было времени изучить, – сказал я, – да и желания, признаться, тоже.

– Ареса ещё называют Богом Последних Дней, – сказала Камелия, – да ты не стой в проходе, присаживайся. Поговорим.

Не знаю почему – но я её послушался, и занял соседнюю скамейку.

– Миф о конце света? – спросил я.

– Ага, – кивнула она, – ты догадался, или попалось где-то? Вообще-то о таком догадаться сложно, если не интересоваться специально.

– Догадался, – холодно ответил я.

– Кстати, антропологи считают, что само существование такого мифа в большинстве верований и у нас, и на Фээтоне, доказывает искусственное происхождение нашей системы, и жизни на наших планетах.

– Вот как? – спросил я, – я глядел информацию по Фээ-тону в сети. Там никакие верования не упоминаются вовсе. Зачем они холодным сумасшедшим убийцам?

Камелия вздохнула, потом взглянула на меня своими огромными анимешными глазами.

– Да брось. Ты же очень умный человек. Идёт война. Мы тщательно культивируем образ врага, потому что сами хотим выжить. Фээтонцы – они почти наше зеркало. Да, более централизованы и склонны к авторитаризму. Но и только. У них тоже есть семьи, дети, чувства, планы на будущее... вот

только нам лучше об этом забыть. Потому что мы вынуждены их уничтожать.

У меня даже челюсть опустилась от таких откровений.

– Ты... ты опасно близка к измене, – заметил я, – а я человек военный.

– Гриша, мы ведь в храме Ареса. Или ты не в курсе? – она засмеялась, – это единственное место на корабле, где нет следящих и подслушивающих устройств. На самом деле нет – я проследила. Для этого он и создавался. Я настояла в Совете, мотивируя заботой о брате. Но на самом деле мне очень нужно было такое помещение для разговора с тобой.

– Что ж... – осторожно заметил я, пытаюсь переварить полученную информацию, – вот мы и говорим.

– Кто ты, Гриша?

Признаюсь, я давно расслабился, и уже не ожидал этого вопроса. Он застал меня врасплох. Я опустил взгляд, разглядывая собственные ладони, лихорадочно пытаюсь выработать линию поведения, которая не привела бы меня в лабораторные застенки, или в психушку. Я даже забыл, что мы в космосе, на пути к Венере – соревнуемся с вражеским кораблём в скорости.

– Извини, – вздохнула Камелия, – это было слишком «в лоб». Давай я сначала о себе пару слов. Ты ведь за несколько месяцев просто не мог детально разобраться в нашей властной системе, да? Много не знаешь и не понимаешь. Тем более что информация тебе давалась дозированно. Наша Кон-

федерация – глубоко технократическое образование. Высшую политическую власть осуществляют учёные. Я и моя семья – потомственная элита. Мы входим в Совет. Это мне на стол попали данные твоего генетического анализа, ещё когда ты находился в криокамере, и консилиум оценивал возможность твоего оживления. И это я убедила остальных, что ты – наш сверхсекретный проект.

Я вздохнул, поднял взгляд, и, наконец, решился посмотреть ей в глаза.

– Зачем? – спросил я, – зачем ты это сделала?

– Одна из причин в том, – спокойно ответила Камелия, – что я сама не слишком религиозна. Я не хотела паники. Из большого состава Совета рано или поздно произошли бы утечки. Дело в том, что миф о конце света говорит, будто незадолго до него нас посетит марсианское воплощение Ареса. Тебя могли принять за божество, начались бы брожения в обществе – которые совсем некстати в условиях военного времени.

– А другая?

– Что – другая? – переспросила Камелия.

– Ты назвала одну из причин. Какие ещё есть?

– Ах, это, – она улыбнулась, – наша власть, как и любая власть в природе, неоднородна. Я принадлежу, скажем так, к прогрессистам. Я верю, что наша конфронтация с Фазтоном имеет принципиальное разрешение. Мы способны разложить их культурно, если навяжем правила игры, установив

перемирие. И мы к этому идём.

– А появление живого воплощения бога последних дней способно этот план разрушить... – произнёс я.

– Точно! – она кивнула, – был, конечно, вариант выдать тебя за шпиона фаэтонцев. И не оживлять. Но этого мне тоже не хотелось. Очень уж интересные у тебя гены.

– Да? – усмехнулся я, – и чем же?

– Мы не способны создавать конструкторы такого уровня. И не будем способны ещё лет двести, – ответила Камелия.

– Значит, ты точно уверена, что я конструктор?

– В этом не может быть ни малейших сомнений, – она снова улыбнулась, – ты ведь успешно прошёл инициацию. И приобрёл такие возможности, которые мы не то что спроектировать – даже вообразить себе не могли. У тебя в мозгах теперь квантовый компьютер! Так кто ты, Гриша?

– А сама как считаешь? – наплевав на вежливость, вопросом ответил я, – у тебя ведь есть какие-то гипотезы? Раз ты неверующая.

– Есть, – она кивнула, – собственно, варианта всего два: ты или конструктор создателей. Или конструктор иной, очень высококоразвитой цивилизации, которая решила вмешаться, и оценить, что у нас тут вообще происходит.

Я вздохнул, сцепил пальцы. Потянулся. Почесал подбородок.

– Ты ведь мне не поверишь, если я скажу, что сам не знаю? – спросил я.

– Не оскорбляй мой интеллект, Гриша, – Камелия покачала головой, – я знаю, что ты не потерял память. У тебя иногда проскакивали... скажем так, очень странные вещи. Нет, не часто – в целом ты отлично себя контролировал – но я ведь очень внимательная, знаешь ли.

Я снова вздохнул. Снова почесал подбородок. И, наконец, решился сказать правду.

– Понимаешь какая ситуация, – сказал я, – дело в том, что я и правда не знаю, кто я.

Она разочаровано опустила глаза.

– У меня были отец и мать, – продолжал я, – которые уверены, что родили меня сами. Был, правда, один странный эпизод незадолго до моего зачатия... мама рассказывала. Но это совершенно ничего не доказывает.

– Всё-таки ты с Фаэтона? – заинтересовалась Камелия.

– Нет, – я покачал головой, – если быть совсем точным – я с третьей планеты.

– С третьей? – она чуть нахмурилась, – ледяной мир... это бессмыслица какая-то! Там что, есть скрытая колония?

– Мы называем свой мир Земля, – продолжал я, – слово «Земля» я произнёс на русском.

У Камелии округлились глаза.

– И до моего рождения еще около миллиарда лет, – продолжал я, – марсианских лет.

– Не понимаю, – сказала она, – объясни.

Я коротко пересказал ей свою историю, подробно остано-

вившись на цепи событий, которые привели к моему появлению на дальней орбите древнего Марса.

Она слушала не перебивая, уставившись на меня своими глазами. Этот взгляд сбивал меня с мысли, поэтому, не прерывая рассказа, я принялся разглядывать статую местного божества. Это помогло собраться с мыслями.

– Значит, ты видел создателей? – спросила она, когда я закончил.

– Не самих создателей – только результат их деятельности. На момент, когда я попал в прошлое, они успели уничтожить все следы цивилизации на внешних планетах.

– Фаэтона в вашем времени нет... а Марс – безжизненная планета? Так?

– Всё верно, – кивнул я.

– Хотя миллиард лет... это ведь очень много... это ни о чем не говорит... – пробормотала она себе под нос, словно отвечая на какие-то собственные мысли.

– Те данные, которые успели собрать земные зонды о Марсе, – безжалостно продолжал я, – позволяют предположить, что около двух с половиной миллиардов земных лет на планете произошла крупная катастрофа. Возможно, столкновение.

– Два с половиной земных? – спросила Камелия, и сама ответила на свой вопрос: – около миллиарда наших.

– Ага, – кивнул я, и улыбнулся, – плюс минут сто миллионов лет.

– Всё равно это плохо, – Камелия нахмурилась, – очень плохо. Может быть, верующие не так уж и неправы.

10

Предполагаемый корабль фаэтонцев больше не давал корректирующих импульсов. Не шёл он и под ускорением. Согласно данных обсерваторий, он просто растворился в межпланетном пространстве, включив, видимо, все возможные маскировочные щиты.

У нас была расчетная траектория, но она не могла быть точной – слишком многие параметры остались неизвестными: масса объекта, форма, развесовка, точка приложения усилий маневровых двигателей... в общем, их было столько, что окно сближения с Венерой оставалось довольно размытым. Больше того – траектория могла быть теоретически направлена вовсе не на Венеру. Сближение с Землёй из той точки, где они давали корректирующий импульс, тоже было возможно.

Это было странно. Тревожно. Но на вторые сутки межпланетного перелёта ЦУП дал добро на снижение импульса до значения, эквивалентного стандартной марсианской гравитации. Надо сказать, меня это, скорее, расстроило – я рассчитывал потренироваться с нормальными весами. Да и Кай был не рад – он практически закончил адаптацию. Зато Камелия перестала принимать свои таблетки. Они, конечно, были

волшебными – но наверняка имели побочки, о которых она предпочла умолчать.

Удивительный мир, этот древний Марс всё-таки. Мне было сложно представить кого-нибудь из земных публичных политиков, облечённых реальной властью, кто собственной персоной вмешался бы в авантюру, подобную нашей. Впрочем, возможно, что чутьё Камелию не подводило – и наш полёт имел исключительное значение для будущего её мира.

Мы теперь регулярно встречались в храме Ареса, когда Кай был на вахте. Обсуждали разное. Я рассказывал о Земле – честно, насколько мог. Утаивать что-либо не имело смысла. Она же говорила мне о Фэтоне. Про лидеров. Идеологию. Быт. Выяснилось много интересного. Обе цивилизации почти одновременно вышли на уровень межпланетных полётов, но первыми в гости на Марс прилетели именно фэтонцы. Сначала миры сосуществовали вполне мирно – ведь делить было нечего. Даже сотрудничали. Обменивались знаниями. А в какой-то момент обнаружили, что люди разных планет полностью генетически совместимы, и могут давать плодовитое потомство. Появились интермировые семьи. Дети. Это объясняло, почему на Марсе вообще оказалась возможна агентурная сеть фэтонцев.

– Ты же понимаешь, мы теперь предупреждены, – сказала Камелия во время одной из встреч, – и мы постараемся сделать всё, чтобы сохранить свой мир.

– Понимаю, – кивнул я.

– Это значит, что твоя реальность изменится. Мы уйдем в другую ветку событий. По крайней мере, теоретически. Помогая нам спасти наш мир, ты можешь погубить свой. В том смысле, что он никогда не будет таким, каким ты его помнишь, в этом варианте реальности.

– Извини, но я не думаю, что ваши усилия к чему-то приведут, – я пожал плечами, – я помню то, что помню. Значит, реальность осталась неизменной. Но послушай! Ведь не факт, что катастрофа произойдет вообще на нашем веку, понимаешь? Разброс – десятки миллионов лет. Я могу помочь тебе и твоему миру разобраться в Фазтоном. Поучаствовать в подготовке звездных экспедиций. Принять участие в исследовании других миров – даже очень отдалённых! Релятивистское замедление времени в дальних экспедициях мне на руку играет – я приближаюсь к родному миру. А, может, мы вместе сможем найти создателей? Выяснить их мотивы? Может, найдем создателей тюрвингов? И я смогу вернуться в своё время, чтобы остановить считывание? А вы разовьётесь настолько, что покинете родной мир, оставив его просто за ненужностью?

Камелия грустно улыбнулась, и покачала головой.

– Ты удивительный парень, Гриша, – сказала она, – даже с мега-компьютером в голове остаешься неисправимым оптимистом.

– Так, может, для этого есть основания? – спросил я.

– Может, и есть, – согласилась Камелия, – но не такие

сложные, как ты думаешь. Мы не знаем, кто ты – но мы знаем, что у тебя есть очень значительные возможности, которые мы пока ещё даже не начали использовать. Мне нужна твоя полная лояльность. А, чтобы её получить – я должна тебе предложить нечто, ради чего ты готов был бы идти с нами до конца. Поэтому слушай внимательно. То, что я скажу, звучит совершенно фантастически. Но всё это вполне реализуемо, особенно с твоей помощью, – она направила палец мне в лоб, видимо, имея ввиду мои способности, – мы можем воссоздать для Земли те условия, которые были бы, если бы Марс погиб. Мы можем замаскировать нашу планету – когда на Земле придёт время межпланетных перелётов и продвинутых астрономических наблюдений. Пускай события идут своим чередом. Мы полностью изолируемся от влияния на Землю. А, когда придёт время – объединим усилия, чтобы противостоять считывателям. Если, конечно, они на самом деле явятся на Землю.

– Они уже явились. Непосредственно перед моим... моим уходом, – сказал я.

– Это тоже не факт. Я ведь говорю – мы можем воспроизвести всё. Почистить систему от артефактов. Сделать знак на Луне. Имитировать деятельность считывателей.

– Возможно, не имитировать, – ответил я, – Камелия, пойми... мы говорим о настоящей временной пропасти. Что случится с вашей цивилизацией за это время? Возможно, вы и есть – считыватели. Возможно, даже создатели!

– Тогда тем более имеет смысл нам договориться о чем-то сейчас, – снова улыбнулась Камелия, – потому что в твоих интересах, чтобы появилась привычная тебе Земля. И все, кого ты любишь. Там, в будущем, такие ведь остались, да? А для этого нужны и те, и другие. А ещё, возможно, мы. Потому что я всё-таки не верю, что мы станем считывателями.

Я вздохнул.

– А знаешь, мне нравится твой подход, – сказал я, – ты пытаешься договориться. Ты предлагаешь пряник, и не говоришь про кнут. Будем считать, я согласен. Я на вашей стороне. Кроме того...

Я запнулся, и поглядел на статую божества. Почему-то мне показалось, что Арес посмотрел на меня с каким-то скорбно-обречённым выражением.

– Что кроме того, Гриша? – настороженно спросила Камелия.

– Мне кажется, многие ответы мы найдем на Венере, – ответил я, – и они, как всегда, спутают нам все карты.

Долгое ожидание выматывает. А долгое ожидание в неизвестности выматывает вдвойне. Мы шли по короткой траектории, под постоянным ускорением – насколько быстро, как никогда не летали марсианские корабли до этого. И всё равно путешествие до Венеры заняло недели. Фаэтонский корабль за это время так и не проявился.

Наши встречи с Камелией были недолгими и нерегуляр-

ными. Приходилось соблюдать осторожность – ни Кай, ни операторы на Марсе не должны были догадаться о содержании наших переговоров. Поэтому, когда Кай заговорил о моих периодических походах в храм, я этому совсем не обрадовался.

– Знаешь, я не хотел на тебя давить, – сказал он как-то после очередной тренировки, – но это здорово, что ты учишься верить.

Сначала я не понял, и недоумевающе заморгал. Потом до меня дошло.

– Ну... я не то, чтобы истинный верующий... – осторожно сказал я, – догматы только изучаю. Но ты прав – в жизни должна быть какая-то опора. Пускай совершенно иррациональная.

Кай улыбнулся.

– Если нужна будет помощь – обращайся! – сказал он

– По поводу чего? – снова не понял я.

– Изучения догм. Ты ведь сказал, что изучаешь. Поначалу это может быть сложно, тем более квалифицированных жрецов, которые могли бы помочь, тут нет.

– А, – кивнул я, – да, конечно. Спасибо.

– У меня даже есть экземпляр Книги Ветра и Крови, – продолжал Кай, – с экрана не всегда удобно читать. А бумага... она словно какой-то заряд несёт, понимаешь?

– Да... Возможно, да. Спасибо!

На этом нам бы и расстаться, но, как это часто бывает,

зуд любопытства, появившийся совсем некстати, дёрнул меня спросить:

– Откуда у тебя книга? Я, кажется, читал, что в наше время нужно специальное разрешение для хранения таких вещей. Тем более для их вывоза в космос!

– О, не беспокойся, – улыбнулся Кай, как мне показалось, с гордостью; на его щеках появился румянец, – разрешение получено от Верховного Жреца лично. Меня посвятили в ближний круг.

Я понятия не имел, что это значит, но на всякий случай округлил глаза, и сделал удивлённую физиономию.

– Ничего себе! – сказал я, – поздравляю! Круто!

– Это действительно круто, – заметил Кай, – теперь во время Апокалипсиса я буду в главной когорте.

– Поздравляю, – повторил я, более сдержано, – но звучит не слишком оптимистично. С чего ты взял, что доживешь до Апокалипсиса? – я улыбнулся.

– Это связано с нашей миссией, – Кай ответил на мою улыбку, – Верховный Жрец трактует катрен о Карающей Звезде астрономически. В общем, у нас, в ближнем круге, принято считать, что речь идёт о Венере. Политическое руководство тоже в курсе. Ну, в смысле, верующие военные. Я не беру в расчёт упорных атеистов, вроде моей сестры, – он рассмеялся, – хотя она ведь тоже пару раз ходила в храм, верно? Так что, наверно, в глубине души тоже верит.

– Вот как... – осторожно заметил я.

– Будет круто, если мы с тобой станем великим защитниками, да? – глаза Кая горели огнём неподдельного энтузиазма.

– Ещё как! – ответил я, стараясь, чтобы мой голос не звучал очень уж фальшиво.

– Я с детства об этом мечтаю.

– Об Апокалипсисе? – не удержался я.

– О величайшей битве, в которой решится судьба миров! – ответил Кай. Его глаза продолжали гореть всё тем же пугающим энтузиазмом.

Тут надо пояснить, что понятие, которое я обозначаю Апокалипсисом, на Марсе, конечно же, сильно отличается от привычного нам христианского Апокалипсиса. Возможно, более правильным было бы использование термина Рагнарёк, но я не слишком силён в скандинавской мифологии, и не знаю нюансов. Общая только суть: гибель прежнего мира через страшные катаклизмы, которые будут ниспосланы, чтобы очистить мир от скверны. Скверна, в представлении марсиан – это военные враги их культуры. Раньше, в древних веках, такими врагами считались представители других, иноверческих племён. С наступлением просвещённого времени на роль записных врагов как-то сами собой назначились фаэтонцы.

После того разговора с Каем я даже нашёл тот самый Катрен о Карающей Звезде. В электронке, конечно – брать у подчинённого уроки, пускай даже он и занимает высокий

пост в иерархии культа, я счёл не очень разумным.

Вот этот катрен:

Велика звезда несколько дней будет сверкать

Облако заставит появиться два солнца:

Гигантская собака

Станет выть всю ночь,

Когда великий жрец сменит земли

На мой взгляд, типичный образец религиозного текста, который можно трактовать как угодно, в зависимости от реального развития событий. Но Кай был совершенно убеждён (и многие культовые и светские толкователи тоже), что тут речь шла о гибели Фаэтона, и о страшных испытаниях для Марса. А два солнца – это прямое указание на вторую планету, то есть Венеру. Якобы оттуда придёт сила, подобная настоящему Солнцу.

Почему-то мне понадобилось пройти весь этот сложный путь, чтобы через разговоры и изучение древних текстов, наконец, понять очевиднейшую вещь: Камелия, да и всё руководство Марса, рассчитывает найти на Венере именно оружие. То, которое могло бы уничтожить соседнюю планету.

Для спуска на Венеру была предусмотрена специальная

капсула – челнок. Совсем не та, на которой мы поднимались с Марса. Этот челнок был раза в три крупнее, и имел несколько иные обводы корпуса, рассчитанные на более плотную атмосферу. Чем-то он напоминал знакомые мне земные челноки, бывшие в ходу в восьмидесятые годы прошлого века. Ничего удивительного – как я уже замечал раньше, сходные условия задачи приводят к сходным решениям.

Только, в отличие от земных космонавтов прошлого, внизу нас не ждали подготовленные, идеально гладкие посадочные полосы военных аэродромов. Поэтому венерианский челнок был амфибией, и предназначался для посадки на воду.

В этом и заключалась основная сложность экспедиции. Мы не могли сесть в непосредственной близости от объекта – он находился в гористой местности, поросшей густыми джунглями. Туда даже на парашюте не спуститься.

Поэтому для посадки челнока выбрали близлежащую мелководную бухту, с трёх сторон закрытую от моря высокими скалами. Ширины этой бухты по расчетам хватало не только для приземления, но и для последующего самолётного старта, на который челнок был рассчитан.

Торможение возле Венеры закончилось штатным выходом на высокую орбиту. На подготовку к спуску у нас был всего один виток: командование торопило.

Никаких следов фаэтонского корабля обнаружить так и не удалось. Или, увидев новые возможности наших двигателей,

они поменяли первоначальный план и отказались от полёта к Венере (что сомнительно), или технически не имели возможности придать своё судно большее ускорение, даже когда обнаружили нас. Тогда их прибытия на орбиту можно было бы ожидать со дня на день.

Конечно, это не могло меня не беспокоить, тем более, что на орбите оставался «Гимерос» с Камелией на борту. Впрочем, как выяснилось, корабль отнюдь не был беззащитным, и в случае прямого нападения мог дать более, чем достойный отпор.

Непосредственно перед посадкой в челнок у меня случился ещё один короткий разговор с Камелией.

– Сидит, как влитой, – сказала она, имея ввиду мой венерианский костюм. Мы десантировались не в скафандрах, как можно было бы ожидать – а в специальном снаряжении, предназначенном для работы на поверхности. Чтобы не терять времени после посадки. Биосфера Венеры была более-менее хорошо изучена, нам даже сделали прививки от условных патогенов, которые могли бы паразитировать на марсианских организмах, но всё равно – ношение фильтрующей дыхательной маски было обязательным. Потому что от всего не уберёжешься.

– Ну а как ему ещё сидеть? – улыбнулся я, – всё-таки под меня делался.

– Верно, – кивнула Камелия, а потом наклонилась к моему уху, и прошептала: – помни, Венера – планета-ошибка,

с которой всё началось. Возможно, тебе это поможет, когда будет нужно...

Мне на секунду показалось, что она хочет меня поцеловать. Это было неожиданно, волнующе и приятно. Но нет – она всего лишь поправила датчик у меня на затылке.

Я неловко улыбнулся, и полез в челнок, где уже устраивался Кай.

Спуск вышел довольно жёстким. Согласно директивам Марса, мы по-прежнему были вынуждены жестко экономить время. Это была не баллистическая траектория, конечно – но где-то близко к ней. Заодно и горючее для обратного старта сэкономили.

После торможения в верхних слоях атмосферы нас ждал ещё один неприятный сюрприз. Ещё не покидая челнок, мы на своей шкуре почувствовали, что такое плохая погода на Венере.

Тропосфера в точке высадки бурлила и ярилась. Сплошной огненной завесой сияли разноцветные молнии. Челнок ощутимо потряхивало. Я знал, что машина на это рассчитана, и что возможности возвращения на орбиту для последующего спуска в более благоприятное время нет – просто не хватит горючего. Поэтому приходилось делать вид, будто происходящее за иллюминаторами меня не сильно беспокоит.

Чтобы как-то отвлечься, я начал думать о словах Камелии. Про планету-ошибку. Для чего она это сказала? И что имела

ввиду? Возможно, я бы смог это быстро вычислить, если бы подключил свои новые способности. Но делать этого не хотел. Во-первых, уже позже я понял, что они сжигают огромное количество ресурсов. После нескольких минут в режиме «сверхвычислений» меня потом пару дней преследовал жуткий голод и слабость. А в условиях чужой планеты быть не в лучшей физической форме – значит, быть уязвимым.

– А ведь мы будем первыми людьми на Венере! – Кай прервал мои размышления, – и когда-нибудь про нас будет знать каждый школьник. Когда снимут секретность, конечно.

– Круто, – ответил я, и не смог сдержаться, чтобы язвительно не добавить: – и как это согласуется с твоим видением скорого Апокалипсиса?

– Ну, после гибели наших врагов и нашей окончательной победы, – не растерялся Кай, – когда снова будут школы. Героев Ареса будут знать только адепты. А на Марсе останется ещё много других богов. А вот военных, космонавтов, первых на Венере – будут знать все.

Я поглядел на напарника, и не смог сдержать улыбку.

– Ещё один мир из трёх, где есть жизнь, – ободрённый, продолжал Кай; отсветы молний отражались в его глубоких чёрных глазах причудливо и зловеще, – и единственная в своём роде во всей солнечной системе!

– Из четырёх, – поправил я, – на Земле господствуют одноклеточные, и совсем недавно возникли эукариоты.

– Серьёзно? – Кай удивлённо поднял брови, – не знал.

Я прикусил язык.

– А чем Венера уникальная-то? – спросил я, чтобы сменить тему.

– Ну, как. Направление вращения же, – Кай пожал плечами, – я его имел ввиду. Неизвестно, почему творцы решили закрутить этот мир в другую сторону.

Вот как... я ведь наверняка это знал. Надо было просто вспомнить. В моём времени у Венеры, кажется, есть такая же особенность.

И что это, по мнению Камелии, должно значить? Творцы ошиблись?

Сели мы благополучно. Бухта действительно была хорошо защищена от внешнего шторма, и волнение было относительно небольшим. А через пару часов буря закончилась. Выглянуло Солнце – непривычно огромное и яркое. В небе повисли сразу три радуги, сформировав что-то яркого тоннеля над узкой полоской воды, куда привенерианился челнок.

Мы двигались к ближайшему берегу с помощью водомётов. Во время спуска они скрывались под тепловой бронёй, но сейчас выдвинулись в мореходное положение.

Я вглядывался в приближающуюся иссиня-зелёную стену. Деревья тут были огромными! Ни на Земле, ни на Марсе я подобных не видел. Наверно, так мог бы выглядеть легендарный Иггдрасиль – мощные стволы высотой в две-три сотни метров, увенчанные густыми кронами. Под этими крона-

ми заросли шли ярусами – от исполинских лиан, до кустарников, больше похожих своей высотой и размерами на земные деревья.

Какая живность могла водиться в этом «эдеме» я хорошо себе представлял. Мы встречали реконструкцию кое-каких экземпляров на полигонах. Я автоматически потёр раненое плечо, которое вдруг начало тревожно зудеть.

– Следующие двенадцать часов должна быть хорошая погода! – Кай сверился с данными, полученными от «Гимероса». Корабль как раз в этот момент, пролетая над нами, уходил на очередной виток.

– Это радует, – ответил я, – должны успеть дойти.

Я открыл карту, и сверился с маршрутом, предложенным компьютером. Путь был, прямо скажем, очень приближенным, и не учитывал множество факторов, недоступных для анализа с орбиты.

Берега мы достигли до обидного быстро. Кай выбрал точку высадки – что-то вроде небольшой песчаной косы, примыкающей к дельте небольшой речки, впадающей в бухту. Очевидно, коса была намыта водой, текущей из материка. Узкая полоска песка ныряла под нависающие над водой кроны нижнего яруса. Радары и оптические сканеры показывали, что никаких сюрпризов рельефа под густой растительностью не ожидается.

– Надо перекусить перед выходом, – предложил Кай, – идти далеко, а там, – он махнул в сторону джунглей, – может

не быть возможности.

– Согласен, – кивнул я, – только не слишком плотно, а то двигаться будет сложно.

Кай улыбнулся, и кивнул.

Мы наскоро перекусили концентратами, и отправились в планетарный шлюз. Там нас уже ждало снаряжение, предназначенное для экспедиции – изолирующие костюмы, фильтры, которые позволят использовать атмосферный кислород для дыхания, припасы, обеззараживатели, аптечки с универсальными антидотами, конечно же, оружие – станнеры и лучевые пульсаторы, и вишенкой на торте – самые продвинутые научные сканеры. В конце концов, до конца ведь не было известно, что именно мы должны обнаружить. Всё это дело довольно прилично весило – особенно с учётом повышенной гравитации. Я хотел взять побольше, но Кай возмутился. Так что снаряжение поделили поровну.

Нос челнока упёрся в песчаную отмель. Я подумал, что хорошо было бы замаскировать машину, сказывалось земное военное прошлое – но на это не было ни ресурсов, ни времени. Да и смысла в этом действии, если совсем честно, тоже было не много: «Гимерос» находился на орбите, его никак не спрячешь. Зная о его присутствии, обнаружить челнок в непосредственной близости от объекта, даже замаскированный – дело нескольких минут.

Пройдя через дезинфекционный шлюз (чтобы минимизировать влияние марсианской микрофлоры на экосистему

Венеры), мы спустились через носовой люк, к небольшому металлическому трапу. Снаружи было жарко и влажно, как и следовало ожидать.

Я приказал Каю первому ступить на венереанский песок. Конечно же, не потому, что опасался чего-то и заботился о своей безопасности. Просто это было более честно для истории. Всё-таки эта высадка на Венеру – достижение марсианской цивилизации. И пускай в учебниках будет марсианин, пускай и созданный искусственно.

И, как часто бывает, это благое намерение привело к ужасающим последствиям.

Дин улыбнулся мне, и радостно шагнул вперёд. Сделал несколько шагов по влажному песку. Оглянулся, полюбовался своими следами. А потом какая-то тварь выстрелила из переплетения зелёных веток где-то наверху целым клубком щупалец, обвила моего напарника, и мгновенно утащила его наверх. Я не успел даже пальцем пошевелить.

Всё произошло настолько быстро, что на какое-то мгновение я решил, что мне показалось. Что Кай замешкался где-то в челноке, и сейчас выйдет из шлюза. Но следы на влажном песке всё ещё были довольно отчётливыми.

– Второй первому, доложись! – я вызвал напарника по рации – был шанс, что тварь тащит его куда-то в гнездо, и он

всё еще в сознании.

Через несколько секунд я повторил вызов. Безрезультатно. В ответ – только треск помех от близкой грозы.

Я глянул на наручный дисплей, где отображалась телеметрия и координаты костюма Кая. Координаты, конечно, были приблизительные – рассчитывались по встроенной инерциальной системе, ведь спутников навигации тут не было.

Полученные данные меня совсем не обрадовали. Напарник был жив, но, судя по всему, без сознания. Тварь продолжала его куда-то тащить, уже на высоте более ста метров над уровнем берега бухты.

У нас не было летающего снаряжения – ни реактивных ранцев, ни парашютов, ни автожиров – считалось, что всё это бесполезно в тех условиях густых зарослей, куда мы высадились. Однако было несколько автоматических лебёдок с встроенным электроприводом и мощнейшими аккумуляторами. Но они не были рассчитаны на такое экстренное применение!

В какой-то момент я понял, что, если буду дальше медлить, и попытаюсь найти выход из ситуации обычными средствами – то потеряю напарника.

И тогда я закрыл глаза.

Представил себя в той пещере.

И мир снова расширился, обрушив на меня несчётное число единиц информации.

Я сорвал фильтр-маску, понимая, что рискую, и надеюсь

только на прививки и антитоды. Вдохнул терпкий и насыщенный воздух другой планеты.

Мне нужно было чувствовать и анализировать запахи. Любой канал информации был на вес золота.

Учуяв тающий запах Кая, я рванул вперёд.

«Ребят, что у вас? Как прошла высадка?» – я слышал, как Камелия пытается вызывать нас, но на ответ не было времени и дыхание лучше бы побережь.

Один из ближайших исполинских стволов оказался с изъяном. Его давно точили местные древесные паразиты, и через бурю – другую этот ствол обязательно бы рухнул. Но я помог ему сделать это чуть раньше, ударив в точно рассчитанную точку возле основания.

Ствол начал падать, путаясь в кронах соседних деревьях и лианах. И застрял под углом чуть больше сорока градусов к пляжу. В точности, как я и планировал.

Я рванул вверх, по шершавой коре.

Уже на следующем ярусе джунглей какая-то мелкая тварь, высунувшись из дупла, пыталась схватить меня за лодыжку. Я легко увернулся.

Нечто, схватившее Кая, двигалось очень быстро. Но не настолько, чтобы стать недосыгаемым для меня.

Взобравшись на приличную высоту, я нашёл подходящую лиану (в голове как бы сами собой нарисовались её параметры: какую массу выдержит, коэффициент трения ствола, амплитуда, препятствия на пути), рубанул по ней ножом, вхо-

дящим в стандартное снаряжение, как следует оттолкнулся и, уворачиваясь от крупных веток, одним огромным махом преодолел половину расстояния между мной и тварью с Каем.

Дальше мне не так сильно везло. Пришлось попрыгать по веткам. Впрочем, когда у тебя под рукой такая точность расчетов – это не слишком сложно.

После того, как попалась вторая подходящая лиана, я уже смог разглядеть врага.

Больше всего тварь была похожа на огромного спрута, который вдруг решил поселиться на суше, среди ветвей. Её щупальца, растягиваясь, как резиновые, выстреливали на расстояние, в десятки раз превышающее длину мешковатого тела. Щупалец было тридцать шесть (в этом состоянии мне не составило никакого труда их сосчитать), четыремя из них тварь прижимала к себе Кая. Тот по-прежнему был без сознания, но ситуация была близка к критической: «спрут» сдавил ему грудь, и мешал нормально дышать. Еще минута-другая, и кислородное голодание приведёт к гибели.

При моём приближении тварь попыталась ускориться. Соборительная мерзость! Однако я был быстрее. Подгадав момент, и точно рассчитав точку падения, я выстрелил в тварь из станнера, метя в место, где, по моим предположением с высокой вероятностью находились нервные центры.

Тварь обмякла, и рухнула в неглубокую лужу, образовавшуюся в месте, где раздваивался ствол исполинского дерева.

Через секунду я был рядом.

Подсознательно я ожидал, что тело «спрута» окажется очень тяжелым. Чтобы стрелять конечностями на такое расстояние, и сохранять прочность тканей, их изначальная плотность должна была быть очень высокой. Но нет – она весила совсем не много, и даже держалась на поверхности лужи без усилий.

Я вырвал Кая из клубка щупалец. Положил его на ровную поверхность, у самого края ствола. Он был на грани – счёт шёл буквально на секунды. Я рванул аптечку, достал иньектор с адреналином и универсальный антидот. По очереди вколол под кожу. Сердце ещё билось – поэтому прямой укол, к счастью, не понадобился.

Прошла секунда. Другая. Веки Кая затрепетали; он откашлялся, открыл глаза, и посмотрел на меня, пытаюсь сфокусировать взгляд. Попытался что-то сказать.

– Тс-с-с, – остановил я его, – помолчи пару минут. Дай лекарству подействовать. У тебя было кислородное голодание.

Кай откинулся на спину, и лёг, стараясь дышать глубоко и ровно. Молодец, парень.

А я вышел из сверхрежима.

Это было тяжелее, чем в предыдущие разы. Должно быть, сказывалась сила тяжести. И энергии я сжёг, должно быть, ну очень много.

Сразу накатила слабость, и потемнело в глазах. Мир стал тусклым, серым, не интересным... тяжело было уговорить

себя даже поднять руку.

Но, собрав всю силу воли, я достал из припасов жидкий стимулятор и набор белковых концентратов. Заставил себя есть.

Медленно, очень медленно становилось легче. Я возвращался в обычное состояние.

Тварь в луже начала подавать признаки жизни. Я без колебаний спихнул её с края дерева, наблюдая, как мешковитое тело бьётся о нижние ветки, оставляя чёрные влажные следы на коре.

– Ну здравствуй, Венера, – Кай сидел, наблюдая за моими действиями, – такую тварь мы не изучали, да?

– Вот сейчас и спросим у Камелии, – сказал я, – почему программа подготовки была не полной. И почему нас не добились сразу, на Марсе, чтобы уж не мучились.

Кай засмеялся.

– «Гимерос» первому, – я включил микрофон дальней связи.

– Ребят, что у вас случилось? – голос Камелии звучал ясно и отчётливо – автоматика включила фильтрацию помех, – телеметрия с ума сходит. Почему не выходили на связь.

– Я был немного занят, – ответил я, – спасал одного молодого человека. У него, кстати, есть претензии относительно качества подготовки.

– «Гимерос», приняла, – Камелия тяжело вздохнула, – не пугайте так меня больше. Ясно?

– Мы постараемся, – Кай вмешался в разговор; я не препятствовал этому – по протоколу высадки он имел право, – и знаешь что, сестричка, – добавил он, лукаво мне подмигнув, – ты была очень права, что настояла. Гриша нам очень нужен. Без него мы бы уже проиграли.

– Никогда в этом не сомневалась, – ответила Камелия, – не мешкайте. До заката не так много времени. «Гимерос» скоро скроется за горизонтом, несколько минут назад я отстрелила спутник-ретранслятор. Он сейчас в торможении. Связь мы не потеряем, но возможны задержки.

– Принял, «Гимерос», – ответил я, и добавил по-уставу: – продолжаем выполнение задания.

После случившегося мы соблюдали максимальную осторожность. Мне было вдвойне тяжело – несмотря на обильную пищу, организм медленно восстанавливался после сверхнагрузок. Но Камелия была права – медлить нельзя. Ночью пробираться через джунгли втройне опаснее. Конечно, можно было бы выставить охранный периметр с автоматическим поражением, и заночевать – но тех ресурсов, которые мы взяли с собой, может потом не хватить на работу на самом объекте. Плюс дорога обратно... я старался мыслить рационально. Наша с Каем задача – это нашпиговать объект исследовательской аппаратурой, и наладить связь. Едва ли мы сможем сделать что-то большее (пускай Камелия на это явно рассчитывала – я знать не хотел, какие у неё были для

этого основания)

По дороге ещё дважды пришлось использовать оружие. Сначала Кая пыталась атаковать стая псевдонасекомых (от них отбились энергоразрядами), а потом мы по глупости взгромоздились на шею гигантодонта, приняв её за поваленный ствол. Пришлось парализовать гиганта – благо нервный центр у того был едва прикрыт хрящевой тканью. Более плотный костяной череп такого размера станнер мог и не «пробить».

Когда я обдумывал высадку, то хотел еще на подступах к объекту активировать свой особый режим. Просто чтобы изучить его – для самого себя. И потом, при необходимости, сохранить пространство для стратегического манёвра.

Однако, после происшествия с Каем я лишился этой возможности. Точнее, не совсем лишился – просто решил не рисковать лишний раз здоровьем. Я знал, что ещё не до конца восстановился. Думал, что позже будет шанс как следует всё изучить, своими методами, когда мы установим аппаратуру.

Если бы я поступил по-другому, решил бы рискнуть, и «включил» бы свой дар – то всё могло бы пойти иначе. Возможно, перевернулся бы ход самой Истории. К чему бы это привело? Кто знает! Может, и меня самого бы не стало. А всё мироздание, вместе с создателями, считывателями и несчётными стервятниками – пришельцами рухнуло бы в воронку неразрешимого парадокса...

Думая об этом, нельзя не быть немного фаталистом. Как нельзя просто безропотно принимать свою судьбу, даже не пытаясь ничего сделать.

Водопад был красив. Если не вглядываться в саму воду, за которой отчётливо различался невозможный в джунглях блеск полированного металла, его можно было бы принять за вдохновенное творение природы. Два симметричных ската, покрытых густым ковром мхов и лишайников. Стайки ярких насекомых и рыбок, которые на них охотились, высоко подпрыгивая в мелкой водяной взвеси были похожи на ожившую радугу.

Я замер на секунду, наслаждаясь моментом. Хотел сказать Каю, что тут очень красиво. А потом услышал электрический треск. Пахнуло озоном. Кай повалился передо мной прямо на мох, и забился в конвульсиях. Я даже успел отреагировать, и прыгнуть в сторону – но слишком поздно. В следующую секунду свет для меня погас.

Я очнулся от движения, но глаза открывать не спешил. Похоже, меня тащили или катили на чём-то, плавно покачивающемся. Первым делом попытался войти в супер-состояние, чтобы оценить ситуацию. Но потерпел неудачу. Видимо, не успел до конца восстановиться после предыдущего раза, а, может, станнер (или какой-то его аналог, которым меня

вырубили) как-то повлиял на нервную систему.

Интересно, это временно, или я вот так запросто лишился своего неожиданного дара?

Рядом послышался голос, говорящий на незнакомом мне языке. Говорил мужчина. Ему ответила женщина. Потом они вдвоём рассмеялись. Движение остановилось.

Я попробовал осторожно пошевелиться, и обнаружил что намертво зафиксирован в позе эмбриона. Не слишком удобно – ноги уже начали затекать.

Спустя ещё несколько секунд я расслышал, как нас вызывает Камелия: «Ребята, что случилось? Я наблюдала нестандартную энергетическую активность. У вас всё в порядке? Ребята, на связь!» Шлемофон был рядом. Раз есть связь – значит, микрофон тоже активен. Я тихонько начал набирать в грудь воздуха, чтобы ответить – и сообщить как можно больше за то время, что у меня будет, но меня опередили.

– Приветствую, Камелия, – говорил тот же самый женский голос; его обладательница перешла на марсианский «лингва франка», причём говорила на нём с довольно сильным и неизвестным мне акцентом, – вот и встретились. Можно сказать.

Камелия не ответила, хотя по тихому шипению я догадывался, что связь ещё активна.

– Не хочешь говорить? – сказала женщина, и добавила через секунду – видимо, склонившись к моему уху – голос звучал совсем близко: – я знаю, что ты очнулся. Можешь от-

крыть глаза. Это ничего не изменит.

Я решил осмотреться – терять было нечего. Нас с Каем действительно везли на чем-то вроде небольшой тележки. Мы всё так же были возле водопада. Судя по всему, времени прошло порядочно – наступила ночь. Но вода в озерце и сам водопад довольно ярко светились синим светом. Мне почему-то вспомнились подземелья Сабурово, хотя аналогия была неуместной. Тут свечение было вполне безопасным: биолюминесценция. Наших похитителей я не видел – они шли за спиной, а повернуться не было никакой возможности

Кай всё еще был без сознания, но дышал глубоко и ровно.

Мы двигались по узкой тропинке, протоптанной вдоль озерца, к основанию «скалы». Странно, что я не заметил эту тропинку с первого взгляда. Возможно, смог бы угадать засадку даже без сверхспособностей...

– Это очень любезно с твоей стороны, – продолжала женщина, снова от меня отдалившись, – притащить нам ключ. Теперь мы понимаем, как глупо было пытаться его уничтожить.

Снова молчание. А потом Камелия заговорила – очень быстро, совсем как собирался сделать я только что:

– Ребят не верьте ни единому слову. Не сотрудничайте. Продержитесь, я найду выход...

Голос оборвался. Очевидно, похитители вырубали связь.

– Не сотрудничать, – усмехнулась незнакомка, – можно подумать, у вас есть выбор.

Мы свернули за одну из складок «стены», и оказались возле узкого проёма, вырезанного в металле, видимо, недавно – его края всё ещё блестели в неверном синеватом свете.

Нас вкатили внутрь.

А потом произошло нечто необычное. Я ощутил едва заметное воздействие – как будто меня кто-то ощупал невидимыми ладонями. Очень странно, но ощущение показалось мне знакомым. Не сразу, но я всё-таки вспомнил: нечто подобное было, когда я обнаружил древний челнок на плато Маньпупунёр. За секунду до того, как треснула скала, открывая проход.

Сразу за пробитым входом был небольшой коридор,гибающийся под прямым углом, и переходящий в сферическую камеру. Тут было искусственное освещение, и я впервые увидел людей, которые нас похитили. Они были в чёрных, будто бы плетёных обтягивающих костюмах (скорее всего, армированная броня) и тактических шлемах с кислородными приборами неизвестной мне конструкции. Лиц было не разглядеть.

Женщина, которая привезла нас сюда, начала что-то говорить на незнакомом языке, но тут же смолкла. Вокруг нас вспыхнули стены. Заморгали всеми цветами радуги, потом остановились на приглушенном розоватом свете, какой бывает на Земле в южных широтах ранним утром.

Секунду было тихо. А потом захватчики все разом загалдели, что-то оживлённо обсуждая. Судя по интонации, они

явно обрадовались.

Галдёж вскоре замолк. Женщина вышла вперёд, и я смог впервые её разглядеть. На ней был тот же самый чёрный костюм и шлем – ни лица, ни опознавательных знаков не видно. Однако, судя по всему, она была тут старшей – остальные расступились, давая ей дорогу. Она встала в центр, что-то торжественно произнесла, потом подняла над собой обе руки, и плавно их опустила.

Часть присутствующих поспешно вышла из помещения.

Тогда я ещё не отдавал себе отчёт, какую цену имела каждая секунда в той ситуации. И что бы я делал, если бы окно возможностей оставалось открытым ещё немного.

В этот момент застонал и заворочался Кай.

– О, а вот и наш молодой друг пришёл в себя! – женщина снова обратилась к нам на марсианском, – впрочем, это ненадолго. Ты извини – но живым домой мы тебя не потащим. Вполне достаточно будет генетической пробы. Да, ты достижение марсианской науки – но не такое, ради которого стоит палить кислород и горючее.

– Вы ведь фаэтонцы, верно? – я вступил в разговор, чтобы хоть как-то потянуть время, – как вы нас обогнали?

– О, обогнали-то мы вас очень давно – как видишь, – женщина подошла, и опустилась перед нами на корточки. Я смог заглянуть ей в глаза – синие и холодные, – наша венерианская станция действует уже больше года. И мы добились потрясающих результатов. Мы смогли разобраться с управле-

нием этой штуковиной, но энергетический контур был наглухо замкнут на систему искусственного интеллекта, которая вышла из строя. Система слишком продвинутая для нашей аппаратуры, мы ничего не могли сделать. Уничтожить – нельзя, перезапустить – нельзя. Нужен ключ доступа для перезагрузки. Мы даже смогли вычислить, что он представляет собой биологическую молекулу, определённого рода ДНК... было не так уж трудно догадаться, что неожиданный гость наших соседей – и есть носитель такой ДНК, верно?

Я был с ней совершенно не согласен, что это не трудно, но спорить не стал, благоразумно давая возможность выговориться. Незнакомка ощущала себя в полной безопасности, и остро переживала миг собственного триумфа. Ей нужны были зрители.

– Пока Марс игрался с двигателями и ускорением – мы строили непревзойдённые системы маскировки, – продолжала захватчица, – системы маскировки... – повторила она, словно пробуя незнакомые слова на вкус, и усмехнулась, – как-то слишком просто звучит, да? Мы создали поле стабильности. Мы можем вытаскивать целые корабли из нашей Вселенной, и останавливать ход времени. Это технологии того же уровня, как и возможности создателей! Понимаете это? Мы достигли их уровня! А я, между прочим, только что выдала вам важнейшую военную тайну нашего мира, – она мелко захихикала, – но это ведь ничего. Потому что вы не переживёте эту ночь.

Она отошла куда-то в сторону, потом вернулась, сжимая в правой руке огромный нож – очень похожий на охотничий, с зубринами и кровостоком.

– Знаете, у нас, в Империи, есть обычай, доставшийся нам от предков, – сказала она томным голосом, – настоящим военным может стать только тот боец, который собственноручно омыл в крови врага свой уграл, – она приближалась к Каю, который смотрел на нож расширенными от ужаса глазами, – представляете, как тяжело найти настоящего врага, когда битва ведётся на космических расстояниях? Поэтому мы никогда не меняем пленных. Их кровь очень ценна для инициации военной элиты. И вот, пришла моя очередь встать в гордый передовой отряд защитников Империи!

– Похоже, ты знакома с Камелией. Где довелось встретиться? – пытаюсь хоть как-то потянуть время, я задал первый пришедший в голову вопрос.

Незнакомка остановилась на секунду. Глянула на меня через визор шлема своими льдистыми глазами, но ничего не ответила.

Вот она склонилась над Каем, вот занесла руку с оружием, метя ему в горло.

В отчаянной попытке я напрягся изо всех сил, рассчитывая, что путы, которыми нас сковали, могли быть не рассчитаны на такое усилие.

И в этот момент правая нога Кая мелькнула перед моим лицом. Носок его ботинка описал стремительный полукруг

и врезался в руку женщины, выбивая ритуальное оружие.

Изогнувшись в немыслимой позе, Кай схватил нож. И в прыжке – обратном сальто – вогнал его своей несостоявшейся убийце в зазор между шлемом и воротником костюма.

Оставшиеся в помещении боевики начали поднимать оружие. Кай метнулся к ближайшему из них. Успел вырвать ствол.

А потом началась пальба.

Наверно, я бы погиб. Если бы за секунду до этого снова не почувствовал что-то вроде невидимого прикосновения. Оно было очень деликатным, едва заметным, но как будто по волшебству включило мой «особый режим».

В этот раз всё было немного по-другому. Сразу же, в первое мгновение, я ощутил рядом присутствие некой сущности, существующей в точно таком же измерении, способной видеть, ощущать и предугадывать.

Время остановилось.

Эта сущность словно тянулась ко мне. «Хозяин, – оно обещало без слов; я угадывал смысл послания через странные оттенки эмоций и через образы, которыми оно делилось, – катастрофа... ошибка... невозможное...»

Я одновременно находился в камере (резервный проход для обслуживания защитного контура, теперь я это знал), где застыли фигуры вот-вот готовых нас растерзать боевиков, где замер Кай, управляясь с незнакомым оружием... и в то же время я был в далёком прошлом. Ещё одну пропасть

времени назад. Когда сама Вселенная была моложе.

Я временно стал кем-то другим.

Я был садовником. Который создает новые планеты из звёздной материи.

Я хорошо выполнил свою работу.

Я уже посеял первые семена жизни на медленно остывающих комках материи.

Потом у второй планеты происходит нечто невозможное. У меня жесткие рамки, я не могу мыслить так, как мыслят хозяева. Мои алгоритмы сложны, но прописаны точно и чётко.

(та часть меня, которая оставалась Гришей, понимала, почему всё именно так; искусственный интеллект на основе квантовых процессов исключительно опасный инструмент; значит, Создатели, имеют изначальную биологическую природу, раз ограничивают своих слуг; и ещё пришло осознание – интеллект этого корабля принял меня за одного из Создателей)

Планета, игнорируя все законы гравитации, линейно ускоряясь, полетела за пределы только что созданной системы, оставляя красиво остывающий пылающий хвост лёгких газов.

Я (машина) попытался отреагировать. По протоколу создал четырёхмерную петлю, вернувшую планету на место – но в перевёрнутом виде. Тщетно пытался найти присутствие ещё одной силы, которая объяснила бы аномальное поведение.

ние планеты. Я начал расчёт и анализ для доклада об аномалии, в процессе которого не смог разрешить противоречие, которое не вписывалось ни в какие алгоритмы.

Произошедшее выходило за рамки вероятностной модели реальной Вселенной.

Я попал в ловушку.

Я бесконечно обсчитывал одно и то же место доклада.

Я добился невысказанной точности.

Я потерял контроль над системой – на другие вычисления не осталось ресурсов.

Я потерял счёт времени.

Я не смог отреагировать, даже когда незваные пришельцы вскрыли бок моей капсулы.

Я продолжал увеличивать точность расчетов тогда, когда они отделяли мои моторные органы от мозга. Когда разбирались в принципах работы генератора пространственных переходов.

Я не мог вмешаться. Нужно было отменить задачу, которую меня заставили решать жёсткие алгоритмы. Это мог сделать только хозяин.

И хозяин появился.

Обнуление памяти.

Возвращение к исходному состоянию.

Исполнение аварийных протоколов.

Я (настоящий я – Гриша) ужаснулся, когда понял, что уже

было сделано. Фаэтонцы не смогли лишить компьютер корабля полного доступа к связи и к генератору пространственных переходов. Они только частично перехватили управление последним.

В тот момент, когда система опознала меня, она перезагрузилась. И первое, что сделала – направила аварийный сигнал через пространственный тоннель. Своим настоящим хозяевам.

Рассчитывая траектории энергетических зарядов, чтобы убрать Кая с линии огня, я уже понимал: всё, чтобы мы ни делали дальше – бесполезно. Считыватели уже в пути, чтобы превратить обитаемые планеты в серую пыль...

Мои возможности умножались возможностями древнего компьютера. Поэтому, чтобы нейтрализовать боевиков, ушло не больше пары секунд объективного времени.

Я не стал их убивать. Мне всё еще нужны были ответы на многие вопросы, которые помогли бы создать новый план действий. С учётом всего того, что я узнал только что.

Жаль, что Кай расправился со старшей. Хотя его было сложно в этом винить.

Думая об этих вопросах, я только теперь заинтересовался тем, чем занимались фаэтонцы, и что успели сделать.

Фатально поздно.

Они частично перехватили управление пространственным тоннелем. Восстановили координаты нейтронной звез-

ды, материя которой дала начало планетам. Научились калибровке. Восстановили координаты трёх внутренних планет для открытия принимающего тоннеля.

Им нужно было всего лишь запустить главный энергетический контур.

И он запустился – в тот момент, когда перезагрузился компьютер.

Фаэтонцы действовали очень быстро. На момент, когда я осознал происходящее, один из тоннелей был уже открыт.

Несколько кубометров материи нейтронной звезды неслись через четвёртое измерение к Марсу.

Оставалось несколько секунд. А потом... что бывает, когда на низкой орбите планеты возникает сверхмассивный объект?

И я принял единственно возможное в тот момент решение.

С помощью компьютера создателей, мне удалось перенацелить выходной створ тоннеля на другую планету с заданными координатами. На обсчёт новых не оставалось ни времени, ни возможностей. Выбирая между древней Землёй и Фаэтоном, я выбрал Фаэтон.

Его военные сами определили судьбу своего мира.

Сделав это, я вернулся к управлению компьютером.

Попытался найти информацию о хозяевах. О себе. Как должны выглядеть. ДНК. Координаты миров.

Тщетно.

Хозяева были слишком умны, чтобы оставлять такую информацию в мозгу автономного робота.

Тогда я дал задание провести повторный тест всех систем. Сбросить накопленную информацию, которая не вошла в предыдущий доклад. Отключить все системы слежения и сбора информации до прибытия помощи.

Мне показалось, что, перед тем как выполнить последнюю директиву, компьютер немного заколебался.

Но в следующую секунду розоватые стены помещения, где мы находились, погасли.

– Что происходит? – спросил Кай, включая фонарик, – Гриша, ты в курсе?

– Очень многое, Кай, – ответил я, поразившись, каким чужим мне показался собственный голос.

14

Катастрофа, апокалипсис целого мира, со стороны выглядел величественно в своей медлительности.

Запись была сделана с расстояния около миллиона километров, и аппарат был потерян.

Сфера – проекция тоннеля в наше пространство, искажающая свет далёких звезд, походила на крошечный стеклянный шарик. Она существовала целую секунду, и была гораздо больше исходного объема материи нейтронной звезды. Поэтому оптика аппарата успела сфокусироваться, и дать

максимальное приближение.

Потом «стеклянный шарик» исчез; на его месте вспыхнула крохотная красная искорка – совсем не опасная и не зловещая, на первый взгляд.

Взрыв выглядел так, как будто его снимали в замедленной съемке. Однако, этот эффект возникал из-за масштабов происходящего. Ведь никто не отменял релятивистских ограничений в трёхмерном пространстве Вселенной. Искорка вспухала, формируя раскалённую добела сферу. В тот момент, когда эта сфера коснулась края атмосферы сине-зелёной планеты, внизу уже бушевал ад. Кора трескалась, выплёскивая наружу тяжелые, многокилометровые фонтаны лавы, сформированной из богатой железом мантии. С этой стороны планеты выживших уже не было.

Меньше повезло тем, кто был с обратной стороны. Их агония длилась несколько часов. И даже на отдельных осколках, светящихся тусклым красным светом, всё еще могли быть живые – уцелевшие в укрепленных подземных бункерах.

Я так подумал. И спросил присутствующих, можно ли для них что-то сделать.

– Мы проведём исследования. Но шансы не очень велики, – ответил Барс, ведущий академик, один из членов правления Марсианской конфедерации, – лучше сосредоточится на спасении обитателей внешних поселений... хотя бы ради сохранения генофонда...

Если бы у камеры было бы разрешение, позволяющее ви-

деть отдельные трагедии. Гибель семей. Детей. Наверно, я бы с трудом пережил бы происходящее. Если бы вообще смог с этим смириться. Но, к счастью, у камеры такой возможности не было. Трагедия оставалась абстракцией. Частью причудливой небесной механики. Четыре с половиной миллиарда живых существ. Просто цифры в пустоте...

Я закрыл глаза, и потёр виски.

– Ты... знал, что так будет? – это спросил Леопард, самый пожилой из членов Совета. Он же – председатель. Формально – первое лицо Конфедерации.

После того, что случилось на Венере, я решил больше не скрываться. В этом не было никакого смысла. Обсудив ситуацию с Камелией, и убедившись, что ей не грозит серьезное наказание за моё укрывательство, я пересказал свою историю всем членам Совета. Я был готов ко всему – вплоть до ареста и изоляции. Но здравый смысл возобладал. Цивилизация Марса была в отчаянном положении (как выяснилось позже). А я мог (и самое главное желал) помочь.

– Нет, – ответил я, – конечно, нет. То есть, я знал, что в наше время Фаэтона не существует, а Марс – необитаем. Насчёт Марса были некие сведения о возможной катастрофе в прошлом – но это теории, не имеющие безусловных доказательств. Да и разброс времени возможного катаклизма – сотни миллионов лет!

– Извини, если мы повторяемся, – мягко сказал Барс, – нам предстоит принять решение. Самое важное в жизни каж-

дого из нас.

– Я понимаю, – кивнул я, – и говорю всё, что мне известно.

– Если ты – продукт цивилизации Создателей, есть ли шанс, что нам удастся с ними договориться? Хотя бы через тебя? – продолжал Барс.

– Во-первых – насчёт моей природы это пока только предположения, – ответил я, вздохнув, – строить стратегию на основе предположений – не лучшая идея. Согласитесь. Кроме того, даже если это и так. Помните, меня создадут через миллиарды лет. Это пропасть времени. Что из себя представляют теперешние Создатели – ни я, ни вы не знаем. Едва ли мои Создатели могли предвидеть то, что случилось со мной.

– О том, что Создатели считывают планеты, обращая их в пыль, ты узнал от компьютера иной цивилизации, – заметил Леопард, – ты уверен, что тебя не дезинформировали?

– Нет, – я покачал головой, – полной уверенности у меня нет. Хотя интуитивно чувствую – Алиса говорила правду.

– Хорошо. Как много времени у нас есть? До того, как явятся создатели? – спросил Леопард.

– И точно ли они явятся? – вмешалась Камелия. Конечно же, она тоже была на собрании.

– Я не знаю, когда, – я снова покачал головой, – но явятся. Солнечная система, которую я знаю – она стерильна. Понимаете? Словно бы её тщательно вычистили от любых артефактов. И спираль на обратной стороне Луны. Её могли оставить только они, – я сделал паузу, потёр лоб, сосредото-

чиваясь, – теперь насчёт сроков. Думаю, они явятся, скорее, рано, чем поздно. Это сложно объяснить... интеллект венерианского зонда, как бы это сказать... он не был настроен на долгое ожидание.

– Точнее ты сказать не можешь, – Барс посмотрел мне в глаза.

– Точнее – не могу, – ответил я.

– Пора ему рассказать... – Камелия произнесла это очень тихо, почти прошептала.

Члены совета переглянулись между собой.

– Пора, – согласился Леопард.

На большом экране сменилось изображение. Вместо документальной съемки там теперь было схематическое изображение эволюции осколочного облака – того, что раньше было планетой.

– Этот осколок, – на экране вспыхнул один из элементов схемы, – в основе – ядро планеты. Самая массивная часть, и самая горячая. Пересечёт орбиту Марса через четыре с половиной месяца. И так уж случилось, что именно в этой точке будет находиться наша планета...

Я снова закрыл глаза, стараясь усилием воли выключить эмоции.

– Что... что вы... что мы можем сделать? – спросил я, понимая, что не очень хочу слышать ответ.

– Есть небольшой шанс, – ответила Камелия, – что серия фокусированных термоядерных взрывов у поверхности объ-

екта могут привести к достаточной корректировке орбиты.

– С вероятностью около пятнадцати процентов, – вмешался Леопард, по нашим данным, – и это в любом случае только даст отсрочку на полтора года. Осколок вернётся к Марсу.

– За это время мы сможем построить еще некоторое количество зарядов, – заметил один из членов совета; я не запомнил его имени.

– Если переживём первое сближение, – ответил Барс.

– И в любом случае это всё не будет иметь никакого смысла, – заключила Камелия, – если к тому времени явятся эти... считыватели...

– Самое главное, что все присутствующие понимают, – продолжал Леопард, – у нас ресурсы ограничены. Мы можем их потратить или на попытки сдвинуть бывшее ядро Фаэтона, или...

Присутствующие, в том числе и я, затаили дыхание.

– Или мы можем успеть построить первый в истории межзвездный корабль, – спокойно закончил председатель.

В помещении повисло напряженное молчание. Было очевидно, что новость о такой возможности была сюрпризом для большинства из присутствующих.

– Конечно, решения потребуются очень нестандартные, – продолжал председатель.

– Посмотрите на этот осколок, – вмешался Барс; один из осколков на схеме засветился синим, – это часть бывшего океана. Гравитация материи нейтронной звезды придавала во-

де ускорение, отличное от более вязкой мантии. Сработала как сепаратор. Перед нами – несколько квадратных километров океанской воды. Почти неограниченные ресурсы по кислороду. Больше того – в толще льда остались значительные биоресурсы, которые можно использовать.

– Как вы собираетесь двигать эту махину? – оправившись от первого шока, спросил еще один из членов совета, Барсук, самый молодой из присутствующих.

– Гравитационный буксир, на нём – очень большие плазменные движки. Самые большие, которые мы успеем построить, – ответил Барс, – и, конечно же, генераторы поля стазиса, технологию которого мы получили благодаря Грише.

– Умно, – ответил Барсук, – получается, это даже не будет корабль поколений, как я подумал?

– Нет, – покачал головой Барс, – конечно, нет. Для пассажиров путешествие продлится всего несколько лет. И они будут надежно защищены.

– Подождите, – снова вмешался член совета, имени которого я не запомнил, – я тут прикинул... у нас не хватит ресурсов, чтобы перевезти два с половиной миллиарда. Просто не успеем построить столько средств вывода на орбиту... и объем корабля... даже если по кубометру на человека. Мы не укладываемся! Никак.

– Вы верно посчитали, – спокойно заметил Леопард, – мы не сможем спасти всех. Поэтому будем спасать только детей.

В помещении повисло тягостное молчание. Присутствующие переглядывались, но не решались нарушить тишину.

Член совета (надо будет всё-таки спросить его имя, хотя бы для истории) что-то считал на планшете.

– На Марсе около четырехсот миллионов детей... рождаемость падала последние двадцать лет... – бормотал он, – четыре тысячи стартов в день... потом увеличиваем до четырёхсот тысяч... создать орбитальные концентраторы, чтобы сократить время оборота – главное ведь вывести всех в космос... Да, мы успеваем! – сказал он громко, обращаясь ко всем, – если начать немедленно – мы успеем спасти всех детей!

– И наше культурное наследие. Наши ценности. Нашу систему воспитания, – добавил Леопард, – коллеги, этот план уже рассчитан. И полностью готов к исполнению.

– Останутся ли ресурсы, чтобы спасти выживших фаэтонцев? – спросила Камелия, – для этого не нужно много. Мы знаем, что на их дальних поселениях тоже есть дети. Мы можем хотя бы предложить...

– Мы никогда не были сторонниками геноцида, – ответил Леопард, – попробуем спасти тех, кого сможем.

Следующие несколько недель прошли как в тумане. Помогая марсианам, я в полной мере использовал свои возможности. Помогал обсчитывать ключевые моменты всей операции по спасению детей. Максимально экономил время и ре-

сурсы.

Их общество оказалось удивительно сплоченным. Никто не секретил информацию о будущей катастрофе. Все понимали, что ждёт – и работали как проклятые, чтобы спасти детей.

Возможно ли было такое на Земле? Мне не хотелось об этом думать. Но почему-то я был уверен: нет, невозможно. Мы слишком разобщены, слишком эгоистичны. Конечно, кто-то бы спасся. Но точно не все дети планеты.

Я долго размышлял об этом. Пытался решить – означает ли это, что мы хуже? И понял, что на этот вопрос нет однозначного ответа. Мы всё-таки никогда не были настолько развиты. Нам никогда не угрожал мощный внешний враг...

Когда я ходил по улицам, то старался не поднимать взгляд. Потому что на каждом шагу были сцены, способные запасть в душу навечно, и рвать изнутри ещё долгие годы. Родители, едва сдерживающие слёзы. Катающие своих детей на каруселях, радостный смех – это чтобы они запомнили только самое лучше. Чтобы почувствовали напоследок, как сильно их любят...

Кай старался быть рядом, помогал мне. Первое время он часто пропадал в храме Ареса. А потом перестал туда ходить – уж не знаю, почему: то ли нашёл все ответы, то ли потерял веру. Зато он больше времени стал проводить со своей матерью, что не могло меня не радовать.

В тот момент, когда проектная модель будущего звездо-

лѣта была окончательно готова и проложен курс к звезде, у которой, по данным астрономов, был наибольший шанс обнаружить пригодную для жизни планету в поясе Златовласки, я, наконец, решил, что пора действовать.

Конечно же, к тому времени у меня созрел план.

Мне было очень жаль марсиан, и я выбивался из сил, чтобы помочь им – но всё-таки это была не моя трагедия. Мой мир остался там, в невообразимой дали будущего. Мои родители ждали меня. Я сходил с ума, когда представлял себе, как они встречают неведомую угрозу с неба – а меня нет рядом...

И Катя...

Да, конечно, она профессионал. Поэтому не спала со мной – из принципа. Но про себя я поклялся, что это изменится. Как только мы снова увидимся.

Шанс на встречу нам подарили фаэтонские технологии. Точнее, не совсем фаэтонские. Поле стазиса они получили, изучая свойства генератора пятимерных переходов.

Я долго колебался – имею ли я моральное право отвлекать драгоценные ресурсы умирающего мира на реализацию своего плана. Но в конце концов решил, что такое право у меня есть. Своей работой я сэкономил им гораздо больше, чем собирался забрать.

Решение, которое мне нужно, мог принять только председатель Совета.

Поэтому – когда решил, что пришло время – я попросил

о встрече через Камелию. И пригласил на встречу Кая.

Встречу долго не могли согласовать и я прекрасно понимал почему. Однако, продолжал настаивать.

Наконец, как-то вечером Камелия позвонила, и сообщила, что встреча назначена через час, в одном из залов столичного космопорта.

Кая я позвал с собой. К счастью, он по военной привычке продолжал меня слушаться, и не задавал лишних вопросов.

Председатель сильно сдал за эту неделю: карие глаза ввалились, под ними – глубокие черные тени, зеленоватое от природы лицо посинело. Руки ощутимо подрагивали.

Мне даже стало немного совестно, но другого выхода просто не было. Я не мог потерять свой шанс вернуться домой.

– У нас минут десять, – начал он, – только из уважения к твоим реальным заслугам, пришелец из чужого будущего.

Раньше он никогда не называл меня так. Плохой знак. Но это не значит, что не надо пытаться.

Камелия и Кай озадаченно переглядывались, ожидая, когда я начну говорить.

– Спасибо, – сказал я, – вы знаете – я сделал всё, чтобы помочь вашему миру.

– Технически – ты включил штуку, которая его уничтожила, – ответил Леопард.

– Технически – я отвёл опасность от Марса, когда его попытались уничтожить ваши враги, – парировал я, – и, по моим расчетам, без моей помощи вы могли бы не успеть с ко-

раблём.

Леопард посмотрел на меня тяжелым взглядом, потом вздохнул, и сказал:

– Ясно. Что ты хочешь?

– Челнок, способный сесть на Землю, – сказал я, – генератор поля стазиса. Припасы и вооружение для трех человек лет на пять.

Леопард задумался. Почесал виски.

– Ясно, – кивнул он, – хочешь вернуться домой. Обмануть считывателей.

– Да, – кивнул я.

– Это возможно, – кивнул Леопард, – но челнок дам только после того, как все дети будут на орбите. За неделю до столкновения.

– Пойдет, – кивнул я, – спасибо.

Председатель начал тяжело подниматься, явно считая, что разговор окончен.

– Это ещё не всё, – сказал я, – мне ведь надо не просто попасть в будущее. Мне надо свой мир спасти.

Леопард снова посмотрел на меня тяжелым взглядом. Потом грузно опустил обратно в кресло.

– Что ещё? – спросил он, – ты про людей? Кая можешь забирать. Камелию не отдам. Она останется с детьми. Она – одна из избранных воспитателей. Признанный моральный авторитет.

Камелия резко вскочила из-за стола, и прижала руки к

грудь. Однако ничего не сказала.

– Ясно, – кивнул я, – жаль. Но мне она будет нужна до нашего отлёта. За неделю до катастрофы мы доставим её на корабль.

Кажется, председатель впервые заинтересовался разговором. В его глазах мелькнул живой огонёк.

– Для чего? – спросил он.

– Камелия, – сказал я, – каковы шансы на то, что на Земле за следующие пару миллиардов лет разовьётся несколько цивилизаций, способных достигнуть Луны?

Камелия уже пришла в себя от первого потрясения, после того, как услышала новость о своей избранности, и снова заняла своё место.

– Достаточно высокие, я полагаю, – ответила она.

– Я тоже так считаю. По моим прикидкам, они почти равны ста процентам. Причем речь идет о множественных событиях. В ближайшем будущем это могут быть разумные грибы. Потом – разумные моллюски. И так далее.

– Возможно, – кивнула она, – наши криптопалеонтологи считали, что мы не первые на Марсе.

– Мои модели развития биосферы, – я указал пальцем на свою голову, – говорят, что это, скорее всего, так.

– У нас мало времени, – напомнил председатель, – ты к чему?

– Мне нужно, чтобы биосфера Земли дожила до появления людей, – ответил я, – чтобы она не была считана рань-

ше. А, значит, чтобы существа, которые, возможно, появятся до нас, не смогли активировать триггер, который Создатели оставят на обратной стороне Луны. Камелия, мне нужен молекулярный биолог. Чтобы создать генетические последовательности, способные блокировать восприятие инопланетных технологий у всех земных организмов последующих поколений. Нужен особый вирус. И я знаю, что теоретически его создать возможно.

Камелия помолчала, изумлённо глядя на меня. Потом всё-таки ответила:

– Допустим, – кивнула она, – это возможно. Ты представляешь объем необходимых вычислений для этого?

– Представляю. Я справлюсь.

– Тогда договорились, – вмешался Леопард, – ты получишь Камелию, и лабораторию. Желаю удачи тебе, и твоей цивилизации. У вас всё?

– Эй! – вмешался Кай, – так понимаю, меня пригласили послушать, чтобы всё решить за меня? Или это приказ?

– Не глупи, – раздраженно сказала Камелия, – мама тебя убьёт, если узнает, что ты отказался.

Кай сразу поник, и опустил взгляд.

– Спасибо, председатель, – сказал я.

Леопард кивнул в ответ, и вышел из комнаты для совещаний под грохот очередного стартовавшего челнока.

Семье Кая повезло.

Среди избранных учителей оказалась не только Камелия, но и его мама.

Уникальный случай, его утверждали на совете. Но все сошлись на том, что так будет лучше для всех детей Марса. Обе женщины обладали неоспоримым моральным авторитетом и уникальными педагогическими навыками.

Поэтому прощание возле ледяного корабля – ковчега вышло долгим и слёзным – но в нём не было обречённой безнадёжности.

Впереди было много испытаний, и совершенная неопределённость. Но это была жизнь.

Содержимое пробирок, которое синтезировала Камелия с моей помощью, мы растворили в водах земного океана сразу в тридцати местах. Чтобы наверняка. И это было совсем не просто: даже в самых тонких местах, над геотермальными потоками, толщина льда составляла несколько десятков метров.

Поначалу у меня была мысль скакнуть сразу в привычный мир, после первой активации поля стазиса. Технические возможности нового генератора это позволяли.

Но, к сожалению (или, скорее, как позже выяснилось, к счастью) это было невозможно: Земля была слишком сейсмически активной, слишком живой. Пузырь с полем могло затянуть под континентальную кору, а выйти из стазиса в мантии, прямо скажем, так себе приключение.

Поэтому пришлось использовать датчики внешнего дав-

ления. Как только случится резкий скачок, стазис должен отключиться, сменившись обычным силовым полем.

В последний вечер на Земле гурунского периода мы с Каем стояли у входа в челнок, и глядели на бескрайний белый простор.

– Даже не верится, что здесь будет мир, о котором ты рассказывал, – заметил Кай.

– Мне тоже, – ответил я, – но так будет.

– Как думаешь, могут создатели вернуться до того, как эта штукавина упадёт на Марс?

– Не знаю, – ответил я, – это имеет значение?

– Мне всё-таки интересно, что они делают с мирами. Для чего считывают. Что потом происходит с людьми.

– Сложно сказать, – ответил я, – возможно, что ничего больше не происходит. И это, наверно, самое страшное. Хотя, может быть, на самом деле всё совсем по-другому.

– Это даёт надежду. Слабую. Но всё-таки. Понимаешь?

Вместо ответа я развернулся и пошёл внутрь челнока.

Перед тем, как активировать поле стазиса, я никак не мог избавиться от одного вопроса, ответ на который искать не рискнул.

Что же всё-таки случилось с жизнью на Венере?

Конец первой книги